

18+

ТОМ
ПЕРВЫЙ

Т Ъ Е Р Е Р А У Ш

МОЗАИКА

Тъере Рауш

Мозаика

«Издательские решения»

Рауш Т.

Мозаика / Т. Рауш — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Узрите Нортгар, древнюю страну, подчиненную
суровым законам правящего Дома Барбарой. В темноте дремучих лесов снуют
ползучие тени, в сине-зеленом полусвете блуждают хексы, колдуньи, знающие
магию крови. Ануиры, диковинные звери с лунными глазами, прячутся среди
обычных людей. Со смертью в Нортгаре можно договориться, да и мертвецы
там живее всех живых! Узрите и отправляйтесь в путешествие, чтобы собрать
все фрагменты хрупкой Мозаики и распутать временные петли!

© Рауш Т.

© Издательские решения

Содержание

Диковинные звери (настоящее)	6
Найденыш (прошлое)	20
1	20
2	35
3	48
ЭПИЛОГ	59
Турмалин (настоящее)	89
1	89
2	99
Чужие глаза (настоящее)	108
1	108
2	123
Конец ознакомительного фрагмента.	128

Мозаика

Тьере Рауш

© Тьере Рауш, 2026

ISBN 978-5-0070-8659-2 (т. 1)

ISBN 978-5-0070-8658-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Диковинные звери (настоящее)

Мой сосед — тот еще прохвост. Я познакомился с ним, когда купил дом.

Обычный, ничем не примечательный домишко на две спальни, с видом на куцую рощу, хотя в объявлении гордо значился лес. Крыльцо просело под тяжестью времени, двери рассохлись, что уж говорить о сантехнике и состоянии пола в комнатах.

Дом продала пожилая супружеская пара: дети уговорили родителей избавиться от лачуги и перебраться в комфортные городские апартаменты. А мне наоборот хотелось скрыться в глуши. В моем воображении, конечно же, новый уклад жизни выглядел немного иначе.

Впрочем, грех жаловаться. Муторная учеба, где я регулярно получал нагоняй от преподавателей за не самые хорошие показатели на практике, осталась позади. Получал за меланхоличную подачу материала и нежелание заинтересовать вверенные классы.

На третьем курсе меня поставили перед выбором: либо пойдешь изучать французский в дополнение к общему наречию, или будешь постигать немецкий. Немецкого я сполна хлебнул в школьные годы, категорически не понимая как, куда и зачем, почему так сложно, почему так больно, пусть и с детства нежно любил сказки братьев Grimm, а в музыкальном плейлисте насчитывалось несколько малоизвестных групп из Берлина. Хвала даирнай, или же хвала моей учительнице, которая махнула рукой на безбожно заваленные проверочные и хромающее произношение, немецкий преодолелся и был забыт, как страшный сон.

А взявшись за французский, я понял, что крупно вляпался, и назад дороги нет. Университетская преподавательница, впрочем, имела безграничный запас терпения, и, пусть находилась в состоянии перманентного ужаса, методично исправляла ошибки в речи, хотя не без удовольствия черкала красным каждую мою сданную работу. После выпуска я имел неосторожность отправиться на каторгу в офис, проклял все на свете и, быстро сменив работодателя, стал постигать прелести удаленной работы. Теперь работал я преимущественно из дома, изредка принимая студентов на съемной квартире. Правда, сейчас, купив собственное жилье, подумывал полностью уйти в онлайн, ибо в такую глушь никто в здравом уме не поехал бы.

Первые дни пребывания в новом доме показались мне настоящим адом. Складывалось впечатление, что бывшие владельцы нисколько не заботились о своем жилище и съехали, оставив весь хлам и грязь в подарок к договору купли-продажи.

Сначала я вычищал кухню, управился за два дня. Потом пришел черед гостиной, следом занялся ванной комнатой, прихожей и винтовой лестницей. На спальни мужества не хватило, и я пока обосновался внизу. До холодильника ходить недалеко, если вдруг проголодаюсь среди ночи, да и шанс навернуться с шаткой лестницы сводился к нулю.

К слову, о лестнице.

Одна из приятельниц, Анна, неспешно потягивая ледяную маргариту в вечер новоселья, задумчиво разглядывала перила и ступени, а потом выдала:

— Красиво, конечно, но как ты еще не убился?

Я пожал плечами:

— Все просто. Я наверх пока не перебрался, и там только коробки с хламом.

Анна подняла бокал, понимающе кивнула. Другим мое новое жилище понравилось, нашли они нечто эдакое в отшельническом существовании в доме на отшибе, и даже с восторгом ринулись исследовать рощу. Правда, вернулись быстро, потому что было темно и холодно, а колючий ветер преобильно щипал за щеки.

Каково же было моё удивление, когда я добрался до спален.

Поначалу я не обратил внимания на потайную лестницу, спрятанную в потолке одной из комнат. Чердак, на который она вела, вполне мог служить убежищем от летней жары, если

впихнуть туда кровать или хотя бы матрас. Мне даже показалось, что на чердаке мило и уютно, поэтому первым делом я начал уборку там.

И нашел немало занятных вещей, таких как:

1) Кости мелких животных и останки птиц;

2) Стекланные шары (по размеру не больше шариков для пинг-понга, они издавали странный гул и мерцали в темноте);

3) Целую стопку ежедневников (как современных, так и довольно винтажных), исписанных пусть и ровным, аккуратным, но абсолютно непонятным почерком (что почему-то напомнило мне о фильме «Семь» и тетрадках Джона Доу);

4) Достаточно много пар стоптанных ботинок, по которым можно отследить эволюцию моды мужской обуви от конца девятнадцатого века до наших дней;

5) Несколько коробок с засушенными цветами, выцветшими фотографиями, пожелтевшими письмами, марками и открытками;

6) Банки с заодно громыхающими монетами.

Мне показалось, что здесь раньше обитала крайне сентиментальная особа, которая увлекалась фотографией, литературой (книг тоже нашлось предостаточно для внушительной домашней библиотеки), а в свободное от своих занятий время ловила птиц, ставила силки на мелкую живность и поедала ее. Возможно, так развлекался старый хозяин дома, однако с его большой спиной подобные вылазки доставляли бы сильный дискомфорт.

От косточек я, понятное дело, избавился. А вот выкинуть остальное рука не поднялась. Прикрутил полки, которые приобрел по бросовой цене в лавке столяра в городке неподалеку, протер каждую коробку и банку, убрал пыль с книг и ежедневников, расставил их по местам. Что делать с обувью не придумал, поэтому просто свалил ее в мешок и оставил в углу до лучших времен. Подмел пол, начистил до блеска скрипучие доски. Чердак нравился мне все больше и больше. Осталось соорудить здесь приличное спальное место.

Когда я протирал круглое пыльное окошко — единственный источник света на чердаке, помимо двух настольных ламп, — я увидел, что на заднем дворе, куда оно выходило, кто-то стоял. Из-за разводов на стекле у меня не нашлось возможности разглядеть незнакомца как следовало, а когда с окном было покончено, неизвестного гостя уже и след простыл. Я закрыл чердак, оставив включенными лампы. Нужно было еще раз протереть пол.

Пока я спускался с ведрами, полными мутной воды, мешком с косточками и паутиной, услышал, как в гостиной зазвонил мобильный телефон.

— Привет, ма, — я взял трубку, параллельно стряхивая со штанов комки пыли.

— Ну, — грозно донеслось из динамика, — и как тебе живется, совесть не проснулась? Мозг на место не встал?

Я стиснул зубы, пока матушка отчитывала меня. Нельзя было давать повода прицепиться еще к чему-нибудь.

— Хватит уже, — пробормотал я в ответ, и трубка буквально раскалилась от криков.

— Ты подумал, что у отца большое сердце? А я? А как же Адалин? Бедная девочка места себе не находит, а тебе хоть бы что, тебе плевать на всех нас...

— Ма, прекрати, пожалуйста, — я прислонился лбом к дверному косяку.

— Так нельзя! Что ты натворил, опозорил всех нас!

Краем глаза я увидел, что от прихожей к лестнице метнулась тень, будто кто-то быстро и бесшумно пробежал. Стало не по себе. А в следующую секунду наверху раздался страшный грохот. Я закусил нижнюю губу и осел на пол. Мама верещала, но ее возмущенные возгласы казались теперь писком назойливого комара. Я медленно встал с пола, включил свет в гостиной, коротко сказал маме, что перезвоню, осторожно вышел в коридор, включил свет и там, добрался до кухни и после еще одного легкого щелчка выключателем свет озарил старенькие шкафчики.

Прислушался.

Ничего, только давящая тишина.

Я задумчиво потер подбородок, достал из ящика с инструментами молоток и, собравшись с духом, подошел к лестнице. Опасливо задрал голову и увидел потолок второго этажа в обрамлении перил. Никого. Заглянул в одну из спален — тоже пусто.

Теперь на очереди вторая.

Когда я зашел в нее, стало совсем неудобно. Потайная лестница спущена, наверху нет света. Сердце бешено заколотилось в груди. Я понимал, что подниматься на чердак может быть опасно, правда, выхода особого не было.

Однако я обнаружил лишь чудовищный бардак: крепления не выдержали, полки рухнули вниз, вместе со всем тем, что я на них расставил.

Но кое-что заставило меня замереть на месте от страха: из светильников выкрутили лампочки и аккуратно сложили рядом. Все внутри похолодело. Я вкрутил их обратно, то и дело поглядывая на лестницу.

Стало светло.

Заниматься полками не было никакого желания, поэтому я просто аккуратно расставил коробки. Когда дело дошло до книг, мой взгляд зацепился за необычную обложку. Огромная зверюга с мордой, наподобие лисей, и ветвистыми рогами, как у оленя, восседала на горе черепов. Нахмурившись, я взял в руки книгу, прочитал название.

«Диковинные звери»

Книжка старая, потрепанная, иллюстрация на обложке пусть и занятная, но выцветшая.

Книгу я взял с собой, выключил лампы, спустился с чердака, закрыл его, вернулся в гостиную. Там, с минуту поразмыслив, переоделся, взял ключи от машины, отправился в городок. Книжка лежала рядом на пассажирском сиденье. Зверь на обложке недобро глядел на меня. Хвост у лиса был тонкий, длинный, похожий на хлыст, совсем не как у лисиц. А на черепках я позже рассмотрел заостренные зубы. Под обложкой таились желтые страницы, которые облюбовала плесень.

Я припарковался у маленького кафе, где подавали стейки, рыбу на гриле и кошмарных размеров бургеры с фирменным сырным соусом. Парочку таких я и заказал, вдогонку взял большой капучино. Сел в уголке и, пока ждал заказ, рассматривал книгу уже при лучшем освещении, чем в машине. Скажем так, картинка на обложке не самое странное, что довелось мне увидеть в тот вечер: иллюстрации к историям, записанным в книге, оказались куда неприятнее. Мрачные, жестокие, на каждой из них было изображено какое-то животное, и оно обязательно поедало других чудовищ или человекоподобных созданий. Людьми жертв я бы не назвал, у людей не бывает заостренных зубов и чудовищно длинных ног. На дауркаев тоже не похожи.

Дауркаи жили бок о бок с людьми с незапамятных времен, вернее, люди жили на территории этих существ, которые внешне практически ничем не отличались от представителей рода человеческого. А если не улыбались, то и вовсе с людьми спутать можно — клыков не видно. Их часто называли кровососами, поскольку питались они только кровью и плотью, медленно старели и не умирали своей смертью. Меня такое сосуществование не слишком беспокоило, кровососы чтит законы и не открывали охоту на людей, всячески вкладывались в развитие страны. Иногда мне казалось, что дауркаи куда приятнее людских наместников их воли. Кровососы не вмешивались в жизни простых людей и никак их не притесняли, да и зачем?

Пролистал рассказы — ничего не понятно, как будто набор слов, записанных за плохо говорящим ребенком, выдумывающим всякие небылицы. Автор не указан, год издания, тираж. Вообще пусто.

Телефон пополз по столу от вибрации. Я посмотрел на дисплей. Мария. Давно мы с ней не пересекались.

— Алло? — взял трубку, пододвинул к себе бургеры, закрыл книжку.

— Привет, — ласково отозвалась девушка. — Как твои дела? Как поживаешь?

Не успел я ответить, как мягкий голос меня опередил:

— Слышала, что вы расстались с Адалин и не самым лучшим образом. Не хочешь увидеться, чего-нибудь выпить?

Мне стало неловко. Не потому, что про расставание с невестой знала даже бывшая коллега, с которой у меня время от времени случались интрижки еще до знакомства со Адалин. А из-за того, как она ворковала, уговаривая встретиться, утопить печаль в бутылке вина, или чего покрепче. Голос все щебетал, гарантируя приятный вечер, бурную ночь, легкое утро — Мария пообещала даже не оставаться на завтрак, быстро одеться и уехать на такси.

— Я соскучилась, — с придыханием произнесла девушка и у меня поползли мурашки вдоль позвоночника.

Я вспомнил, как ее маленькие пальчики игриво пробегались по моей обнаженной спине, на секунду задерживаясь у основания шеи, и как длинные ногти впивались в плечи при поцелуе. В офисе за глаза мы ее называли Марией-Антуанеттой, поскольку Мария налегала на пирожные в обеденный перерыв. Конечно, подлинность цитаты, приписываемой французской королеве, проверить сложно, однако прозвище приклеилось намертво.

Среди ночи я проснулся от жажды. Марии рядом не было. Подумав, что она в ванной, я нашарил трусы под подушкой, лениво натянул их, встал с дивана. Пол показался очень холодным. Где-то еще валялись носки. Голова немного гудела от количества выпитого алкоголя. Я добрался до кухни в темноте и уже там включил свет. Выпил стакан воды залпом. Теперь захотелось еще и перекусить. Я не слишком часто ел ночью, но в тот раз рука сама непроизвольно потянулась к дверце холодильника.

Неуютно.

Гнетущая тишина нарушалась только тихим гулом старого холодильника. Словно я разговаривал с кем-то, а потом беседа застопорилась, повисла неловкая пауза. Я поставил на плиту чайник, зажег под ним огонь, нашел коробку с чайными пакетиками. Достал хлеб, сыр, ветчину, чесночный соус. Усмехнулся про себя. Марии будет неприятно просыпаться со мной утром: она не переносила запаха чеснока, морщила хорошенький носик и брезгливо отворачивалась.

Ночной перекус готов. Если Мария в ванной, то сколько можно там торчать?

Решил постучаться к ней, слегка поторопить, заодно пригласить присоединиться к трапезе. За дверью ванной я отчетливо услышал возню. Между дверью и полом виднелась тусклая полоска света.

— Мария? — тихо позвал я, ухватившись за дверную ручку.

Дверь открылась.

Я отшатнулся, вжался в стену.

Содержимое желудка немедленно подкатило к горлу, и спустя секунду я выплеснул все то, что ел и пил за ужином, на пол.

Мария лежала абсолютно голая, раскинув руки в стороны. Разверстая грудная клетка, обломки ребер торчали вверх. Почему-то ноги казались кошмарно длинными, выгнутыми под странным углом, а руки — выкрашенными по локоть черной краской. Я всматривался в кровавую кашу там, где должна была находиться прекрасная упругая грудь, и сперва совершенно не обратил внимания, что не видел головы — она откатилась к шкафу с полотенцами.

Возле нее кто-то сидел и медленно, методично поедая лицо.

Я изо всех сил прижал руки ко рту, чтобы еще раз не стошнило, и чтобы не закричать. Кафель в черной жиже. Разбита раковина, все гигиенические принадлежности валялись на полу. Меня словно ледяной водой окатило — Мария же наверняка кричала, даже орала, как я мог так крепко спать, чтобы не услышать мольбы о помощи?

Сидевший у головы девушки понял, что за ним наблюдали. Клянусь, я смотрел на происходящее не более нескольких секунд, но они тянулись вечность. Три огромных глаза — один раскрыт во лбу — полыхали, как янтарные огни, на уродливой морде, отдаленно напоминающей лисью. Из приоткрытой пасти чудовища капала та же черная жидкость, которой залило ванную комнату. Длинный язык пытался подхватить капли, стекающие из приоткрытой пасти. Заостренные уши, рваные, как у дворового кота, побывавшего в переделках. Оленьи рога между ними. Тонкие лапы, напоминавшие ветки старого дерева, сбросившего листву перед зимой, впились когтями в то, что осталось от лица Марии. Глядя мне в глаза, создание оторвало кусок плоти и, отправив его в пасть, начало тщательно жевать.

Кровь прилила к моим щекам и теперь волнами накатывала к барабанным перепонкам, зашумев морским прибором. Я не мог и пальцем пошевелить, однако в голове не было ни единой мысли о том, чтобы броситься прочь — ватные ноги вряд ли бы послушались. Существо, опираясь лапами на голову Марии, встало и выпрямилось. Издало низкий рык, похожий на раскат грома перед началом грозы.

У создания был хвост, такой же как на обложке книги. Вместо того чтобы попробовать спастись, я просто разглядывал как существо выглядело. Короткий буро-рыжий мех. Цокая когтями на задних лапах, чудовище сделало пару шагов в мою сторону. Подняло вверх правую лапу, крючковатым пальцем указало сначала на меня, потом на труп.

— *Не бояться*, — из пасти вырвался голос Марии, затем донесся неприятный хрип.

Существо боязливо оглянулось на мертвую девушку, а потом выдавило из себя следующее:

— *Не бояться Ярдар.*

Чудовище напряглось, словно говорить ему было тяжело, и тем же голосом произнесло:

— *Ярдар жить здесь, Ярдар помогать.*

Оно подошло ко мне вплотную и перепачканной лапой провело по моему лицу. Мне захотелось расплакаться как маленькому мальчишке. Больно: коготь задел кожу и оставил на ней глубокую царапину.

Оно было выше меня на две или три головы. Из пасти смердело так, будто я добровольно залез в сточную канаву, чтобы всласть надышаться зловонием.

И я заверещал.

Так громко, что создание тут же испуганно спрятало лапу за спину, шагнуло назад и прижало уши.

А потом я просто выбежал из дома, выбил локтем стекло у дверцы водителя в машине, прыгнул на сиденье, разворотил приборную панель, чтобы добраться до замка зажигания, с горем пополам завел машину, вдавил педаль газа в пол и рванул в темноту на бешеной скорости.

Отъехав от дома на приличное расстояние и убедившись, что тварь не устроила погоню, я нервно засмеялся, потом зарыдал от страха. Локоть, которым я высадил стекло, был весь в крови и нещадно саднил, и под конец своей поездки я просто скулил. Мария не заслуживала такой кошмарной смерти, да еще и с телом мне что-то теперь нужно делать.

Машина остановилась у дома старого университетского товарища, с которым мы виделись периодически, чтобы разделаться с ведром острых крылышек и запить их ледяным сидром. Уве тоже регулярно хотели казнить на кафедре французского из-за наплевательского отношения к практике и отказа вкладывать в неокрепшие умы школьников скучные, заезженные реплики из затертого учебника с голубой птицей на обложке. Вместо этого он выбрал беспроектную тактику по завоеванию внимания публики, которой нас навязала кафедра. Уве учил ругаться, витиевато и изысканно. Доносил свои мысли до собеседника крайне нелитературным языком, на практических занятиях дышал на учеников перегаром и безо всякого инте-

реса внимал недовольным ремаркам учительницы, которая пестовала в своих детях (а никак иначе, кроме как своими детьми, она учеников и не называла) любовь к прекрасному. Какое уж тут прекрасное, когда практикант с вороньим гнездом на голове с удовольствием вещал о Франции средневековой со всеми неприглядными подробностями. Учительница, восседающая за последней партой и скрытая за стопками тетрадей, поднимала голову и багровела от бороздавчатого подбородка до самых седых корней редких волос. Уве мерзко улыбался желтоватыми зубами с недельным налетом, и продолжал, пока его не выставляли за дверь классной комнаты. Тогда он садился на подоконник, подгибал под себя ноги в рваных джинсах, полосатых носках и стоптанных кедах, терпеливо ожидал перемены. Или просто спускался в столовую, покупал крепкий сладкий чай в граненом стакане, изредка пытаясь вернуться к занятиям.

Я подбежал ко входной двери и изо всех сил принялся молотить в нее кулаками. Только в этот момент до меня дошло, что я посреди ночи стоял в одних трусах, перепачканный кровью. Непонятно, как объяснять свой внешний вид, да смогу ли я вообще внятно разговаривать.

Спустя какое-то время дверь распахнулась. Уве, сонно шурясь, смотрел на меня.

— Сдурел?

Тут он изменился в лице, слетели остатки сна. Хотел бы я увидеть себя со стороны. Хотя нет, не хотел бы.

— Немного, — еле ворочая языком, произнес я. — Зайду?

Уве молча посторонился, распахнув дверь пошире. Задумчиво почесал в затылке, вынес мне теплый халат и запер входную дверь на все замки.

— Идем.

Он проводил меня в гостиную, усадил на диван, достал из шкафа слегка пыльную бутылку виски, молча протянул ее, принес стакан. Затем, снова почесав в затылке, забрал стакан, откупорил бутылку и велел пить прямо так. Я сделал пару глотков. Виски обжег пищевод, дыхание перехватило.

— Не знаю, стоит ли вообще спрашивать, что произошло.

Уве наблюдал, как халат пропитывался кровью на локте.

— Пожалуй, просто принесу аптечку.

Я отпил еще немного.

— Куплю тебе новый халат.

— Подозревал я, конечно, что ты немного не в себе, когда бросил Адалин, да еще со скандалом. Но устроить мне сеанс экзгибиционизма! — Уве невесело улыбнулся, расположился в кресле напротив меня.

Он недавно сбрил свое гнездо до трех миллиметров, постоянно проводил по ежику рыжеватых волос кривыми пальцами, хохлился, как рассерженный воробей. На улице шапку не носил принципиально, чтобы все видели новое поблескивающее колечко в хряще левого уха. Уве казалось, будто он привлекал к себе недостаточно внимания, поэтому из кожи вон лез, чтобы не остаться незамеченным. Я не понаслышке знал о трудных отношениях с родителями, которым Уве постоянно шел наперекор. Верующая мать пропадала в храмах, отца полностью поглотила работа и не отпускала его до самого инфаркта, прямо на рабочем месте. Японцы такое называли «кароси» — смерть от переработок. Отец Уве не был японцем, но выходных себе тоже не устраивал.

— Она переспала с другим и, изрядно выпив на девичнике, решила, что очень правильно набрать мой номер и рассказать мне это перед свадьбой. Что оставалось делать? Проводить церемонию, как ни в чем не бывало? — вздохнул я. — Потом Адалин начала названивать моей родне, рассказывать, что беременна, просить повлиять и сыграть свадьбу, как планировали изначально.

Уве присвистнул.

— А чего ж ты не рассказал никому? Твоя маман говорит всем, что ты обрюхатил бедную девушку и слинял, как последняя гадина.

— Пусть так, лучше я буду получать тычки и порицание, чем Адалин. Она для моей матери дочь, которой никогда у нее не было. А я идиот, на которого мать потратила лучшие годы своей жизни. Справедливости ради надо сказать, что я и правда идиот. Был бы умнее — жизнь сложилась бы иначе.

Уве усмехнулся, снова посерьезнел.

— Что стряслось с рукой?

Я замялся. Вот как подступиться к рассказу? Начал издалека.

Упомянул сначала выкрученные лампочки и книгу. Потом ввернул про звонок Марии. Уве явно повеселел, когда дело дошло до поездки на такси до моего дома из ресторана, где мы встретились с Марией. Он ерничал, отпускал сальные замечания. Неприятно, к тому же, Уве шутило натушно, неумело подбирая фразы. Раньше я за ним такого не замечал, но продолжил говорить.

А затем я просто на одном дыхании выпалил про зверя. На резко побледневшем лице друга ясно читался ужас.

И интерес.

Я ожидал, что последуют советы провериться у врача, пока у меня не начался натуральный психоз, или Уве просто схватит телефон и вызовет санитаров.

— Очень похоже на ожившие легенды про зверолоудей, они якобы раньше тоже жили на этих землях, но их практически полностью истребили. Поговори с теми, кто продал тебе дом, — мрачно произнес Уве, протягивая руку к бутылке, которую я держал.

— Чего? Зверолоуди? — изумленно сказал я. — Стой, ты не считаешь меня поехавшим?

Уве цокнул языком, не стал пить.

— Ну, знаешь ли.

Он встал с кресла, нервно теребя край пижамы.

— Помнишь Сэма?

Я кивнул.

Сэм Седая Башка. Нервный, дерганый паренек с копной седых волос, бывший полицейский. С ним мне довелось познакомиться на одной из ежегодных вечеринок в честь Праздника середины зимы, которые устраивала Анна. Поговаривали, что он как-то раз выехал с напарником по анонимному звонку и уже не вернулся прежним, быстро уволился и ударился в исследования мифов и легенд. Мне, как человеку далекому даже от истории, подобное увлечение показалось занятным и слегка странным. Сэм больше ни дня в своей жизни не проработал, лишь изредка собирал вокруг себя единомышленников для того, чтобы поделиться новыми результатами поисков. Но что он искал — я так и не понял.

— До того, как слегка поехала крыша у него, он рассказывал про дело с анонимным звонком. Двух девушек вскрыли точно так же. Развороченные грудины, лица обглоданы. Руки в дряни какой-то черной перемазаны, ноги вообще мрак. Такое ощущение, что длиннее стали раза в два, сломаны под какими только можно углами.

У меня невольно приоткрылся рот.

— Потом следствие. Сэм не стал принимать участия, уволился одним днем. Про исследования ты знаешь.

— Отследили тот анонимный звонок?

— Запись даже есть, там бред вообще, странный голос продиктовал адрес места преступления, слова коверкал, как будто включили аудиозапись с множеством огрехов, раз через раз белый шум. То ли женщина звонила, то ли ребенок.

Меня бросило в жар.

— Прокатишься со мной утром до прежних хозяев?

Адрес достать оказалось несложно, номер телефона риэлтора у меня сохранился, а он не стал скрывать местоположение бывших владельцев особняка. Бабуля была недовольна визитом непрошенных гостей, а вот дед, у которого вместо левой половины лица имелись только жуткие шрамы от ожогов, даже очень обрадовался, особенно мне, пригласил войти и выпить кофе.

— Пара вопросов по поводу дома, — сказал я, когда старик уточнил зачем мы приехали.

Ночевал я у Уве, кишка тонка оказалась вернуться и дать отпор кровожадной твари. Бабуля тут же скрылась в коридоре и больше не показывалась, старик охотно закивал и проводил нас на кухню, где нагрел воду, достал из кухонного шкафа печенье. Мы сели за стол.

Я не стал ходить вокруг да около.

— Вы мне продали дом с живностью. Я не рассчитывал на домашнего питомца, который, кстати, очень прожорливый. Он убил и съел девушку, которая у меня ночевала, — сказал я, ощутив как желудок сделал сальто.

Старик обрадованно всплеснул руками.

— Наконец-то он вернулся!

Уве присвистнул и, как мне показалось, даже усмехнулся. Я сердито цыкнул на него.

— Что значит «вернулся»? Почему вы меня не предупредили, что эта образина может возникнуть в любой момент?!

Старик снял с плиты свистящий чайник, сделал кофе, поставил перед нами чашки. Пока Уве деловито рассматривал дубовые галеты, я и думать не мог про угощение. Старик сел напротив меня, мягким движением поправил очки, пальцами взбил белую бороду.

— Вас же он не тронул, наоборот, сказал, что будет помогать и вы можете не бояться.

— Видели его рожу? — я разозлился. — Как его можно не бояться?

Старик снисходительно посмотрел на меня, подперев подбородок ладонью, чуть улыбнулся.

— Ярдар выглядит достаточно устрашающе, но прожив бок о бок с этим созданием около двадцати лет, могу вам со всей ответственностью заявить: это как завести большую, добрую собаку. Крайне неприглядную внешне, в этом я с вами согласен. Но вас Ярдар никогда не тронет.

— Почему тогда он убил девушку? — я с раздражением наблюдал, как Уве клал уже пятую ложку сахара в кофе.

— Случайно, не исследовали чердак?

— Вы про книгу?

— Про нее, да. Думал, что потерял ее при переезде, — старик снова поправил очки, откинулся на спинку стула. — Иллюстрации сделаны мной. А текст Ярдар сам набирал на печатной машинке. У него, правда, память до конца еще не восстановилась, плюс из-за поврежденных голосовых связок он с трудом разговаривает. Плюс человеческий облик...

— Давайте-ка с самого начала. Где вы вообще нашли Ярдара? — перебил я.

И старик почему-то посмотрел на меня с благодарностью, словно ему не дали сболтнуть лишнего.

Пока мы слушали, у меня создавалось впечатление, что именно так ощущал себя Сэм, расследуя дело о тех убитых девушках. Казалось, седым останусь после визита. Старика абсолютно ничего не смущало, и говорил он очень спокойно и размеренно.

Будучи куда моложе, господин Фугул проводил выходные в лесу, семья это увлечение не разделяла, им куда больше нравилась городская жизнь. Фугул любил устроиться на живописной поляне, затеять пикник, поваляться на траве летом. Осенью собирал грибы, каштаны и листья, зимой ограничивался просто прогулками на свежем воздухе, а когда приобрел хороший фотоаппарат, стал делать снимки природы и животных, если удавалось кого-нибудь из них поймать в объектив камеры.

Собственно, в один из солнечных морозных дней господин Фугул бродил по лесу, сделал уже довольно-таки много кадров, когда его внимание привлек тихий, жалобный писк. Он огляделся по сторонам и увидел, что какой-то зверек попался в охотничий капкан. Издалека показалось, будто в капкан угодил лисенок.

Но подойдя поближе, господин Фугул невольно вскрикнул.

Маленькое страшное нечто с пугающими светящимися глазами, неестественно вытянутыми конечностями, длинным хвостом. Оно дрожало от холода, пищало и тщетно пыталось освободить кровотокающий хвост. Увидев Фугула, существо неистово заверещало от испуга и, продолжая предпринимать попытки выкрутиться самостоятельно, совсем уж грустно заскулило. Возможно, созданию подумалось, что настал конец и человек собирался его убить.

Господин Фугул не без труда освободил несчастного и взял на руки. Он весил как домашний кот, дрожал от холода и, испуганно выпучив глаза, таращился на своего спасителя. Потом юркнул под куртку и через какое-то время согрелся и заснул. Фугул привез найденныша домой, втайне от супруги и детей спрятал существо на чердаке. Начал подкармливать и через какое-то время понял, что создание любило свежее сырое мясо, но не отказывалось и от фруктов вроде яблок или груш. Найденныш окреп и через окошко на чердаке отправлялся на охоту. Таскал мышей, голубей. Иногда его обедом становилась белка. Позже господин Фугул выяснил, что создание умело запоминать слова и воспроизводить их, правда, слушать свой же голос, которым общалось существо, словно заимствуя его, было не по себе. Старик научил создание необходимым фразам, чтобы без труда угадывать нужды подопечного.

Однажды найденныш увидел, что господин Фугул писал своей красивой перьевой ручкой в блокноте и попросил дать попробовать. А потом в ход пошла печатная машинка. Существо было в восторге от того, что клацаешь по клавише — и на бумаге появляется буква, даже ручку не нужно использовать. Следующим шагом стало имя.

Зверь сказал Фугулу:

— *Ярдар. Запомнить, хорошо?*

Фугул спросил почему именно Ярдар, найденныш лишь повторил сказанное, и старик согласился. Определить возраст Ярдара было сложно, Фугул полагал, что на тот момент он был ребенком. Любил, когда ему читали вслух. Носить одежду существу не очень нравилось, и единственный предмет гардероба который приглянулся за все время, были ботинки. Нравилось завязывать шнурки и начищать обувь до блеска.

А потом началось интересное.

Как-то летом к жене Фугула зашла в гости подруга со своим мужем, Ярдар увидел их из окна на чердаке, начал верещать. Он уже подросток, и ему было хорошо видно, что происходило на заднем дворе, как раз тогда гости неспешно попивали чай за раскладным столиком. Фугул не стал присоединяться, сослался на занятость, нужно было присмотреть за Ярдаром, чтобы он не выбрался из дома и никого не перепугал.

Найденныш никогда так не кричал раньше, господин Фугул учил его соблюдать тишину. Успокоив существо, старик спросил:

— Почему ты кричишь?

Ярдар испуганно таращил глаза, как тогда, в лесу, и лапами махал в сторону окна.

— *Женщина! Плохая!*

— Что это значит?

— *Очень плохая! Делать больно, есть маленьких людей! Пить кровь!*

Фугулу стало не по себе. «Маленькие люди» — дети для зверя.

— Не понимаю все равно, Ярдар.

Найденныш буквально захныкал от беспомощности.

— *Есть плохие. Приходить с той стороны к людям как другие люди, а потом есть их. Ловить маленьких людей и пить кровь, они так жить, их жизнь — кровь, —* тяжело ворочая языком и делая долгие паузы, сказал Ярдар. — *Чудовища!*

Фугул напрягся, спустился к супруге, принес глубочайшие извинения гостям и выпроводил их под предлогом того, что срочно нужно ехать за лекарствами для престарелой матери. Подруга жены сердито фыркнула, что, мол, вот оно какое, гостеприимство. Ничего не оставалось, кроме как покинуть дом вместе с супругом.

Через неделю она убила соседского ребенка и ее нашли, когда женщина вытаскивала маленькое сердце из грудной клетки. Затем, пока она находилась в одиночной камере во время следствия, ей перегрызло горло какое-то животное, вытащило сердце и выело лицо. Никто не видел кто именно это сделал.

Старик расспросил Ярдара о произошедшем. Эта подруга была обычной женщиной, увлекалась кулинарией, радовала домохозяев отменной выпечкой, присматривала за лежащим отцом. Ничего из ряда вон, все довольно типичное и обыденное для дамы средних лет.

— *Пелагиды. Незаметно заменять людей, —* кричал Ярдар, с трудом выговаривая слова. — *Ночью, пока люди спят. Приходить с той стороны, голодные и злые. Приходить из зеркал. Не любить зеркала потом. В зеркалах видеть, какие они страшные. Видеть их клыки и ноги.*

— Ярдар, а кто же ты тогда? — спросил господин Фугул, рассматривая уродливую морду.

— *Ярдар помогать. Раньше много таких, как Ярдар. Выглядеть по-разному, суть одна и та же.*

— Откуда ты?

— *Далеко. Теперь жить здесь. Фугул добрый, —* найденыш вздохнул.

Когда Ярдар стал совсем большим — Фугул судил по размерам, которых он достиг: довольно-таки высокое и крупное подобие лиса — он стал отлучаться на несколько дней.

В интернете иногда писали о найденных телах, похожих на труп Марии в моей ванной комнате. Но никогда такие новости не просачивались в телевизионные эфиры, иначе шумиха поднялась бы страшная.

Ярдар кое-как рассказал, что перед тем как умереть, чудовище показывало истинную внешность, поэтому у найденных тел были всегда удлинены ноги, руки окрашивались в черный цвет. Непременно нужно было достать сердце и съесть, а потом съесть и лицо, чтобы если тело случайно отразится в зеркале, другие чудовища не узнали его и не послали себе подобных отомстить.

Фугул решил создать книгу с красивыми иллюстрациями, а текст доверил писать Ярдару. Так и появились «Диковинные звери».

— Ярдар потом пропал года на два, сказал, что хочет найти своего собрата, и вот вернулся, — господин Фугул смотрел на меня поверх очков.

А я что? Я сидел с приоткрытым ртом. Уве, казалось, вообще потерял дар речи.

— Погибшую девушку, очевидно, подменили, — господин Фугул допил кофе и снова зажег огонь под чайником. — Вопросы?

— Да. Почему такой бардак был на чердаке и откуда столько барахла?

Фугул довольно крикнул.

— Так он тащил все, что не приколочено. Обустраивал быт.

— Это все проясняет, — протянул я. — Он не любит яркий свет, да? Выкручивал мне лампочки.

— Он плут и прохвост, иногда просто хочет поиграть, — старик мечтательно улыбался, будто ностальгируя. — Ярдар, бывало, выкручивал лампочки в детской, зато дочь из-за этого быстрее поборола страх темноты.

Воцарилось молчание, прерываемое лишь свистом чайника.

— Что мне делать? — спросил я.

Фугул пожал плечами.

— Ну, если сможете смириться с таким соседством, то просто живите как раньше. Ярдар не уйдет, ему некуда. Раз вернулся, значит, никого не нашел.

Тут мне почему-то стало страшно. Если больше нет таких диковинных зверей, похожих на Ярдара, значит ли это, что защищаться придется от монстров из зазеркалья самим?

Господин Фугул спросил разрешения как-нибудь заехать и повидаться со своим бывшим подопечным. Все еще пребывая в прострации, я автоматически кивнул, и мы с Уве засобирались восвояси. Я с ужасом и содроганием представлял, как приеду домой. Больше всего меня волновал труп в ванной. Совершенно не хотелось иметь проблемы с полицией. Кто поверит, что это не я шизофреник, а Мария оказалась чудовищем?

Уве, однако, после рассказа старика, возвращаться к себе даже и не планировал. Он уговаривал меня показать ему зверя. Товарища можно было понять, он развлекался на досуге фотографией и живописью, наверняка такая диковинка вызвала у него неумемный интерес. Может быть, хотелось вдохновиться.

Пока мы усаживались в машину, я думал о том, жизнь повернулась ко мне весьма интересной, но опасной стороной. Верить или не верить Фугулу — я не знал. Знал только, что мне стало немного жаль Ярдара. Особенно грустно прозвучало из уст старика, что зверь вернулся, поскольку никого не нашел из своих собратьев. Приблудившийся пес у мясной лавки и то не с такой печальной судьбой мог столкнуться. Пса покормят, потреплют за ухом, а что оставалось этой исполинской зверюге? Уходить на поиски, возвращаться к старому дому с захламленным чердаком, и все что он видел в своей жизни — страх да чудовища.

Уве, не отрывая сосредоточенного взгляда с дороги, предложил заехать за кофе. Я согласился. Мы заехали по пути в абсолютно нелепое место, где и кофе подавали со всевозможными сиропами, пекли хлеб с тмином, и торговали книгами. Что-то вроде литературного кафе.

Друг выразил желание взять кофе с собой, я же приземлился за столик, сказав, что хочу собраться с духом, прежде чем поехать дальше. Уве согласился, но недовольно поджал губы. Я знал, что он изнывал от любопытства и нетерпения, однако тоже уселся за стол и принялся перелистывать меню.

— Руки помою, — пробормотал я и направился к туалетам.

И замер как вкопанный, когда подошел к зеркальной двери, которая служила хорошей находкой для расширения пространства небольшого зала кафе. Мой взгляд упал на Уве, вернее, на то, что сидело там, где должен был быть мой друг. Мельком взглянув на нечто, я юркнул в туалет и заперся изнутри. Ноги Уве в отражении были раза в два длиннее, чем у нормального человека, кисти рук, виднеющиеся из-под рукавов пальто, были будто вымазаны в густой смоле. Пальцы оканчивались длинными, черными когтями. Морды я не рассмотрел, увиденного хватило с лихвой. И как давно я общался не с Уве? Почему он не сожрал меня ночью?

Я лихорадочно соображал что делать, опираясь руками на раковину. Не сожрал, значит, нужен ему живым. Но зачем?

Добраться до зверя?

Если у Ярдара нет братьев и он последний, то после его гибели из зазеркалья хлынут толпы чудовищ.

Меня затошнило.

А если приедем ко мне, можно позвать Ярдара, он же увидит, что со мной приехал не человек? Наверняка зверь сразу кинется на Уве, останется лишь запрячься куда-то, пережить бойню, потом выползти из укрытия и разобраться с трупом. Или проще простого — сказать Уве, что звонила матушка. Просила срочно приехать, якобы отцу стало плохо, он сердечник и все такое, должно прокатить. Уве отправить восвояси, самому поехать домой, наладить обще-

ние с Ярдаром, потом ориентироваться по ситуации, но, по крайней мере, я буду морально готов. Меня захлестнула паника. Как вот теперь себя не выдать?

— Уве, мне срочно надо ехать, — встревоженным голосом начал я, как только вернулся к приятелю. — Позвонила мама, отцу плохо, его госпитализировали.

— Давай отвезу? — Уве подскочил со стула.

Я помотал головой.

— Возьму такси, не хочу тебя напрягать. Поезжай домой, вечером созвонимся и решим насчет твоего визита, хорошо?

Уве закивал.

— Конечно, конечно! Поторопись. Я еще посижу, уже сделал заказ, неудобно будет отказываться. Тем более официантка такая хорошенькая, — привычная улыбка и желтоватые зубы.

Меня передернуло. Вроде бы это Уве. Может быть, я свихнулся, и в зеркале увидел то, о чем думал, не переставая?

Мы пожали руки, я выбежал из кафе, в спешке поймал такси, назвал адрес, но, черт подери, мы попали в пробку.

— Seriously? Пробка?! — я заныл.

— Вообще в голове не укладывается, чтоб в таком мелком городишке и пробка... — посетовал таксист.

Я уставился в окно. Чего я нервничаю, ведь Уве вроде ничего не заподозрил. Времени полно.

Когда я приехал к дому, Уве ждал, сидя на крыльце. Внутри меня все сжалось. Он помаhal мне рукой и жестом подозвал к себе.

— Знаю, что ты видел, — усмехнулся он. — Давай, веди к своему питомцу.

— Зачем? — чувствуя, как сердце пропустило удар и полетело в пропасть, спросил я.

Уве буквально зарычал.

— Веди, спрашивает он еще!

Мы встали перед входной дверью. Ночью я не запер дверь и ключи не захватил, даже от машины оставил дома. У меня ноги подкашивались страха, Уве же был абсолютно спокоен. Я взялся за ручку, повернул ее, распахнул дверь.

— Зови.

Я замешкался и получил подзатыльник.

— Сказал зови, значит, зови!

— Давно ты подменил Уве? — тихо спросил, озираясь по сторонам.

— Тебе какая разница? Чего вытаращился, зови зверя.

Я сжал кулаки.

— Ярдар, выйди, пожалуйста.

— Громче, — последовал приказ.

Я выкрикнул имя зверя еще раз. Мне было так стыдно и жутко, но оставалась надежда, что Ярдар сразу разглядит угрозу.

Ступени лестницы закрипели, и мы увидели его. С черными пятнами от крови Марии на шерсти, огромный, немного нескладный. Глаза светились в полумраке прихожей как свечи.

Едва завидев Ярдара, Уве бросился к нему, сбив меня с ног.

Я приложился лицом прямо об острый угол тумбочки и ощутил солоноватый привкус крови во рту. Выбил зуб. Выплюнув его на пол, обернулся на Уве и Ярдара. Они катались по полу. Уве больше не скрывал того, кем стал. В его страшной гримасе осталось мало от лица, которое я хорошо знал с окончания университета. Ярдар ревел и норовил подобраться к горлу чудовища, но существо ловко уворачивалось, полосую морду зверя когтями. Ярдар смог

отбросить Уве, и тот отлетел к стене, впечатавшись в нее и издав хрип. Я не знал, что делать. Спрятаться и выждать или попробовать как-то помочь?

Хотя, помощь, наверное, и не требовалась.

Зверь обвил хвостом шею Уве, приподнял его над полом — длинные ноги забарахтались в воздухе. Чудовище занесло руку, когтем ткнуло Ярдару в левый глаз. Зверь взревел от боли, разжал хвост, и Уве опустился на пол. Чудовище ухватило Ярдара за загривок, оттянуло голову назад, подобралось к шее. Глаз Ярдара кровоточил, он пытался отбиться от Уве как мог, но тот крепко вцепился в его шкуру. Я лихорадочно соображал, что делать.

Мой взгляд упал на зонт-трость, который пылился в углу прихожей.

Схватив его, я подбежал к Уве со спины и острием зонта ударил существо в правое под-реберье. Чудовище закричало, на пальто появилось черное пятно. Не отпуская Ярдара, Уве ударил меня по лицу, отшвырнув назад.

Боль обожгла щеку.

Я испуганно приложил руку к месту удара и задрожал — на месте щеки нащупал кровотокающий кусок мяса. Палец провалился в рот и в глазах потемнело: Уве попросту разорвал мне щеку одним взмахом.

Ярдар воспользовался ситуацией и с воем вырвался. Я увидел, что на его загривке была кровь — в руке Уве остался кусок шкуры зверя. С громоподобным рыком Ярдар свалил Уве с ног и раскрыл ему рот руками. Сначала вырвал язык, а потом оторвал нижнюю челюсть. Уве дергался, вопил, но не умирал. Острые зубы, блестящие как костяные иглы, посыпались один за другим на пол.

Диковинный зверь зашипел, пробил Уве грудную клетку. Вырвал сердце. Вгрызся в него зубами, разорвал в клочья, а затем принялся поедать лицо.

Я отвернулся, подполз к стене, все еще придерживая щеку рукой, прислонился спиной к ажурным обоям.

— Ярдар, прости, — произнес я.

Зверь поднял на меня морду.

— Я ничего не знал про тебя.

— *Ярдар не обижаться. Ярдар помогать.*

На месте его левого глаза зияла страшная рана. Ярдар скалился. Мне подумалось, что так он улыбался.

Я зарыдал в голос от страха и ужаса, соленые слезы защипали щеку. Зверь изумленно смотрел на меня неповрежденными глазами.

Щеку мне зашили в больнице. От раны остался широкий розовый шрам. Друзья на вечеринке, которую решили устроить у меня, увидев рану, спросили не навещал ли меня Бэтмен. Пока они шутили, стоя в прихожей, я украдкой разглядывал их в огромном зеркале, которое повесил там после произошедшего. Кто-то принес вкусный торт из новой кондитерской, кто-то принес мятное мороженое и ликер, несколько коробок с пищей.

Пока друзья располагались в гостиной, я умыкнул коробку с мороженым, взял большую ложку и направился на чердак. Ярдар сидел в огромном кресле, что я привез специально для него из дома родителей, листал альбомы с фотографиями, который занес господин Фугул. Кресло было смешной девчачьей расцветки в цветочек, но Ярдар пребывал в восторге — он помещался в него целиком, и оно было мягкое.

— Привет, — я забрался по лестнице и улыбнулся ему.

Зверь оскалился. Да, это все-таки была улыбка.

— *Привет.*

— У меня кое-что есть для тебя, — я протянул ему мороженое и ложку.

Глаза Ярдара вспыхнули радостью, он вскочил с кресла.

— Оно твое, целиком, вся коробка, — с удовольствием наблюдая, как Ярдар распаковывал мороженое, я улыбнулся шире и заскулил.

Щека все еще побаливала.

Осмотрел чердак. Здесь теперь царил порядок. Полки больше не падали, для обуви была куплена старинная тумба. Нашлась на блошином рынке, и Ярдару она приглянулась. Я даже помог своему необычному соседу соорудить что-то вроде спального места. Он любил спать на полу, я притащил подушки и плотное одеяло, на котором зверь и разместился.

— Друзья приехали, хотим немного посидеть, поговорить, — сказал я, глядя, как Ярдар запустил ложку в лакомство, потом отправил в пасть мороженое и довольно зажмурился.

— Ну, пойду, — я махнул ему рукой.

— *Спасибо*, — пробормотал зверь.

Я спустился вниз к друзьям.

Ярдар больше никуда не пропадал, только уходил иногда на охоту.

Ярдар сказал, что пока его дом здесь.

Найденыш (прошлое)

1

Ярдар безнадежно смотрел на темнеющее небо над лесом. Тяжело вздохнул, и опустился на колени. Тонкие штаны намокли от снега, но ему было все равно. Он устал, а лес все никак не хотел выпускать из капкана.

Левая рука безвольно повисла, рубашка пропиталась кровью, прилипла к телу. Наконец-ник стрелы намертво засел в плече между костью и плотью, вытащить не получалось, хоть ты тресни. На бледном, в ссадинах, лице лихорадочным огнем горели янтарные глаза. Губы рас-трескались, подбородок заляпан кровью. Голова гудела, однако мысль о том, что он вот-вот набредет на какую-нибудь деревушку, помогала сохранять ясность разума.

Нутро ныло, складывалось впечатление, что все внутри превратилось в месиво. Сломаны ребра с правой стороны, при каждом вздохе юноша готов был выть от боли, но нельзя — быстро отыщут и прикончат, а ему хотелось дотянуть хотя бы до весны, чтобы увидеть своими собственными глазами черное побережье сурового моря. Он много раз слышал о том, что среди песчинок можно увидеть крупницы золота. Откуда эти крупницы там брались — понятия не имел, но как же красиво это звучало!

Отдышавшись, Ярдар поковылял дальше, придерживая руку. Остановился, захрипел. Ребра встали на место. В кармане кафтана тихонько загудели самоцветы.

Впереди, среди деревьев, замаячил одинокий огонек.

Ярдар побрел вперед с новыми силами. Огонек вселил в него надежду, что ему помогут хотя бы вытащить стрелу, вдруг это чья-то хижина? Возможно, там для него найдется кусок хлеба и кружка с чаем, а если повезет, то к хлебу добавится сыр и — раз уж он мечтает — ломтик копченой курицы.

Огонек расщепился на части при приближении: один большой и несколько поменьше. Сердце Ярдара забилося с удвоенной силой. Затуманенный разум нарисовал небольшое поселение, где, возможно, отыщется лекарь.

От внезапного удара по затылку парнишка повалился в снег. Он попытался подняться, но ему не позволили. Последовал удар по правому боку. Ярдар заорал изо всех сил — ребра снова треснули и тут же начали восстанавливаться.

— Гаденыш, — прошипел некто и сплюнул на землю, после чего закричал:

— Эй! Двигайте сюда!

Корчась от боли, ерзая в снегу, Ярдар ощутил, как его схватили за волосы и приподняли над землей. Огоньки быстро приближались. Юноша попытался вырваться из захвата, но тщетно, оставалось лишь неуклюже барахтаться.

Ярдар увидел, что перед ним остановились две пары сапог, к которым после присоединились еще две.

— Неважно выглядишь, дружок, — довольно пробухтел низкий голос и парнишку подхватили под руки, подняли.

Он увидел довольное лицо кровососа. Ярдар криво усмехнулся, за что получил оплеуху и тихо заскулил. Некоторое время назад он попытался всадить клинок между глаз кровососа, да только слегка промазал и оставил оппонента наполовину слепым. Восстановление еще не началось, кровь заливала лицо.

— Да ты никак замерз, — сказал кровосос, вытирая кровь со щеки. — Ну, ничего, сейчас отогреешься.

Ярдар плюнул, метаясь в поврежденный глаз, после чего получил крепкий удар в нос. Парнишка захлебнулся от боли, из глаз брызнули слезы. Его поволокли в сторону костра, который издали казался самым большим и ярким из огоньков. Бросив на Ярдара оценивающий взгляд, а затем, посмотрев на костер, кровосос поджал губы и велел другим с факелами собрать костер побольше.

Когда толстая веревка обвила его грудь, Ярдар издал вопль: слишком туго для еще неокрепших ребер. За этот выкрик снова прилетел удар в нос, от которого Ярдар всхлипнул, сжался. Гогоча и переговариваясь о чем-то между собой, кровососы с факелами разошлись по сторонам, чтобы набрать побольше веток.

На корявых ветвях дуба восседала любопытная стайка ворон. Они наблюдали за происходящим, время от времени хрипло каркая, будто подначивая поскорее бросить юнца в огонь.

Одноглазый присел на корточки перед самым лицом Ярдара.

— Веришь — нет, никого еще живьем не сжигал, — он плотоядно улыбнулся, демонстрируя две пары клыков на верхней и нижней челюсти. Барбароец. Одноглазый протянул руку и стал ощупывать кафтан юноши — искал украденное. Пропажа обнаружилась сразу, однако руку мужчина не убирал вплоть до того момента, как не облапал пленника целиком. Затем извлек находку и спрятал ее уже в кармане своих брюк.

— Ты порочишь честь своего эрстера. Если он узнает... — Ярдар, вероятно, надеялся на то, что у кровососа сыграет совесть. Но тот загоготал, поближе придвинулся к Ярдару. Вывать к совести, придумал тоже. И раз барбароец так далеко забрался, то его мало что волновало в принципе. Изгнанник, наверное.

Юноша заверещал изо всех сил:

— Помогите!

Выкрик эхом прокатился по лесу, спугнув воронье. Ответом на отчаянье Ярдара был довольный гогот тех, кто отправился собирать хворост.

— С криками-то оно повеселее будет, — кровосос хмыкнул.

Потуга брыкнуться награждена ударом по левому плечу. Только-только отступившая боль вспыхнула с новой силой, от чего Ярдар дернулся и снова закричал.

В следующий миг голова барбаройца со свистом улетела куда-то в сторону дуба, на котором еще недавно ютились вороны. Глухо ударилась о ствол дерева и, с легким шорохом прокатившись по снегу, замерла в нескольких сантиметрах от костра. Безглавое тело тут же обмякло, повалилось наземь. Ошарашенный Ярдар с ужасом смотрел, как кровь заливает утоптаный снег. Метнулась тень. Тело утащило вдаль.

Сумерки сгустились.

Факелы других кровососов стали едва различимыми и воцарилась звенящая тишина, которую спустя мгновение пререзали вопли. Огоньки опали и потухли. Теперь уже не Ярдар взывал о помощи. Кричали так, словно их рвали на части, причем всех одновременно.

Когда все стихло, Ярдар увидел, что от деревьев отделилась высокая фигура, она медленно двинулась по направлению к парнишке. Фигура сначала подошла к голове барбаройца, подняла ее за волосы. Разглядеть лица незнакомца не получилось бы при всем желании: на голову наброшен капюшон, в несколько слоев сверху намотан шарф грубой вязки. Незнакомец цокнул языком, повернулся к Ярдару, бросил голову обратно в снег. Одежд не угадать, то ли на нем какой-то балахон, то ли он закутался в ночь, в самый темный ее час.

Незнакомец приблизился, сел на корточки. Ярдар думал, что их лица окажутся на одном уровне, но прогадал. Исполин смотрел на парнишку свысока. От него одуряюще несло кровью, мускусом, сандалом. Юноша прекрасно знал этот запах. Так пахли деревянные безделушки, которые жрецы любили расставлять в святилище.

— С-спасибо, — заикаясь пробормотал Ярдар. Незнакомец протянул руки и дернул веревку. Мгновенно, с треском, она порвалась. Ярдару стало легче дышать. Он с опаской тара-

щился на незнакомца, у которого на миг в прорези между капюшоном и шарфом сверкнули золотым огнем глаза. Возможно, просто показалось?

— Одним спасибо тут не обойдешься, — донеслось из-под шарфа. — Чего вылупился? Пошли.

Ярдар закивал. Ему отчего-то стало стыдно. Глубоко вздохнув, будто бы набираясь терпения, и, возможно, мужества, незнакомец поднял юношу на ноги. Ярдара прошиб пот, а на затылке волосы дыбом встали: вместо обычных человеческих рук он увидел то, что лапами язык назвать не поворачивался, а руками и подавно. Покрытые короткой лоснящейся шерстью, оканчивающиеся острыми когтями.

— Идти сможешь? — лениво спросил незнакомец.

— Д-думаю, да, — Ярдар старался не поднимать головы.

— Ну, идем.

Ничего не вышло. Сделав пару шагов, обессиленный Ярдар чуть не упал, но дополз до тела кровососа, вытащил из кармана то, что умыкнул из святилища.

— Чтоб тебя, коротышка, — проворчал незнакомец и, подняв юношу словно пушинку, взвалил себе на плечо. У Ярдара все сжалось внутри — из-под балахона незнакомца задорно выглядывал длинный хвост с кисточкой на конце.

— Куда вы меня хотите забрать? — тонким, натянутым от ужаса голосом спросил Ярдар.

— Рот закрой, а то снега налопаешься.

Незнакомец сделал шаг назад и они понеслись с огромной скоростью сквозь темноту, полную бушующей синей метели, шепотов, криков. Мимо неслись огни городов, проплывали звезды и луны. Метались тени с белыми светящимися глазами, смеющиеся и стонающие. Ярдар зажмурился и съежился, вцепившись правой рукой в балахон незнакомца. У парнишки кружилась голова, тошнило и он едва сдерживался, чтобы не поддаться позывам желудка. Там было пусто, но Ярдару казалось, что вот-вот из него польется все то, что он когда-либо ел за свою жизнь.

Путь закончился перед массивной входной дверью припорошенного снегом дома. Незнакомец поставил Ярдара на ноги и хлопнул по плечу, затем постучался. Никто не открыл. Ярдар судорожно вдыхал воздух, будто никак не мог надышаться. Спустя несколько минут после непрерывного стука, в дверном проеме показалось хмурое лицо молодой женщины.

— Чего тебе? — спросила она, сонно кутаясь в покрывало. Из проема на Ярдара дохнуло запахом выпечки, теплом камина и табака. Хозяйка дома угрюмо посмотрела на шатающегося Ярдара, потом сердито зыркнула на незнакомца.

— Сколько раз просила не являться в таком виде! На что тебе уши дарованы? Кого ты мне притащил? — раздраженно пробурчала она, убирая со лба спутанные волосы.

— Домашнего зверька, чтоб не так одиноко жилось, — буркнул незнакомец и легонько подтолкнул Ярдара вперед. — Глянь, какой пригожий.

Женщина закатила глаза.

— Если кто-нибудь увидит...

— Да тьма кругом! В такую ночь дальше собственного носа ничего не разглядишь, что уж говорить про соседских гостей! К тому же ты так далеко забралась, твоих посетителей и при свете дня не рассмотришь.

Дверь отворилась чуть шире.

— Проваливай. И этого забирай, тут не постоянный двор, — презрительный кивок в сторону Ярдара. Исполин прорычал что-то неразборчивое, затем попросту отодвинул женщину, широко распахнул дверь, впихнул Ярдара в просторный коридор, освещенный свечами, сплошь уставленный какими-то коробками и корзинами. Сам тоже зашел, согнувшись в три погибели. Женщина ругнулась и захлопнула дверь с такой силой, что у Ярдара заложило уши.

— Под ноги смотрите. Сломаете чего — куковать на улице будете!

Исполин издал смешок.

— Оба, — грозно добавила женщина и тот как-то ссутулился. Она избавилась от покрывала, под которым оказалась просторная ночная сорочка темно-зеленого цвета с длинным рукавом.

— Куда его? — спросил исполин, попутно снимая с себя шарф и капюшон, под которыми оказалась заостренная морда, наподобие волчьей. Третий глаз во лбу. Увидев это, Ярдар испуганно икнул, попятился. Хозяйка и бровью не повела. Ярдару не привиделось сверкание из прорези — на него смотрели глаза-луны, расчерченные надвое вертикальным зрачком. Глаза светились золотым, злым огнем. Как и лапы-руки, морда исполина покрыта черным мехом. На макушке — удлиненные заостренные уши, а между ними два коротких рога.

— Если не прекратишь тарашиться, я тебе лицо обглодаю, — спокойно молвил исполин, снял балахон, остался в штанах, напоминавших шаровары и в легкой рубашке. Следом он стащил тяжелые сапоги, явив Ярдару мощные ступни, отдаленно напоминающие те же волчьи. Исполин дернул хвостом. Женщина усмехнулась.

— На стол давай его, я сейчас приду.

Ярдар вытаращил глаза и замер.

— Н-не надо на стол... — проблеял он, а остаток фразы попросту застрял в пересохшей от страха глотке. Он сделал несколько шагов назад, но зверь взял свечу и потащил Ярдара в небольшую комнатуху, миновав кухню и гостиную.

В комнатухе имелось огромное окно, будто его специально сделали таким, чтобы днем оно давало больше света. По центру — широкий стол, явно много чего повидавший. Вдоль одной из стенок выстроился высокий шкаф, вроде тех, что он видел в аптекарских лавках. Возле него — приставная лестница. На полке, прибитой к другой стене, красовалось множество стеклянных пузырьков, на каждом бирка из плотной бумаги, подписанная ровным, аккуратным почерком. Пузырьки разнообразны как по размеру, так и по цвету стекла: вот вам темно-коричневое, а вот и лазурное, и изумрудное.

Исполин, все так же согнувшись, поставил свечу на пол, усадил Ярдара на стол и, посоветовав тому побережь язык, с силой рванул стрелу за наконечник, торчавший из задней стороны плеча юноши. Ярдар взвыл, стиснув зубы.

— Цел? — пробормотал зверь.

— Кто? — простонал Ярдар.

— Что! Язык цел?

Парнишка слабо кивнул. В комнату вошла хозяйка дома.

— Не мог подождать? — укоризненно бросила она зверю, увидев, как тот положил окровавленную стрелу на стол.

Хозяйка принесла простыню и аккуратно свернутые полоски из тугой ткани, вручила их исполину. Велела раздеть несчастного полностью, а сама пока собиралась сходить за водой. Ярдар торопливо полез в карман штанов, достал какой-то глиняный шарик и сжал в ладони. Зверь разорвал кафтан и рубашку, снял их, не особо беспокоясь о том, что каждое действие могло причинить боль, но Ярдар молчал, плотно сжав губы. Разорвали и штаны. Ярдар сидел, стыдливо прикрывая правой рукой причинное место. Потом исполин просто сел на пол, выжидая возвращения хозяйки.

— У вас есть имя? — робко поинтересовался юноша, всячески стараясь не глазеть на чудовище.

— Само собой! У кого его нет? — хмыкнул зверь.

Но не представился. Так они и сидели в тишине, прерываемой лишь треском свечи, пока в комнатуху не вернулась женщина с глубоким тазом воды, над которым завивался пар. Под мышкой у нее было несколько полотенец.

Все то время, пока женщина осторожно обтирала Ярдара ими, смоченными в горячей воде, зверь наблюдал за ней, то ли с любопытством, то ли с некой ревностью. Когда с купанием было покончено, хозяйка взяла с полки несколько пузырьков. Откупорив один из них, приказала Ярдару выпить из него залпом. Он подчинился, и горькая жидкость обожгла горло. От этого Ярдар даже не смог дышать, лишь открывал и закрывал рот, как вытасченная из воды рыба.

— Ничего, ничего, сейчас все пройдет, — увещевала женщина, поглаживая Ярдара по спине, сменив, наконец, гнев на милость.

Женщина туго перевязала грудь Ярдара, откупорила другой пузырек и выплеснула содержимое на рану от стрелы. Она зашипела так, как шипит раскаленный меч, опущенный в ледяную воду. Кровь на поверхности раны забурлила, вспенилась, а плоть под ней заныла и зачесалась. Хозяйка заверила, что и это временно. Пришел черед носа, который она сначала вправила на место, тоже полила жидкостью из второго пузырька. Потом натерла синяки душистой мазью.

Ярдара закутали в простыню и зверь вынес его из комнаты, направившись в гостиную. Там он уложил парнишку на пол, на теплый ковер, поближе к камину, в котором весело плясали языки пламени. Сверху укрыл Ярдара толстым шерстяным одеялом, а под голову положил небольшую вышитую подушку.

— Мне бы поесть чего, — едва слышно прошептал Ярдар, на что зверь покачал головой:

— Все утром, сейчас только спать.

Ярдар долго ворочался, думая, что на него напрасно перевели ценные снадобья, но признаться в том, что рана от стрелы затянулась не из-за воздействия зелья, не решился. Ребра давно пришли в порядок. Ворочался и пытаясь найти удобную позу, и когда удалось, задремал под уютный треск поленьев. В полусне слышал, как туда-сюда ходит хозяйка дома. Снова повеяло табаком, к запаху которого примешался еще запах дикой малины.

Ярдару снилось, что он снова в святилище. Жрецы столпились вокруг него. Среди жрецов был и тот, от которого юноша бежал всю жизнь. Ярдар видел на нем одежды жрецов, видел, что он стоял чуть поодаль, слегка ухмыляясь, а эти несносные няньки так и кудахтали над Ярдаром. Их голоса слились в раскатистый гул, и жрецы рассыпались песком. Только стоявший в стороне остался при своем теле, вытянул руки, в которых держал головы жрецов.

Ярдар проснулся от мерного стука. В камине тлели угольки, в незанавешенное окно заглядывало холодное зимнее солнце, шел снег. Юноша осторожно сел. Встал, поплотнее закутался в одеяло. В гостиной немного прохладно. Пахло чем-то вкусным и живот начал громко требовать плотного завтрака, а лучше и обеда сразу.

Ярдар поковылял к окну, из которого увидел как высокий крепкий мужчина колот дрова. На нем только просторные штаны, вроде тех шаровар, что был на звере прошлой ночью. Ярдар удивился тому, что мужчине не холодно.

Парнишка вышел в коридор и напрямик отправился в кухню, где стены выложены причудливыми узорчатыми плитками, пол выстлан каменным полотнищем, теплым от жара шумящей печи. Хозяйка накрывала на стол. Увидев Ярдара, неловко застывшего в дверном проеме, она пригласила его присесть, но велела ничего не трогать, потому что еще не все готово.

Гость сел за грубо обтесанный стол, на котором расставили глиняные тарелки и кружки. На широком блюде пылали жаром пшеничные лепешки, рядышком — два кувшина, в одном парное молоко, в другом — родниковая вода. Вокруг стола стояли разномастные стулья. Ярдар задрал голову к потолку и увидел гирлянды из пучков сушеных трав и овощей.

Хозяйка достала из печи глиняные горшочки, сняла с них крышки, и по кухне поплыл запах куриного мяса и белых грибов. Ярдар шумно вдохнул и облизнулся. Таким лакомством его иногда баловала одна дородная бабка-повитуха, которая заглядывала в святилище, чтобы

помолиться Восьмерке, а увидев слишком худого на ее взгляд юнца с остроскулым лицом, начала приносить вкусное тайком от жрецов.

Ярдар услышал как хлопнула входная дверь, раздались тяжелые шаги и в кухню, согнувшись, заглянул тот самый мужчина, который рубил дрова на улице. Щеки его раскраснелись с мороза, в длинных каштановых волосах, собранных в хвост на затылке, белели снежинки. Глаза светились золотым и Ярдару стало не по себе. Мужчина хотел было снять медное кольцо на среднем пальце левой руки, но хозяйка его остановила:

— Даже не думай!

Он недовольно затоптался на месте, как ребенок, которого отругали за шалость.

— Ты же знаешь, как мне не нравится, когда ты так бессердечно отдаешь приказы.

— Тогда никакого тебе завтрака, — зеленые глаза хозяйки хищно сверкнули и мужчина, закотив глаза, подчинился.

— Закончил с дровами?

Он кивнул, на минуту скрылся в коридоре и вернулся уже в рубашке. Хозяйка уперла руки в бока.

— Сапоги снимай, мне что, полы после тебя перемывать? После завтрака люди пойдут, что они подумают? Решат, что я неряха, а к таким уважения нет, как и доверия. Слух пойдет...

— Я понял, понял! — огрызнулся мужчина и в его оскале Ярдар увидел острые звериные клыки. Сразу съежился.

Мужчина вернулся босым и присел на соседний стул.

— Вроде как предупреждал тебя, что лицо обглодаю, а ты все таращишься, — он пододвинул к себе один из горшочков, вдохнул запах еды полной грудью. Парнишка отвел глаза, нахмурившись.

Хозяйка села напротив и тоже открыла горшочек, прежде положив на стол три вилки.

— Меня зовут Ида, — произнесла она, накалывая на зубцы вилки гриб. — Эцур.

Она кивнула в сторону мужчины, шумно жевавшего лепешку в прикуску с курицей.

— Ярдар, — представился юноша, исподтишка бросив еще один взгляд на Эцура, за что получил подзатыльник.

— Прекрати, — процедила сквозь зубы Ида. Эцур скривил губы, но промолчал. Ярдар тоже приступил к завтраку. Его терзали вопросы, и потому Ярдар предпочел набить рот плотнее, чтобы они ненароком не сорвались с языка. Не удалось.

— Это ваш муж? — выдал юноша, косясь на Эцура. Ида округлила глаза, рассмеялась.

— Упаси меня Гедда от такого муженька!

— Я вообще-то слышу, — буркнул Эцур.

— Просила не заявляться среди ночи образиной — не слышал, сейчас же слух прекрасный, да? — протянула Ида, от чего мужчина заскрипел зубами. — Старый знакомый он мне, все никак долг не отдам. Вот и является, иногда притащит кого-нибудь вроде тебя, несчастного и израненного, а потом с довольным видом ходит, играет в человеколюбие. Ладно хоть помогает по дому иногда.

Эцур что-то проворчал, а Ида мгновенно отправила его на выход, не дав даже доест, велела только не снимать кольцо, пока лес не скроет его от любопытных глаз.

— Простите, — пробормотал Ярдар.

Ида махнула рукой.

— Брось, Эцур бы тут целый день шатался. Скоро люди потянутся, а они его не любят. Побаиваются.

В дверь робко постучали. Ида вздохнула.

— Начинается. Ты ешь, ешь. Если не сложно, то потом убери со стола.

Ида пошла открывать. Послышались шаги и обернувшись на вход, Ярдар увидел, что пришла бедно одетая женщина, которая держала за руку мальчика лет восьми. У него все

лицо было покрыто какой-то красноватой сыпью. Пока женщина снимала с мальчика шапку, Ида внимательно рассматривала сыпь, ласково спрашивая у мальчика есть ли сыпь еще где-то, кроме лица. Мальчишка зарделся, попросил Иду нагнуться и что-то зашептал ей на ухо. Хозяйка кивнула, потрепала его по волосам, попросила мать подождать в гостиной, а сама заглянула в кухоньку:

— Следующих проводи в гостиную.

Ярдар закивал. Ида взяла мальчика за руку и увела. Наверное, в ту комнатку, где вчера обрабатывала раны Ярдара.

Пока он ел, в дверь постучали еще дважды. Пришел седовласый мужичок с косматой бородой, прижимавший к себе руку, обмотанную окровавленной тряпкой, и бледная молодая девушка с огромным животом. Увидев на пороге Ярдара, все еще закутанного в одеяло, они удивленно захлопали глазами. Мужчина просто молча прошел в гостиную, девушка спросила:

— А где Ида?

Ярдар объяснил, что хозяйка пока занята и велела встречать пришедших. Девушка нервно погладила живот и сказала:

— Боюсь, что не смогу ждать, пока она закончит.

Юноша растерянно смотрел на нее, пока не осенило, и он не побежал за Идой в комнатку, где женщина обрабатывала сыпь на животе у мальчишки темно-зеленой пахучей мазью.

— Чтоб тебя! — зашипела Ида. — Выйди немедленно!

— Там девушка пришла... — испуганно пролепетал Ярдар. — Говорит, что никак не сможет ждать.

Ида ругнулась и тут же вспомнила про юного пациента, который во всю ее разглядывал.

— Я ничего маме не скажу, — заверил он.

Ида дала мальчишке маленькую жестяную баночку, велела наносить мазь дважды в день, пока сыпь не исчезнет окончательно, и каждый день менять нательное белье. Мальчишка радостно ухватился за баночку, поблагодарил Иду, натянул рубашку, подхватил верхнюю одежду и выпорхнул в коридор. Хозяйка дома повернулась к Ярдару.

— Иди в мою спальню, найди в шкафу штаны и рубашку, переоденься.

Спальня Иды находилась справа от кухни, рядом с ней располагалась и купальня. В комнате из мебели имелаась кровать, кресло у небольшого камина да тот самый шкаф, где Ярдар как раз нашел одежду. Штаны и рубашка были явно ему велики, но все же лучше, чем ничего.

Быстро переодевшись, Ярдар выскочил в коридор. Ида вела девушку под руку в комнатку, на ходу велела принести простыни, что хранились в коробке под ее кроватью. Оттуда же нужно принести полотенца. Затем Ида велела натаскать побольше воды из колодца. Она не на шутку нервничала.

— Где колодец-то? — только и смог спросить Ярдар, видя, что девушка с животом была неестественно бледной и изо всех сил вцепилась в Иду, чтобы сохранить равновесие. Девушка так плотно сжала губы, что они побелели.

Ида не ответила.

Когда Ярдар пронесся мимо гостиной, чтобы как можно скорее принести воды, он услышал:

— Парень, а как со мной-то быть?

Юноша заглянул туда. Седовласый мужчина обиженно сопел, поглаживая больную руку.

— Подождите немного, — пробормотал Ярдар, выискивая глазами свои ботинки.

Ага, вот они. Стоп, а где ведра взять?

Ведра нашлись у крыльца снаружи. Там же обнаружился и Эцур. Он курил трубку, выпуская кольца дыма и шурясь от удовольствия как сытый кот.

— Ты бы накинул чего-нибудь поверх рубашки, простудишься, — прохрипел мужчина, поправляя свой шарф, который он повязал вокруг шеи. Капюшон Эцур решил не надевать.

При свете дня оказалось, что дом Иды стоял в некотором удалении от остального поселения, будто на отшибе.

— Где колодец? — в свою очередь спросил Ярдар, подхватив на лету ведра, напрочь позабыв про мороз. Не выпуская трубку изо рта, Эцур отобрал у Ярдара одно ведро и сказал идти за ним. Он шел медленно, вразвалочку, отчего юноша начал нервничать.

— Надо поторапливаться вообще-то, там роды назревают, — Ярдар попытался ускорить темп, но Эцур лишь лениво посмотрел на него.

— Хватит волноваться, спешить все равно некуда, — сказал он, выдохнув дым. Ярдар замер на месте, поджал губы, собираясь разразиться гневной тирадой. А потом перевел дыхание и понял: он действительно перенервничал, нужно успокоиться. В таком деле паникой не поможешь, голова ясная требовалась.

До колодца оказалось не так уж и близко. Пока набрали воды, пока дошли обратно до дома, у Ярдара сердце в пятки ушло, пусть он и старался держать себя в руках. Воображение рисовало не слишком приятные картины, одной из которых было то, что он как следует схлопочет от Иды за промедление. Эцур же был предельно спокоен.

— Зайдете? — спросил Ярдар, когда Эцур отдал ему ведро у крыльца.

Тот покачал головой.

— Я тут подожду.

— Чего подождете?

Эцур оскалился.

— Если хочешь, тоже приходи. Увидишь.

Едва Ярдар зашел в дом, как к нему бросилась Ида. На ней красовался длинный фартук, волосы она собрала в хвост.

— Почему так долго? Из одного ведра воду вскипяти, из другого оставь холодной.

Она сунула ему в руки пузырек из синего стекла и чистый кусок ткани.

— Как закончишь, обработаешь руку Бисша.

Когда вода закипела, Ярдар перелил ее в тазы, отнес в комнатку. Девушка лежала на столе, покрытым уже порядком испачканной кровью простыней, ногами к окну. Не кричала. Ее лицо оставалось таким же бледным, лишь покрылось испариной, исказилось болезненной гримасой. Она стискивала простыню под собой и что-то шептала. В комнате очень жарко, пахло потом. Стыдливо отведя глаза от роженицы, юноша поспешил ретироваться и пошел в гостиную к Бисшу. Из комнатки донесся первый жалобный стон, а следом тихие уговоры Иды потерпеть и похвала, мол, какая ты молодец, все хорошо.

Мужичок, кряхтя, развязал руку и юноша увидел на его кисти глубокий укус.

— Псина моя, — с некой ноткой гордости произнес мужичок. — Оценится скоро, вот и не подпускает слишком близко. Сам дурак, что полез к ней.

Остатками воды юноша промыл укус, а потом плеснул на него жидкость из пузырька. После того как Ярдар перевязал укус чистой тканью, мужичок рассыпался в благодарностях, достал из-за пазухи бутылку крепленой ягодной настойки, вручил и был таков. Ярдар растерянно поглядел на настойку, поставил ее на полку над камином, накинул на плечи одеяло, которым укрывался ночью, и вышел к Эцуру.

— Будешь? — мужчина предложил Ярдару трубку, но тот отказался. Из дома доносились приглушенные крики роженицы. От них Ярдар чувствовал себя удрученным, раздавленным. Почему-то стоя там, возле крыльца, робко поглядывая на Эцура, Ярдар пытался вспомнить свою мать и была ли она вообще.

Со временем крики стали реже, а в какой-то момент и вовсе стихли. В ту же секунду Эцур прошептал ему:

— Теперь смотри.

Положил руку на плечо Ярдар и они вместе сделали шаг назад. Дневной свет перекинулся сине-зеленой тьмой, где-то вдалеке заметались белые огни. Юноша взглянул на дом Иды. Он выглядел так, будто там долгое время уже никто не жил: крыльцо рассохлось и развалилось, дверь кое-как висела на верхней петле. Стекла в окнах разбиты, крыша сползла набок.

Поднялся ветер.

Из дома вышла высокая многорукая тень со сверкающими глазами с лицом роженицы. Она прижимала к себе какой-то сверток. Тень спустилась по остаткам крыльца и побрела прочь от дома. Ошеломленный Ярдар перевел взгляд на Эцура. Увидел звериную морду, плотоядный оскал на ней. Рога из коротких вдруг стали длинными, ветвистыми, точно олени.

Шаг вперед, Эцур убрал руку. Все стало как прежде.

Ярдар вдруг ощутил, что у него задрожали коленки.

— Потому я и не торопился. Принес бы ты воду или нет, им бы это не помогло, — Эцур с удовольствием затаился. Ярдар озирался по сторонам, пытаясь отыскать тень.

— Откуда знали? — прошептал юноша.

— Побродишь в полусвете с мое, научишься визнавать о грядущем, — меланхолично ответил Эцур. Ярдар открыл было рот, чтобы задать следующий вопрос, как дверь дома запахнулась и к ним вышла Ида. Фартук залит кровью, руки по локоть красные. Черные как смоль волосы торчали в стороны, глаза на мокром месте. Увидев Эцура, Ида спросила:

— Куда пошла?

— В деревню, — был ей ответ. Ида наклонилась, взяла пригоршню снега, растерла им руки. Из красных они стали розоватыми.

— С бабкой своей пошла прощаться, наверное. Пойдемте, поможете мне.

В комнатке на столе, у тела мертвой роженицы, лежал спеленатый сверток. Ида обтерла девушку, завернула в простыню с головой. Эцур взвалил тело на плечо, Ярдар взял в руки сверток, к горлу подступил комок. Крохотное тельце внутри свертка было невесомым, но показалось, что в руках он держал холодный камень. Или то на душе у него?

Старуха, выглянувшая из своего обветшалого домика, встретила их воем. Иду слушать не стала, причитала про то, что ее теперь-то точно все оставили. Эцур, нахмурившись, наблюдал как старуха бросалась в ноги Иды и умоляла воскресить внучку с правнуком. Ида сначала терпела, но когда бабка стала хвататься за юбку ее платья и подол пальто, отороченного соболиным мехом, не выдержала и прикрикнула на старуху. Та обомлела, отскочила от Иды, обливаясь слезами, стала сыпать проклятиями. Эцур молча сложил тело девушки на заснеженную землю двора, Ярдар же испуганно прижимал к себе мертвого младенца, наблюдая за истерикой и гневом.

— Верни, верни их! — молила старуха, и следом грозила:

— Сгинешь, хекса, уж я-то расстараюсь!

— Хватит, — буркнул Эцур, ухватив бабку за тоненькие ручки-веточки. Старуха зарыдала в голос, опустилась на колени перед мужчиной. Тот вздохнул, подхватил ее на руки и унес в дом. Затем вышел, взглянул на неестественно белое лицо Иды. Поднял покойницу, велел Иде возвращаться домой, а Ярдару следовать за ним.

Он привел парнишку не на кладбище, как Ярдар ожидал, а в чашу леса, снял кольцо. Перед Ярдаром теперь стоял зверь-исполин, который, кряхтя, разминался. Ярдара сковал страх, но он сцепил зубы, прижал к себе младенца, и решил ни в коем случае не поддаваться нахлынувшему ужасу.

— Разве здесь нет кладбищ? — спросил юноша зверя, когда тот стал рыть промерзлую землю своими лапами.

— Есть, — прорычал исполин. — Но там девчонке не место. Не жалуют тут таких, не хотят, чтобы они покоились вместе с остальными.

— Почему же? — сдвинул брови Ярдар.

— Нечего было возлюбленного из могилы поднимать да ребенка от него заделывать.

Эцур усердно рыл могилу, время от времени посматривая на бездыханное тело.

— От мертвеца она понесла, понимаешь? — прорычал зверь, Ярдар закивал. Он с сожалением смотрел на укрытое тело, неосознанно поглаживая по голове мертвого ребенка.

— Наверное, любила сильно, — пробормотал Ярдар. Эцур прижал уши к голове.

— Думать надо, когда с такими вещами дело имеешь.

Ярдар пожал плечами.

— Неужели сами не пошли бы на отчаянные меры, если это касалось дорогого вашему сердцу человека?

Зверь замер на месте, посмотрел вверх деревьев.

— Хватит болтать.

Ярдар пожал плечами, но расценил такую реакцию как положительный ответ.

Эцур вырыл могилу довольно быстро. Спрыгнул в нее, а Ярдар протянул зверю сначала сверток, который не выпускал из рук, затем помог спустить тело девушки. Эцур откинул с тела простыню и вывернул шею несчастной так, что ее лицо находилось теперь сзади.

— Что вы делаете?! — охнул Ярдар, опустившись на колени и свесившись над могилой.

— Как мертвеца подняла, так и сама встанет, — гаркнул Эцур, уложил тело и вылез из могилы.

— Она что, хекса?

Эцур стал забрасывать тела землей.

— Чтобы поднять мертвеца, хексой быть необязательно. Все, умолкни, надоед уже.

В дом Иды Ярдар вернулся совершенно опустошенным. Эцур с ним не пошел, пробормотал, мол, есть дела важные и скрылся из виду. Наверное, все еще обижен на Иду за то, что она прогнала его утром.

Ида же сидела за столом на кухне, спрятав лицо в ладони. Услышав шаги Ярдара, она мгновенно встала, отвернулась к печи, сделав вид, будто что-то готовила. За окном начинало темнеть. Хозяйка показала ему маленькую спальню возле купальни, где он мог разместиться. Там стояла узкая кровать, возле которой находилась старая прикроватная тумбочка. На нее Ида поставила баночку с мазью и велела перед сном натереть ею плечо. Ярдар послушно кивнул, но не стал растрачивать мазь, просто юркнул под теплое, пуховое одеяло. Свернулся клубком, словно кот, и почти сразу уснул, положив шарик под подушку.

Иде было не до сна. Прошлась по всему дому, проверяя насколько хорошо закрыты окна и надежно ли заперта входная дверь. Торопливо убралась на кухне, то и дело поглядывая в беспросветную снежную тьму за окном. Наспех расчесала волосы, умылась и отправилась в постель, где сразу задремала.

Снилось, что она шла по черной, выжженной траве, устланной мертвыми цветами. Вокруг ни души, лишь луна купалась в темноте небес, проливая на мир свой серебристый свет. Впереди, за обширным полем, виднелась стена молчаливых деревьев. От нее отделилась высокая тень и двинулась к Иде навстречу. Сердце девушки начало гулко биться в костяной клетке ребер, с каждым ударом кровь будто бы густела от страха. Но Ида продолжала идти, словно ноги сами несли ее вперед. Тень приблизилась и обернулась Эцуром. Он не зверь, он человек. И сердце постепенно успокоилось, Ида даже не заметила как оказалась лицом к лицу с ним. Мужчина приложил свои теплые ладони к ее щекам. Как вдруг улыбка сменилась злым оскалом, лицо превратилось в уродливую морду. И не успела Ида ничего сделать, как Эцур широко-широко распахнул пасть и вгрызся острыми зубами ей в лицо.

Ида закричала от горячей боли так сильно, что сама на мгновение потеряла слух.

И проснулась.

Ощупала лицо дрожащими руками. Ни царапины. Села на постели. В спальню заглядывали яркие лучи зимнего солнца. На кресле, у камина, который потух еще до появления гостя, мирно посапывал Эцур. Он снял кольцо и перед взором Иды был зверь, кое-как втиснувшийся в древнее кресло. Хвост с кисточкой мерно подрагивал. Эцур заснул, подперев голову правой рукой, да так и остался в той позе. Ида безжалостно швырнула в него подушку. Вскрапнув, создание открыло глаза и сонно потерло уши.

— Совсем обнаглел? — сердито спросила Ида. — Чего забыл здесь?

Эцур зевнул, невзначай демонстрируя клыки и длинный язык, потянулся.

— У меня дома холодно.

— Плати за постой в таком случае, — пробормотала Ида, свешивая с постели ноги и осторожно опуская ступни на холодный пол. Стало немного стыдно, потому как Эцур спал без одеяла и подушек. Хотя, в своем жилище он вообще спал на связанных между собой тюках из соломы, накрытых тонким покрывалом. Но дурной осадок после сна взял верх и Ида, нахмурившись, велела зверю выметаться.

— Да брось, — Эцур, впрочем, не торопился уходить. — Смотри, какой славный день выдался! Давай вместе позавтракаем и пойдем кататься на санях. Ты же раньше очень любила это.

Ида потянулась за шерстяными носками, которые Эцур притащил с какой-то ярмарки. Она всегда надевала их, когда мерзли ноги. Правда, Эцур не стал говорить Иде, что сам связал эти носки. Пусть они и получились несколько неказистыми, но были невероятно теплыми.

— Посетители будут, так что не до саней, — вздохнула Ида.

— Тогда давай поедим и я помогу.

— С одним условием.

— Я так и знал.

Эцур нехотя надел кольцо и спустя несколько секунд Ида уже видела не зверя, а приятного молодого мужчину. Ида встала с кровати, заправила ее, подошла к окну. Открыла створку, чтобы проветрить спальню.

— Заболеешь ведь, — донеслось до нее бурчание Эцура.

Ида только блаженно улыбнулась, подставляя лицо солнцу, вдыхая морозный воздух полной грудью и глядя, как переливался снег под солнечным светом. Она очень любила такие дни. Закат в них всегда был розоватым, превращал сугробы в пышную сахарную вату, которую продавали на летних ярмарках в столице. Такие дни любил и Эцур, потому что у Иды было приподнятое настроение и они могли вечером сидеть у печки на кухне, долго-долго разговаривать, курить трубку. Ида обычно расставляла свечи, приносила кожаные шнурки и каменные бусины, из которых делала браслеты. Пару браслетов Ида оставляла для себя, остальные же продавала, поскольку посетители верили в их колдовскую силу и загадывали желание, шепча бусинам самое сокровенное.

Каково же было удивление Иды, когда на кухне она обнаружила Ярдара, занятого приготовлением завтрака. Парнишка успел натаскать воды, пока она спала, напечь лепешек. В печи томились горшочки с густым супом и по кухоньке плыл запах чеснока и мяса. Ида села на один из стульев, рядом с ней примостился Эцур.

— Доброе утро! — поприветствовал их Ярдар, вытирая нос, испачканный в муке.

Глаза его светились радостью. Хорошо поспал, вымотавшись за прошедший день.

— Доброе, — Ида улыбнулась.

Эцур ничего не сказал, только кивнул, почувствовав легкий укол ревности. Ему бы самому встать пораньше да удивить Иду подобным, пусть готовить у него получалось не слишком хорошо. Но утешал себя тем, что от него все же был толк. Летом пропалявал сорняки в саду, поливал цветы, ухаживал за деревьями, колол дрова, зимой расчищал сугробы перед домом, ходил на базар и разносил снадобья всем нуждающимся, если на дворе мороз и стужа.

Осенью Эцур пропадал в лесу и возвращался с корзинками, полными ягод. Решив в своей голове, что пользы от его помощи куда больше, чем от какого-то завтрака, Эцур хмыкнул. Однако все недовольство улетучилось, стоило снять с горшочка крышку и вдохнуть аромат супа. Эцур тут же ухватился за ложку, взял лепешку и принялся есть, не отвлекаясь на разговоры Иды и Ярдара.

Ярдар посчитал суп удавшимся, раз Эцур с таким аппетитом набросился на еду.

— Раз уж на то пошло, — сказала Ида, толком не прожевав кусок лепешки, — почему бы тебе не остаться у меня на какое-то время, чтобы помогать по хозяйству?

Эцур не поверил своим ушам. Он смотрел на Иду исподлобья, не забывая при этом набивать рот.

— А судя по твоему состоянию, в котором ты прибыл сюда, то тебе не помешает что-то вроде защиты.

Ярдар тепло улыбался, глядя на то, как стремительно пустели горшочки с супом.

— Буду очень рад оказаться полезным!

Эцур снова хмыкнул.

— В чем дело? — Ида посмотрела на Эцура, хотя ей и так была понятна причина недовольства.

— Вообще ни в чем, — Эцур доел свою порцию и теперь вымакивал стенки горшочка лепешкой.

— Вы, наверное, не хотите, чтобы я тут оставался? — неуверенно протянул Ярдар, глядя на Эцура.

— Мне-то все равно, — пожал плечами Эцур. — Главное, чтобы твое присутствие не навлекло беду.

Конечно же ему было не все равно, пусть Эцур и произнес эти слова с деланным безразличием.

— Кстати, когда ты расскажешь нам почему кровососы в лесу хотели убить тебя? — спросил Эцур, доедая остатки лепешки.

Ярдар явно не был готов к такому вопросу, но решил ответить на него честно и уже открыл рот, чтобы начать говорить, как Ида его остановила:

— Прекрати. Если захочет, то расскажет потом, дай ему время. Не слишком хорошая тема для обсуждения за столом.

Эцур ничего не ответил, только нахмурился и замолчал, не сказав и слова до конца завтрака, который продолжился за чаем и яблочной пастилой. Ида, в качестве дополнения к своему предложению, пообещала Ярдару научить его тому, чему он сам желал обучиться, будь то приготовление мазей и снадобий, или же просто какие-то тонкости оказания помощи больным.

Первый месяц, однако, выдался не слишком-то легким. Приходилось действительно много работать, вдобавок у Иды оказался непростой характер. Но при этом она никогда и никому не отказывала в лечении.

— Просящий помощи всегда получит ее, — говорила Ида.

Ярдар занимался стиркой, уборкой, готовил. Впрочем, с готовкой помогал Эцур, который появлялся достаточно часто. А Ида нередко отлучалась на несколько дней, наверное, отбывала к тем, кто не мог добраться до нее из-за болезни.

Вечерами сил хватало только, чтобы рухнуть в постель. Иногда Ярдар засыпал на диване, обложившись книжками, которые нужно прочитать по настоянию Иды. Эцур, таскавшийся за ним по пятам и относившийся с недоверием ко всему, что делал парнишка, в скором времени начал воспринимать его проще.

Эцур пугал Ярдара, потому что казался жутким, странным, хотя рассказывал много интересных вещей и помогал разобраться с новой информацией из книг.

Вдобавок ко всему, Ярдару нужно было прибираться в комнатке, где Ида лечила посетителей. Он подходил к этому заданию более, чем ответственно, надраивая полы и оттирая стол. Юноше думалось, что если он расстареется на славу, то людям будет приятнее там находиться, соответственно, они перестанут думать о боли или других нехороших штуках. Больше всего ему нравилось наводить порядок в высоком шкафу со множеством ящиков, где Ида хранила сушеные травы, различные бутылки с зельями и банки с мазями. Нравилось разглядывать их, иногда даже открывать и нюхать содержимое. Зачастую запахи были резкими и едкими, Ярдар морщился, говорил себе, что больше не будет нюхать, но нарушал данное обещание.

Выяснилось, что Эцур знает не меньше Иды, а еще именно он откуда-то приносил эти замысловатые банки и флаконы, клеил на них бумажки с надписями, сидя где-нибудь в углу, бормоча себе под нос незатейливые стишки и мыча песни. Эцур был аккуратен, каждое название на бумажке написано четко и ясно.

— Где ты живешь? — спросил как-то Ярдар.

Они с Эцуром уже перешли ту стадию общения, когда парнишка обращался к нему на «Вы».

— В хижине у леса, — промычал Эцур, увлеченно вырезая что-то из маленького кусочка дерева, примостившись на ковре у камина. Ярдар же сидел на диване, листая личные записи Иды про лечебные травы и рецепты различных зелий. Самой Иды уже не было два дня, она вроде как уехала на ярмарку. За окном выл ветер, принесший с собой пургу. Посетителей мало и все приходили за разогревающей мазью да за жидкостью для полоскания горла. Читая записи, Ярдар наткался и на рецепты кремов, духов, бальзамов для волос и мыльных шариков для лица и тела.

— Не боишься, что пока тебя нет, туда кто-нибудь заберется? — Ярдар перевернул страницу и нахмурился, пытаясь разобрать что именно там написано.

— Да кому туда нужно соваться, — усмехнулся Эцур. — У меня и брать-то нечего. А что есть — ношу с собой всегда.

Ярдар с любопытством уставился на зверя. Эцур почти никогда не надевал кольцо в отсутствие Иды.

— И что же есть?

Эцур почесал за ухом, потом придвинулся ближе к дивану, осторожно отодвинув корзинку, куда сыпались стружки. Спустя минуту перед Ярдаром лежал крохотный ножик, то самое кольцо, пара браслетов, которые сплела Эцуру Ида, резная трубка, мешочек с табаком, огниво, кожаный шнурок с примотанным к нему блестящим камушком и уродливая сви-стулька, покрашенная в черный. Деревянная птичка с обломанным клювом.

— Самая первая, — оскалился Эцур. — Я тогда еще не успел приноровиться к вот этому вот.

Он вытянул вперед лапы-руки и пошевелил пальцами.

— Не пробовал стричь?

— Дурак совсем, — Эцур покачал головой. — Как же я иначе буду животы вспаривать? Ярдар побледнел, глядя в глаза-луны.

— Да шучу, — цокнул языком Эцур. — Пробовал, конечно, толку нет просто. Больно, когти толстые. И отрастают обратно быстро. Что есть у тебя?

Ярдар слабо улыбнулся, пожал плечами.

— Ничего нет. Ни ценного, ни просто занятого.

— Врешь ведь, — крякнул Эцур, распахивая по карманам балахона все свое барахло, кроме ножичка. Юноша заерзал на месте.

— Ну, неужто я похож на глупого совсем? — протянул нараспев Эцур. — Или за слепого держишь?

Ярдар поджал губы, Эцур смотрел на него с хитрым прищуром.

— Раз уж я в полусвете ходить наловчился, то раскусить тебя мне ничего не стоит.
Юноша нервно усмехнулся.

— Я не знаю...

Он услышал, как открылась входная дверь, и мигом вскочил со своего места, чтобы встретить Иду, оставив позади ухмыляющегося Эцура.

— В чем дело? — спросила Ида, стряхивая с воротника пальто снег. — Чего такой бледный?

— В-все в порядке! — выпалил Ярдар.

Ида затасила в прихожую мешок, до отказа набитый разными штуковинами, купленными на ярмарке. Вид у Иды был не просто усталый. Она словно исчерпала весь свой запас энергии. Под глазами залегли тени, лицо блеее снега, а губы настолько синие, будто Ида всю ночь провела на морозе без возможности где-нибудь погреться.

Эцур тоже вышел встречать Иду, заблаговременно надев на палец кольцо.

— Пойду прогуляюсь! — Ярдар схватил свой тулупчик, который ему откуда-то приволок Эцур и выбежал на улицу.

Ида даже не успела сообразить, что нужно предупредить о жутком холоде. Когда за ним захлопнулась дверь, Ида сурово поглядела на Эцура.

— Даже спрашивать ничего не буду, мне и так ясно, что ты его донимал, — вздохнула Ида, стягивая пальто. Она не слишком переживала за Ярдара, который за прошедший месяц успел себя показать как доброго и сообразительного парня. Соответственно, долго ждать не придется, сам явится обратно, когда мороз заберется под кожу.

Ида немного пошатнулась, Эцур бросился к ней и подхватил за талию. От Иды пахло спелыми яблоками, малиной. Эцуру хотелось уткнуться носом в ее волосы, но сдержался.

— Не нужно, — пробормотала Ида, прикладывая ладонь к голове.

— Ты не заболела ли? — участливо поинтересовался Эцур, не торопясь отнимать руки.

— Нет, — отрезала Ида. — Сам знаешь в чем дело.

Эцур промолчал, убрав руки в карманы. Его пальцы нащупали холодные бусины одного из браслетов и начали перебирать их.

— Иди за ним, — Ида махнула в сторону двери. Эцур закатил глаза.

— Вот еще, сам придет обратно.

— Иди!

Эцур скрипнул зубами, натянул на голову капюшон, обулся и вышел на крыльцо. К его удивлению, Ярдар не ушел далеко, он сидел на скамье прямо у дома. Эцур спустился к юноше, который вертел в руках глиняный шарик. Ярдар тут же спрятал вещицу, краем глаза заметив Эцура.

— Проветрился? — спросил Эцур, набивая трубку табаком.

Ярдар кивнул, не поднимая взгляда на мужчину. Эцур накиннул на Ярдара шарф, за что получил легкий шлепок по руке.

— Не надо меня трогать.

— Так я и не трогал, — Эцур зажал зубами трубку, с удивлением глядя на руку, немного горящую от удара.

Смельчак, однако. Обычно от Эцура шарахались, даже если он находился среди людей в человеческом облике.

— Конечно, лучше будет если сам все расскажешь. Ида заслуживает правды за то, что пригрела тебя в своем доме.

Ярдар воззрился на Эцура и тому стало немного не по себе. Такой злости во взгляде юнца ему еще не приходилось видеть за все то время, что они общались.

— Я не просил тащить меня сюда. Если уж на то пошло, не просил и спасать.

— Еще как просил! — зашелся смехом Эцур. — Кто там вопил, пока с него стаскивали штаны и пытались поймать? Ты так орал, что мертвецы наверняка слышали, что уж про меня говорить!

Холод пробирал до костей и Ярдар задрожал.

— Говорю, пошли обратно. Чего упрямиться? Тебя никто не гонит. Раз уж так получилось, что я разглядел тебя настоящего, буду пока молчать.

— Пока? — Ярдар вздернул правую бровь.

— Да, — Эцур вздохнул. — Повторюсь: Ида заслуживает правды.

Он сунул трубку обратно в карман, вытряхнув табак на снег, силой поднял Ярдара со скамьи и поволок юношу к двери.

Лежа той ночью на своей постели, слушая, как храпел Эцур, развалившийся на диване в гостиной, Ярдар думал о том, как лучше всего рассказать обо всем Иде. Только с чего начинать? С того, что перечил отцу, который определил место жительства Ярдара в святилище, провозившем благовониями? С того, что Ярдар — вор, который обокрал жрецов? С самих жрецов?

Ярдар зарылся лицом в подушку.

Начать с него самого?

2

Приближался Праздник середины зимы, он же принес и дурные вести. Люди поговаривали, что в уделе обосновалось чудовище, пожирившее детей. Ярдар в шутку спрашивал у Эцура не он ли таким образом решил разнообразить свой рацион.

— Кто же в здравом уме пойдет детей жрать, очнись, — отвечал на такое Эцур. — Косточки мелкие, толком не выковыряешь из зубов потом. Вот таких острословов как ты, мой друг, отлавливать самое то.

И Эцур хрипло смеялся, глядя на вытаращенные глаза Ярдара. Эцур удивлял не столько своим чувством юмора, сколько умением быстро подобрать ответ практически на все. В ступор его могла ввести только Ида, долго и с расстановкой рассказывающая про новые придуманные рецепты или, скажем, про бесконечный поток посетителей с жалобами на простуду. Эцуру было без разницы о чем она говорила, лишь бы говорила, сидел и слушал голос. Ведь голос предназначен именно для того, чтобы слушать. Терпкий и сладкий, он заполнял собой пространство, грел, обволакивал. Когда рассказ Иды заканчивался, Эцур некоторое время даже не замечал этого, поскольку находился целиком там, в ее голосе, не вникая в суть, лишь отчасти улавливая какие-то фразы. Ида даже не обижалась, когда видела, что Эцур сидел с отсутствующим взглядом.

Ярдару полюбились походы в чайную лавку. Они с Эцуром неторопливо прогуливались, обсуждая последние новости. Эцур насвистывал какую-то мелодию, Ярдар рассматривал дома. За все время прогулок по деревне он уже выучил кому принадлежит то или иное жилище. Например, в доме с воротами, на которых красовался резной волк, жила большая семья, а по соседству обитала одинокая пожилая женщина. На ставнях окон у нее была изображена лиса, ворота всегда открыты, потому можно увидеть, как эта женщина возилась в саду, расчищая снег.

— Ну, не созрел еще для откровений? — спросил Эцур в одну из таких прогулок.

Он закурил на ходу, выпустил дым из ноздрей. Ярдар неопределенно мотнул головой. Мимо них пронеслась стайка ребятишек с радостными воплями. Едва завидели Эцура, как остановились и принялись разглядывать его. Один из мальчишек, с россыпью веснушек на пухлых щеках, заливисто засмеялся, принялся тыкать пальцем в Эцура:

— Смотрите! Смотрите на него! Это же он чудовище, которое детей ест!

Остальные ребята сначала нерешительно заулыбались, а потом подхватили.

— Чудовище! Чудовище!

Эцур повернулся к ним.

— Тебя не учили пальцы держать при себе, как и свой поганый язык за зубами? — спросил он, выдыхая колечки дыма.

— Чудовище! — вновь прилетело от мальчишки.

Он скорчил рожицу.

— Я здесь чудовище! — прогрохотал Ярдар, неизвестно откуда взявшимся низким басом. — Догоню и сожру каждого!

Дети завизжали, бросились наутек. Эцур сначала удивленно посмотрел на Ярдара, а потом расхохотался.

— Ты ведь понимаешь, что Ида с тебя семь шкур за такое спустит? — прокряхтел он, вытирая выступившие от смеха слезы.

— Если узнает, — Ярдар смотрел вслед орущим детям, которые бежали куда глаза глядят. Эцур, кажется, даже поперхнулся.

— Узнает, — просипел он, прокашлявшись. — Сейчас эти мелкие негодники нажалуются своим родителям, те придут по твою душу к Иде. Только ругаться будут не за безобидную выходку, а за что-то поужаснее. Дети любят приукрашивать.

Ярдар повел плечом.

— Да и ладно, — он улыбнулся. — И что, часто так тебя дразнят?

Эцур ухмыльнулся.

— Каждый день.

— Все из-за глаз?

Они продолжили свой путь. Вывеска уже показалась из-за других домов.

— Не только из-за них, — Эцур зевнул. — Видели меня в зверином обличье. Сам посуди, ты бы иначе меня назвал, увидь хвост и рога?

Ярдар не нашелся что ответить, потому просто помолчал.

— Вот и пришли, — Эцур дернул на себя дверь чайной лавки. Над их головами прозвенел колокольчик. В лавке многолюдно. При появлении Эцура многие покупатели недовольно поджали губы. Кто-то сердито рассматривал его, кто-то неодобрительно качал головой.

Воздух в лавке был густым, пах шоколадом, каким-то фруктами. Люди переговаривались между собой, отчего складывалось впечатление, что жужжит рой пчел. Вдоль стен лавки — высокие шкафы с открытыми полками, на каждой из которых стояли пузатые стеклянные банки с чаями всевозможных цветов, глубокие миски, наполненные доверху леденцами в хрустящих обертках.

— Давай, заходи, чего встал, — Эцур пропихнул Ярдара в лавку. — О, нам повезло, смотри-ка!

Эцур протиснулся к одной из полок, на которой находилось большое блюдо с каким-то лакомством, завернутым в тонкую желтоватую бумагу. Эцур схватил сразу несколько штук.

— Что это? — поинтересовался Ярдар, тоже взяв в руку небольшой сверток.

— Пирожные с карамелью, орешками и шоколадом, — заговорщицки прошептал Эцур прямо на ухо юноше. — Самая вкусная штука, которую я когда-либо пробовал. Только не говори Иде, обычно самая вкусная штука — это ее пирог с вишней.

Ярдар тихо рассмеялся. Эцур достал из кармана кожаный мешочек, туго набитый монетами.

— Их так редко привозят, что я готов был уже сам научиться их готовить, — продолжал шептать Эцур, развязывая мешочек и вручая Ярдару пирожные, которые успел ухватить с блюда. Ярдар поднес один из сверток к носу и заулыбался. Пахло здорово.

— Но каждый раз, когда я собираюсь с духом и хочу отправляться за ингредиентами, они появляются, — бубнил Эцур, отсчитывая нужное количество монет. — А, вот еще что!

Он бросился к банке из синего стекла, открыл ее, шумно втянул носом запах содержимого, которое по цвету напоминало пожухлую траву. Ярдар разглядел крохотные засушенные бутоны чайной розы, листья смородины, миндаль, бело-перламутровые шарики, похожие на речной жемчуг.

— Лунный чай, — с благоговением произнес Эцур. — Тоже редко бывает, потому сейчас возьмем с запасом.

— Что за шарики? — Ярдару хотелось достать один из них из банки, только Эцур не позволил, мол, вот купишь себе порцию и наразглядываешься.

— Обработанные осколки луны, — Эцур прикидывал в уме хватит ли у него денег на большую упаковку.

— Бывал в Дувесе?

— Не-а, — мотнул головой Ярдар. — Я мало где бывал вообще.

— Над Дувесой всегда светит несколько лун. Когда одна из них гаснет и обрушивается в море, ее дробят на куски, обрабатывают и часть привозят к чайных дел мастерам. Эцур довольно улыбался.

— Надо же, — пробормотал Ярдар.

Ему вдруг стало неуютно находиться в лавке, не покидало ощущение, что в затылок неотрывно смотрели. Эцур взял большой сверток, лежавший на одной полке с банкой и двинулся дальше, поскольку еще надо было купить ягодный чай для Иды. Ярдар последовал за ним, лениво переставляя ноги. Хозяйка чайной, милая приземистая женщина с ярко-рыжими волосами, рассказывала о новинках, болтала с посетительницами. Ярдар озирался по сторонам, слушая бубнеж Эцура, который открывал банку за банкой, принимаясь к ароматам.

На миг Ярдару показалось, что люди расступились и перед ним теперь стояли жрецы, а их маски бесстрастно смотрели на недоуменного юношу. И среди них стоял молодой мужчина со шрамами на лице. От уголков рта до самого уха эти шрамы перечеркивали щеки. И левой глазнице вращался агатовый шарик с десятиконечной звездой.

Но тут мимо Ярдара прошла женщина в темно-зеленых одеждах, фигуры жрецов растаяли, исчез и шрамированный. Ярдар погнал прочь дурные мысли, следуя за Эцуром, который шел расплачиваться за чай и пирожные.

Понравилось Ярдару и кататься с горки. Подходящее место для катания находилось не сразу. То вокруг было многолюдно, то горка была слишком пологой. Наконец, дойдя до довольно-таки крутого спуска к реке, скрывшись от посторонних глаз, Эцур мог снять кольцо, рухнуть на землю и потянуться, чувствуя, как приятно снег холодит мех. Зверь барахтался, крутился, потом выгнул спину, размял лапы. Один из таких дней выдался чудесным. Солнце плыло по ярко-голубому небу, на котором не было ни облачка. От мороза у Иды и Ярдара покраснели щеки.

— Здорово, — проворчал Ярдар, бросая на снег тяжеленные санки. — Помог бы хоть.

Эцур презрительно дернул хвостом и на штаны Ярдара приземлились белые хлопья снега.

— Это была твоя затея, потому сам и таскай.

Ярдар тихо ругнулся, поправив шапку-ушанку.

— Где Ида? — спросил Эцур, оглядевшись по сторонам.

Ему в морду прилетел снежок. Послышался сдавленный смех из-за дерева. Эцур оскалится, начал скатывать снег в огромный шар. Когда он замахнулся, чтобы им бросить в Иду, она расхохоталась и побежала прятаться за другое дерево. В итоге снежный шар обрушился на Ярдара, который не смог удержать равновесие, повалился на спину.

— Я вообще не причем, и на тебе, подарочек... — бурчал он, пока поднимался и отряхивался.

Эцур швырнул в него еще снежок, уже поменьше. С Ярдара слетела шапка. Юноша покачал головой, с укором посмотрел на Эцура, который сидел на снегу, вывалив язык из пасти.

— Очень хорошо, — Ярдар подобрал шапку, нахлобучил ее на голову, как следует завязал тесемки, отошел подальше. А потом разбежался и с воплем повалил Эцура. Тот опешил, даже немного растерялся. Ида заливисто смеялась, стоя чуть поодаль, уже выйдя из-за дерева, но все еще опасаясь мести Эцура.

— Так тебе и надо! — крикнула она.

Однако увидев как Эцур поднимается и несется к ней, она радостно завопила, попыталась убежать прочь, только глубокий снег не позволил сделать этого. Эцур схватил Иду, посадил себе на плечи.

Ярдар же пододвинул санки к спуску, уселся на них, взял в руки веревку, прикрепленную к деревяшкам. Стал смотреть вниз, то и дело меняя расположение саней. Двинет вправо — нет, врежется в дерево внизу. Чуть левее — уже лучше, но все равно можно зацепиться.

Еще левее — ага, так хорошо. Пока он примерялся, Эцур поставил Иду на землю, подкрался к Ярдару сзади, толкнул санки. Юноша покатился вниз с оглушительным воплем. Эцур, все так же высунув язык, радостно наблюдал, как сани, со свистом пролетели мимо злосчастного дерева, но въехали в другое. От столкновения весь снег, что лежал на ветвях, посыпался на Ярдара. Эцур издал довольный рык.

Ида с нетерпением ждала, когда поднимется Ярдар, ей тоже хотелось покататься на санях. Эцур же предложил ей сесть ему на спину и покрепче ухватиться за шею. Ярдар, увидев, что Ида восседала на звере, как на коне, почувствовал, что ему немного завидно.

— А можно и мне так? — спросил Ярдар, стряхивая снег с шарфа и пальто.

Эцур вскинул голову вверх.

— Еще чего!

И бросился вниз с громким воем.

Вечером, развесив намокшую одежду перед камином, все трое сидели возле печи в кухоньке, попивая душистый ягодный чай. Ида искренне верила, что этот напиток согревал лучше всех прочих. На большом блюде лежали несколько оставшихся булочек с горячим чесночным маслом внутри. Когда с чаем было покончено, Эцур выудил свою трубку, набил ее табаком и закурил. Ида приглушила освещение. В кухоньке воцарился полумрак, в котором плыли дымные кольца. Золотые глаза Эцура мягко светились, как маленькие теплые солнца. Ида поставила возле себя свечу, принесла кожаные шнурки, каменные бусины и принялась плести тугие браслеты. Ярдар же придвинулся к окну, уложив руки на широкий подоконник.

Пришла метель. Она бросала снег в окна под пение злого ветра. За порог ступать нельзя, а то пропадешь. Эцур откинулся на спинку стула, смежив веки. На его левой руке тускло поблескивало медное кольцо.

А на утро Ярдар заболел.

То ли так сказалось катание на санках, то ли слишком много он выбегал на улицу, не удосужившись накинуть тулупчик. Мол, я же только до колодца, да и до лавки недалеко добежать!

Ярдар проснулся совершенно разбитым. Он сел на постели, с трудом разлепив глаза. Потом поковылял на кухню, с каждым шагом ощущая, что силы покидали его. Странное дело, обычно его простуда не брала вовсе.

Ида уже позавтракала и теперь варила что-то в небольшом котелке. Повсюду лежали пучки засушенных трав, холщовые мешочки, стояли открытые банки с резко пахнущими сыпучестями. Порция завтрака для Ярдара стояла на столе, накрытая тонким полотенцем.

— Ты как? — спросила Ида, увидев, что юноша буквально вполз в кухоньку.

Пар из котелка вздымался к потолку. Ида бросила в булькающую жидкость что-то похожее на птичьи лапки, и пар превратился из белого в бирюзовый. Острый запах въедался в ноздри, Ида прикрыла лицо ладонью. Ярдару же хоть бы хны: нос заложило так, что приходилось дышать ртом. Юноша расстроился. Так и есть ртом нужно! Как бы не помереть за столом.

— Никак, — вяло отозвался Ярдар, убирая полотенце.

Под ним оказались золотистые лепешки, от которых еще исходило тепло. Рядом на плоской тарелке дожидался своего часа омлет с зажаренным сыром, а в кружке юноша обнаружил компот из сушеных фруктов. Наверняка, все чудесно пахло. Ярдар вздохнул и принялся завтракать. Ида поглядывала то на помощника, то на котелок. В дверь постучали, от чего Ярдара чуть было не схватился за голову — его словно по макушке колотили молотом. Ида пошла открывать, а сама подумала, что толку от Ярдара сегодня явно не будет. Потом она поприветствовала раннего посетителя, проводила его в комнатку, а сама вернулась в кухню.

— Иди-ка обратно в постель, — велела она, увидев, что юноша отставил от себя тарелку и на компот смотрит недовольно: аппетита явно не было.

Наверное, еще и безвкусное все, с забитым-то носом. Ида коснулась ладонью лба Ярдара.

— Вот это да! — воскликнула она, покачала головой.

Снова повторила, чтобы он отправлялся в кровать и не вздумал встать. Достала из кухонного шкафчика светло-зеленый пузырек.

— На, — Ида вручила пузырек Ярдару. — Выпей, перед тем как ложиться.

Парнишка кивнул.

В спальне Ярдар откупорил пузырек. В нем — тягучая жидкость мятного цвета. Запах был терпким, однако юноша его практически не почувствовал. Ярдар пожал плечами, залпом выпил содержимое сосуда. На него тут же навалился сон.

Ярдару снилось, что он шел по лесу, где среди скрюченных деревьев мелькала чья-то тень. Глухой голос беспрестанно бубнил про серебряного зайца, прыгающего по небесам. Ярдар продолжал идти, оглядываясь по сторонам, голос не умолкал.

Проснулся Ярдар когда уже стемнело. В спальне зажгли свечи, оттого в ней было тепло и пахло нагретым воском. На полу, возле его кровати, сидел Эцур, кое-как примостившись у тумбочки. Ярдар удивился тому, как зверь-исполин умудрился втиснуться в комнатушку. Перед Эцуром расстелена плотная ткань, у него в лапах маленький ножичек, которым он что-то старательно вырезал из небольшого кусочка дерева. Стружки летели на ткань. Эцур сопел и тихо ругался, когда ножик не слушался и срезал слишком много коры. Затем забубнил ту самую песню из сна Ярдара. Юноша потянулся, повернулся на бок, потом подполз к краю кровати.

— Что ты делаешь? — сипло спросил он, откашлявшись.

— Свистульку мастерю, — отозвался Эцур.

Он сдул стружки, протянул лапу-руку к юноше. На раскрытой ладони лежал миниатюрный зайчик.

— Посеребрю потом, — зверь с обожанием смотрел на свое творение.

— Ты что ли пел, пока я спал? — спросил Ярдар. Голова уже почти не болела. Эцур кивнул.

— Шерстка серебро-о-о, глазки — самоцве-е-еты, — затянул зверь грубым голосом.

У Ярдара вытянулось лицо.

— Не слышал что ли эту песню никогда? — усмехнулся Эцур. Зверь высунул язык, пока старательно вырезал ушки у зайца, мыча мотив песни.

— А ты где ее услышал? — Ярдар с любопытством посмотрел на Эцура, ответил вопросом на вопрос.

— Каждый день слышу, когда поспевают ягоды, — зверь кряхтел, старательно вырезая на ушках насечки — так он изображал мех. — Перед тем, как приняться за сбор, дети поют ее, чтобы Хюги, божок, принимающий форму серебряного зайца, не дал им заблудиться да помог целую корзину набрать.

— Хюги? — Ярдар наморщил лоб, вспоминая всех известных ему божеств.

Тот, кого противопоставляли Старшему сыну.

— Да можешь не стараться, — Эцур любовался готовой свистулкой. — Я его помню, только потому, что близко к лесу живу и песню эту слышу. Взрослых спроси — никто не скажет кто это. Дети-то да, искренне верят.

Ярдар почесал подбородок.

— Ты кому это вырезал? — спросил он, кивнув на фигурку. Эцур что-то пробормотал, отвел взгляд, затем снова затянул песенку про Хюги.

Через несколько дней Ярдар поправился и с новыми силами стал помогать Иде по хозяйству. В канун Праздника середины зимы, к Иде заглянула молодая женщина с густыми волосами цвета золотой пшеницы. Ярдар невольно залюбовался. Он находился на кухне, чистил картошку для ужина, женщина стояла в коридоре. Вместе с ней вошла маленькая девочка в темно-синем плаще, с такими же изумительными волосами, как у матери. Пока Ида разговаривала с посетительницей, девочка во все глаза рассматривала Ярдара. Он улыбнулся ей, а девочку показала Ярдару язык и спряталась за матерью.

Когда они уходили, Ида нагнулась к девочке, расспросила о самочувствии, а потом достала из кармана посеребренную свистульку в форме зайца, протянула девочке. Та восторженно запищала, кинулась обнимать Иду. У Ярдара от удивления рот приоткрылся. Когда мама с девочкой ушли, Ярдар поинтересовался о свистулке. Ведь он явно помнил, что ее вырезал Эцур. А Эцур не особенно-то хорошо относился к детям. Кроме как мелкими негодниками их и не называл.

— Девочка плохо ела, капризничала, когда нужно было садиться за стол, — сказала Ида. — Эцур был здесь, когда они приходили в прошлый раз.

Он сказал, что если она начнет хорошо есть, то подарит ей свистульку, которой нет ни у кого в мире.

Ярдар глупо улыбнулся.

Ай да Эцур.

В один из вечеров, будучи в крайне хорошем расположении духа, Ида приготовила телятину, достала из закровов сладкий эль и пригласила Ярдара разделить с ней трапезу. Эцур где-то пропадал уже почти неделю. Ярдар немного удивился этому, ведь и дня не проходило без его визитов. И ужину юноша тоже удивился. Ида не отличалась покладистым и дружелюбным нравом, она была резкой, а язык, как бритва — что ни слово, то едкое или колкое замечание.

Когда они закончили с ужином, а немного эля еще осталось, переместились в гостиную, к гостеприимному камину, где трещали поленья.

— Да явится он, не переживай так, — Ида посмотрела на грустное лицо помощника.

Ярдар лишь пожал плечами. У него на языке вертелось столько вопросов, что буквально не терпелось вывалить их один за другим. Начал с непринужденной беседы о недавно прохворавшей корове соседки, и дошел постепенно до постоянного снующего в доме огромного зверя. Задавать такие вопросы раньше он бы попросту не осмелился.

— Кто такой Эцур? — тихо поинтересовался Ярдар, ощущая как кровь приливает к лицу и ушам. — И почему ты ему должна?

Ида слегка затуманенным от эля взглядом посмотрела на юношу, сделала глоток и вздохнула.

— Ну, как не хотелось бы мне это признавать, в первую очередь он тот, кто спас мою жизнь. Не таращись на меня так, звучит странно, конечно.

Ярдар отвел глаза. Ида отставила кружку с элем, закуталась поплотнее в вязаную накидку, поджала под себя ноги. Отсветы огня блуждали по лицу, перебегая на украшенные вышитыми картинами стены. Ида достала трубку, набила табаком. Зажгла и закурила.

— Я не всю жизнь жила здесь.

— Ого.

— Да. Мы с родителями жили недалеко от речки, вода в которой коротким холодным летом становилась серебряная от наполнявшей ее рыбы. Жили хорошо, мама помогала соседям справиться с хворями и недугами, за что ее всегда славно благодарили. Папа занимался резьбой по дереву. Нас народилось четверо и я часто приглядывала за самым младшим, которому и года не исполнилось. Одной ночью я проснулась от криков, мама стащила меня с кровати и упрятала в бочку в подвале, сказала сидеть тихо и не высовываться, пока не придет за мной. Случилось что-то страшное, но я не знала что. Мама не приходила, а крики становились все громче. Однако скоро в подвал кто-то пришел, открыл бочку. И когда я увидела, кто это был, я закричала.

Женщина усмехнулась.

— Представь, ждешь маму, а приходит за тобой какое-то чудовище. Правда, это чудовище вытащило меня из горящего дома. Притащил сюда.

Ида понурила голову.

— Вернуться туда духу не хватает.

— А Эцур что? — Ярдар придвинулся ближе к Иде.

— Эцур раньше был человеком. Он говорил, что однажды разгневал одного даирнай, обидчивого божка, выкрал какую-то вещицу. И теперь бродит как неприкаянный по землям людским и блуждает в полусвете.

— Сколько ему лет?

Ида снова пожала плечами.

— Кто его знает. Отшучивается обычно, мол, не пристало такие вопросы неприличные задавать.

Во входную дверь замолотили с такой силой, что казалось вот-вот слетит с петель. Ярдар вздрогнул, испуганно посмотрел на хозяйку дома. Ида быстро поднялась на ноги и поспешила в прихожую. Помощник, недолго думая, посеменил за ней. На пороге стоял высокий бородатый мужчина с суровым, угрюмым лицом. Темные глаза метали молнии, губы плотно сжаты, а на прямом носу виднелся поперечный шрам. Сквозь пелену снега за его спиной просвечивали несколько всадников на лошадях.

— Что нужно? — спросила Ида, с вызовом глядя на гостя снизу вверх — человек, стоявший перед ней, был огромного роста. Молодая женщина едва доставала до завязок плаща.

— Ваша помощь, госпожа, — низким, раскатистым басом произнес мужчина и смиренно склонил голову в знак уважения. — Мой хозяин получил страшное ранение на охоте и жизнь медленно, но верно угасает в нем.

— С чего вы взяли, что я могу помочь? — Ида скрестила руки на груди и задрала подбородок.

— До нас дошли слухи о вашей безграничной силе и добром сердце, — мужчина говорил это, не поднимая головы.

У Ярдара создалось впечатление, что гость боялся смотреть в лицо Иды. Женщина робко оглянулась на юношу.

— Мы заплатим столько, сколько вы весите! — в голосе пришедшего явственно слышалось отчаяние.

— Я не беру денег, — оскорблено произнесла Ида. — Поеду, но у меня есть условие.

— Все что угодно, — мужчина, наконец, поднял глаза и в них заблестела надежда.

— Он поедет с нами, — отрезала женщина, кивнув в сторону Ярдара, а тот оторопел от неожиданности, попробовал отказаться, но Ида была непреклонна. Велела собрать все необходимое и одеться потеплее. Мужчина просиял и, вернувшись к своим сопровождающим, сообщил им, что с ними отправятся двое.

Ярдара усадили позади молодого парня, совсем мальчишки. Ида села на коня мужчины, говорившего с ней. Он назвался Бреннаром и учтиво помог взобраться в седло, предложив в качестве дополнительной защиты от ветра и снега накинуть свой плащ поверх ее пальто. Ида вежливо отказалась и попросила не терять времени — ведь умирающий нуждался в немедленной помощи, а путь, как оказалось, был неблизким. Ярдар ужасно устал и вымотался, пока добирались до города.

Без малого они находились в пути всю ночь и снег не прекращался ни на минуту. Ярдар мысленно ругал себя за то, что не был настойчивым и не остался в доме, в тепле и уюте. Но отказать Иде он никак не мог, и раз женщина сочла его полезным в этом деле, то постарается сделать все возможное.

Они прибыли на место, когда непроглядная ночная тьма понемногу начала рассеиваться. Мерцающие огоньки окон в домах встречали всадников. Они спешили у большого двухэтажного дома, у которого их дожидались конюхи.

На входе в дом Ярдар обомлел, а Ида помрачнела. Высокие потолки и множество гобеленов. По дому сновали люди в просторных белых одеждах и юноша узнал в них целителей и жрецов разных божеств, призванных сюда, чтобы помочь залечить раны страдальца или хотя бы облегчить его кончину.

Новоприбывших провели в спальню на втором этаже, где царили полумрак и духота. Ярдар увидел, что пол захламлен обрывками светлой ткани в бурых пятнах. Кровь. На кровати кто-то лежал, но его не было видно из-за столпившихся вокруг людей. Наверное, те целители, которых они видели в коридорах, не смогли помочь, это другие. Ида раздраженно клацнула зубами, взяла одну из свечей, расставленных на столе у кровати, бесцеремонно растолкала всех и приблизилась к больному. Ярдар тоже подошел, вдруг что-то подать потребовалось бы.

И отшатнулся, прижав руки ко рту.

В свете свечи, которую Ида держала над страдальцем, он увидел молодого мужчину. Лицо его блестело от пота. Светлые волосы разметались по намокшей подушке. На Ярдара и Иду смотрели два воспаленных голубых глаза с налетом лихорадочного блеска. Длинная, тонкая шея, а все что ниже — красная, липкая каша, месиво из развороченной напрочь грудной клетки. Посередине слабо билось оголенное сердце. Ида сердито нахмурилась и резко обернулась на стоящих позади нее. Те почему-то виновато отвели взгляд, стараясь не смотреть в пылающие вулканы, коими стали глаза женщины.

— Вы хоть понимаете, что он вот-вот умрет? — крикнула Ида. — Пошли прочь, живо, чего пялитесь?

Кто-то поспешил скрыться за дверью спальни, остальных мгновенно рассвирепевший Бреннар выволок силой. Ида приблизилась к больному, взяла его руку в свою ладонь и прошептала:

— Слышишь меня?

К удивлению Ярдара, больной услышал и его губы даже дрогнули, сложившись в бледное подобие улыбки. Ярдар вздохнул. Ида вытерла пот со лба умирающего.

— Ну-ка, обхвати мою руку покрепче, так.

Страдалец моргнул, слабо сжав пальцы Иды.

— Потерпи совсем немного.

Она замерла, вперив свой взгляд куда-то вперед, глядя в темный угол за изголовьем. Из мрака на них смотрели пылающие глаза.

Эцур.

Правда, Бреннар никого не заметил и лишь попросил женщину поторопиться, мол, чего отвлекаться. Она поджала губы, сильнее ухватила умирающего за руку. Эцур вышел из темноты в тусклый свет. Покачал головой и грозно вперился взглядом в лицо Иды. Женщина лишь дернула плечом.

Хриплый кашель.

У страдальца горлом пошла кровь.

— Что вы делаете?! — заорал Бреннар, но Ярдар не дал ему подойти ближе.

Обломки ребер выпали из грудины, вместо них прорастали новые. Ярдар как замороженный смотрел на это. Но потом взглянул на Иду и будто врос в пол. Ее лицо потемнело, вместо глаз — две черных дыры, нос провалился вглубь черепа, концы пальцев вытянулись, почернели и стали напоминать корявые, обугленные ветки сожженных деревьев. Из рта потянулась струйка черного дыма.

Ярдар зажмурился, сунул руку в карман штанов, нащупал глиняный шарик, стал шепотом успокаивать себя.

Когда он открыл глаза, молодая женщина выглядела как обычно.

Дыра в груди заросла и страдалец издал судорожный вздох, на щеках забрезжил свежий румянец. Эцур тихо ругнулся и пропал в темноте, из которой появился.

Бреннар упал на колени перед кроватью больного, по его щекам покатились слезы. Он ухватил руки молодого мужчины, зарылся в них лицом, рыдая и не переставая причитать. Молодой господин ласково потрепал его по волосам, как мальчик, играющий с преданным псом.

— Позвольте спросить, — Ида, встала, слегка пошатываясь, из правой ноздри стекала тоненькая струйка крови — быстро вытерла рукавом, чтобы никто не увидел, но Ярдар успел заметить. Бреннар поднял на нее глаза.

— Кто же вас так? — женщина вздернула подбородок, выпрямила спину, будто не позвоночник у нее, а нечто идеально ровное, негнущееся.

Ярдару почему-то показалось, что это напускное. Не будь там свидетелей, Ида бы без сил упала.

— Охота сложилась неудачно, — Бреннар стиснул руку молодого господина, который с печальным видом слушал их, приподнявшись на локтях.

— Наверное, стоит ей рассказать, — прошептал он с легкой хрипотцой.

— Я уже обо всем поведал, — отрезал Бреннар.

— Не надо так, — страдалец мотнул головой, украдкой посмотрел на Иду и Ярдара. Те молча переглянулись и двинулись к выходу из спальни.

— Стойте! — ослабевший голос молодого мужчины довольно быстро набирал силу. Оклик получился немного визгливым, но, тем не менее, громким и напористым.

— Я не настаиваю на разглашении столь великого секрета, — бросила Ида и Бреннар скрипнул зубами. Страдалец покраснел. То ли от стыда, то ли от накотившей злости.

— Прошу вас, не уезжайте, будьте моими гостями. Позвольте вас отблагодарить гостеприимством, вкусной едой и теплой постелью. Вы наверняка устали, ведь ехали издалека.

Ярдар смущенно переминался с ноги на ногу, ожидая ответа Иды. Она поджала губы и кивнула. Ярдар вдруг подумал, что умиравший никак не мог знать, что ехали они издалека, он же в бреду метался. Но парнишка отогнал эту мысль.

— Господин, — дрожащим голосом начал было Бреннар, однако молодой господин остановил его жестом.

— Мой дорогой Бреннар, позаботься о том, чтобы нашим гостям приготовили лучшие комнаты и распорядись, чтобы тотчас накрыли на стол, — он сел на кровати. Бреннару ничего не оставалось делать, кроме как подчиниться и, поклонившись, он вышел из спальни.

— Если вас не затруднит, окажите услугу, — ласковым голосом молодой мужчина обратился к женщине и ее спутнику. — То, что вы услышите не должно никак дойти до простых жителей, я непременно распоряджусь, чтобы никто не пострадал, но и сеять хаос мне не хочется. И еще. Не могли бы вы подать мне одежду?

Ида молчала, Ярдар же помог больному одеться.

Спустя какое-то время вернулся Бреннар и сообщил, что все приготовления закончены, стол накрыт и гостей ожидали в обедне. Молодой господин тоже возжелал спуститься, настойчиво попросил гостей сесть рядом с ним во главе стола и сразу сообщать о любом желании, будь то лучшее вино или любая из прислужниц — при этих словах он выразительно посмотрел на Ярдара, чье лицо немедленно залилось краской.

В обедне светло, тепло, пахло жареным мясом, раздавался громкий смех собравшихся служителей молодого господина. Все как на подбор — сильные и крупные мужчины. Были среди них и юнцы, которые немного опасливо озирались по сторонам. Ярдару показалось, что они не так давно влились в строй приближенных. И у Ярдара совершенно не хватило ума даже подумать кто угощал их за столом. Ида же, все это время хранившая молчание, устало присела на стул, любезно отодвинутый для нее хозяином дома. Ярдар приземлился рядом. В обедню пригласили музыкантов, и под звуки музыки все приступили к трапезе.

Каково же было удивление Ярдара, когда среди сидящих за столом, он увидел знакомую лукавую ухмылку и золотые глаза, которые при свете факелов светились не очень ярко. Эцур весело болтал с одним из служителей, время от времени поглядывая на Иду и Ярдара. Женщина тоже заметила плута и недовольно цокнула языком.

— Меня зовут Ивар, — понизив голос так, чтобы его не слышал Бреннар, произнес молодой господин, наливая Иде вина до самых краев кубка. — Я — наместник удела Янган от рода человеческого, назначенный эрстером Скандаром. Бреннар — моя правая рука, человек, который заботился обо мне, когда родители покинули наш мир и отправились к даирнай в Дом теплых ветров.

При упоминании Скандара, Ярдар втянул шею в плечи.

— Знаю, — вздохнула Ида, придвинув к себе тарелку с крольчатинной и овощами. — Все знаю.

Ярдар же сразу принялся за еду, не поднимая глаз. При упоминании эрстера сразу вспомнились барбаройцы, которые его преследовали.

— Замечательно, — Ивар отпил вина из кубка, облизал губы и довольно улыбнулся, как лис, наевшийся до отвала курятины. Ида со скучающим видом смотрела на то, как Эцур гоготал над шуткой и хлопал по плечу сидящего рядом.

— На кого вы охотились? — Ярдар набил рот крольчатинной и картофелем. Даже Ида так вкусно не готовила. Ивар обрадовался, что Ярдар вступил в разговор.

— Возможно, вы слышали, что в лесах стали находить мертвых детей, — наместник скрестил руки на груди и откинулся на спинку кресла. Ида вздернула правую бровь, но ничего не сказала.

— Бедные создания, не знаю, что с ними делали, но их хрупкие тельца были так изувечены и изуродованы! Мы даже не можем узнать, откуда дети пришли, похищали ли их, не можем найти безутешных родителей. Хотя исправно посылаем гонцов во все уделы, толку нет. Тут же, совершенно недавно, — Ивар не ел, но потягивал вино, — охотники напали на следы крупного зверя, и следы эти не были похожи на медвежьи или на волчьи. Пошли по ним и нашли его логово. И самого зверя.

Ярдар слушал Ивара с открытым ртом, забывая подьесть крольчатину. Воистину, обаяния наместнику не занимать. Мимика, жесты, голос.

— Мы обомлели. Это чудовище оказалось настоящим исполином. Морда волчья, три глаза. Передвигается на четвереньках и встает без труда на задние лапы. Огромный, мощный хвост. Один удар этим хвостом — костей не соберешь! Зверь бросился на меня, свалил с лошади и рассек грудину одним взмахом передней лапы. Шустрая тварь.

Ярдар растерянно сновал взглядом по присутствующим в обедне. В дальнем углу, на стуле в углу, сидел человек со шрамами на лице. С агатовым шариком в левой глазнице.

Юноша заерзал на стуле. Сначала он подумал, что ему померещилось. Эцур, хохоча над очередной шуткой, тоже обратил внимание на сидящего в углу, потом обеспокоенно посмотрел на Ярдара. Тот же чувствовал, как им овладевала паника. Хотел было вскочить со своего места и куда-то деться, но Эцур, заметив это, едва заметно покачал головой и одними губами беззвучно произнес «нет». Парнишка придвинулся ближе к Иде и та положила на его колено ладонь, легонько похлопала и шепнула, пока Ивар разговаривал с Бреннаром:

— Эцур здесь. Бояться нечего.

Ярдар снова обменялся взглядами с Эцуrom и последний ему подмигнул, хитро улыбаясь, мол, все верно, ничего не страшись, пока я тут.

— Вы встретились с ануиром, их еще называют зверолюдми. Однако сомневаюсь, что ануир стал бы есть детей, это не в их природе, питаться человечинной, — протянула Ида. — Неужели зверь напал просто так?

Наместник прекрасно знал с кем он повстречался на якобы охоте. Ануиров не так часто можно было встретить в этих краях и чаще всего они скрывались среди обычных людей, прячась от окружающего мира. Так открыто шляться по лесу мог только один. Иду интересовало, почему Эцур напал и не велел лечить наместника, появившись в углу его спальни. Вероятно, Эцур узнал нечто важное.

Узнал или увидел.

— Да, — подтвердил Ивар, отведя взгляд. От Иды это не укрылось, она напряглась. Зачем послали именно за ней? Неужто других хекс уговорить не удалось?

— Что вы намерены делать? — тихонько спросил Ярдар у Ивара, пытаясь хоть как-то отстраниться от захлестнувшего страха.

— Изловить зверя, сделать из него чучело, возить по ярмаркам в качестве примера того, что наместник любит своих людей безгранично и готов сделать все ради их безопасности, — Ивар, наконец, приступил к крольчатине, отхлебнул вина, улыбнулся Иде. — Не страшно ли вам жить в одиночестве, зная, что чудовище бродит совсем неподалеку?

— О, поверьте, это должно пугать не меня, — Ида выразительно посмотрела на Эцура.

Тот залпом допил содержимое своего бокала и хлопнул ладонью по столу. В следующий миг всех трапезничающих буквально пригвоздило к тарелкам и графинам, они ели и пили без остановки, не силах поднять голову и уж тем более выбраться из-за стола. Наместник быстро-быстро набивал рот крольчатинной, и Ярдар понимал, что это происходит не по его воле — он кашлял и давился, но ничего не смог сделать. Эцур встал со своего места, с самодовольной ухмылкой протянул руки Иде и Ярдару и со всех ног они бросились наутек из обедни, пока наместник и его прислужники, задыхаясь и жалобно скуля, продолжали набивать животы. Гостя в маске уже и след простыл.

— Что происходит? — выкрикнул Ярдар, пока они бежали вниз по лестнице, сбивая с ног обескураженную прислугу.

— Не сейчас! — прогрохотал Эцур, стаскивая кольцо и возвращаясь к истинному облику. Он тащил их к конюшням, пробираясь по коридорам дома, где по пути встречалось мало людей. Перепуганные слуги при виде Эцура либо теряли сознание, либо бросались наутек, но даже если бы они звали на помощь, никто не откликнулся — большая часть вооруженных при-спешников наместника насильно поела обильный ужин.

— У конюшен видел несколько человек, но к этому моменту они должны быть мертвецки пьяны, — Эцур притормозил, чтобы Ида и Ярдар могли отдышаться.

— Берете лошадей, но домой не возвращаетесь, я останусь неподалеку отсюда, чтобы предотвратить погоню!

Он обхватил Иду за плечи.

— Поезжай к Фугулу, на первое время укройтесь у него.

Эцур стиснул ее в объятиях, и вопреки ожиданиям Ярдара, Ида не взбрыкнула, не фыркнула и не стала говорить, что так делать не следует. Она лишь робко провела рукой по его морде, зарывшись пальцами в короткий черный мех. Ярдар растерянно прислонился к стене.

— Не вздумай задерживаться надолго, — произнесла Ида, схватила Ярдара под руку, и они возобновили бегство.

Эцур следовал за ними.

Возле конюшни валялись несколько стражников, возле них — пара-тройка пустых бутылок. Эцур ликуя зарычал, распахнул двери конюшни. Завидев его, лошади заматались в стойлах, встали на дыбы, пронзительно заржали. Вытащив двух лошадей, которые изо всех сил пытались вырваться, Эцур усадил на них Ярдара и Иду, и вскоре они скрылись в метели. Зверь же неспешно побрел за ними, то и дело оглядываясь на дом. Погоня могла начаться в любую минуту, его колдовства надолго не хватит. Важный гость не позволит развлекаться.

К закату уставшие лошади остановились у полуразрушенной лесной хижины. Ида спешила и осмотрелась по сторонам. Тишина. Лес стоял вокруг безмолвным великаном, обещая уберечь от опасности. Снег белым саваном укрыл мерзлую землю.

Ярдар неуклюже слез с лошади и вопросительно взглянул на Иду. За все время пути она не проронила ни слова. Молчала и теперь, лишь осторожно вглядываясь в сгущающиеся сумерки.

— Я не совсем уверен, конечно, но было ли от чего бежать? — тихим шепотом поинтересовался юноша.

Ида не ответила, лишь уверенным шагом направилась к хижине. Открыла рассохшуюся дверь, кое-как державшуюся на проржавевших петлях, женщина шагнула во мрак хижины, наполненный сыростью и плесенью. Ярдар последовал за ней, бросив через плечо печальный взгляд на лошадей, которые фыркали и рыли снег копытами.

— А что с ними?

— Оставь или прогони, про них нам точно думать некогда, — Ида топталась на месте.

Прошла чуть дальше, запнулась, и, опустившись на колени, изо всех сил стала бить кулаком по полу. В полу появилась щель и открылась дверца в погреб, откуда запахло едой и показалось улыбающееся лицо мужчины.

— Ида, здравствуй, — он наполовину вылез из погреба, обхватил Иду, крепко прижал к себе. — Очень рад, что ты заглянула!

Он вытащил лампу со свечой внутри, поставил ее возле погреба так, чтобы разглядеть лицо женщины и того, кто пришел с ней.

— И вам добро пожаловать, — он радушно улыбался, но Ярдар невольно поежился — у человека отсутствовала левая половина лица, вместо нее — зажившие ожоги.

— Где Эцур? — спросил мужчина.

Ида махнула рукой, и лишь попросила разрешения войти в дом. Хозяин закивал и велел гостям спускаться. Ида пошла первой, Ярдар потопал за ней.

Под дверцей погреба — узкая лестница, освещенная свечами. Она вела в весьма просторное, уютное жилище, обустроенное под полом развалившейся хижины. Комната была одна на обедню, кухню и гостиную, из нее — две двери, ведущих в маленькую купальню и крохотную спальню. В большой комнате горел камин, там было тепло и светло.

— Нам надо переждать у тебя до того момента, как появится Эцур, — обеспокоенно сказала Ида, сев в кресло возле огня.

Ярдар топтался на месте, ему было очень неловко. Не покидала мысль о том, что наверху остались две лошади. Фугул сел в кресло рядом с Идой. Она вкратце рассказала ему о визите к наместнику и с каждой секундой лицо мужчины становилось все мрачнее.

— Его убьют, понимаешь? — Ида сокрушенно вздохнула. — Как я вообще согласилась уехать и бросить Эцура там?

Ярдар нахмурился. Неужели это Эцур был тем чудовищем, которое атаковало наместника, а до этого пожирало детей? Нет, невозможно. Эцур редко куда-то отлучался, Ярдар много времени с ним проводил.

— Почему Эцур пытался запретить лечить наместника? — шепотом спросил Ярдар.

Он открыл было рот, чтобы сказать что-то еще, однако сверху раздались громкие удары. Ида как ужаленная подскочила и побежала вверх по лестнице. Раздался скрип дверцы, а потом громкий, оглушающий крик. Фугул бросился к Иде, Ярдар на ватных ногах поплелся следом. Он увидел, что женщина, заливаясь слезами, пыталась втащить в погреб обмякшее тело Эцура.

Светящиеся глаза почти угасли, морда перепачкана кровью, зверь дышал тяжело и прерывисто. Фугул подставил руки и перенял у Иды Эцура, пока она придерживала массивное

тело. Ее платье в пятнах крови, она плакала не переставая. Ярдар с болью смотрел на Эцура и видел, что в нем что-то изменилось.

Рога.

Ему отломали рога.

Вместо них — зазубренные обломки.

Эцура приволокли поближе к камину. За ним тащился багряный след. Раны на животе, с правого бока виднелись ребра. Будто стесали шкуру. У Ярдара зашевелились волосы на затылке. Во-первых, что с ним делали? Эцур был очень сильным и казался непобедимым, по крайней мере обычному человеку одолеть его точно было не под силу. Во-вторых, что станет с ними, если Эцур умрет?

— Он не один, — прохрипел Эцур, закашлялся и сплюнул на дубовые доски пола сгусток крови.

Ида побледнела. Плохо дело. Тут же села у головы Эцура и положила ее себе на колени.

— Сейчас будет немного больно, потерпи, пожалуйста, — Ида склонилась над ним, ласково поглаживая окровавленную морду.

Эцур снова закашлялся и попытался высвободиться из ее рук.

— Нет, — произнес он из последних сил. — Не трать силы, ко мне ты всегда сможешь вернуться потом.

— Эцур! — закричала Ида так, что у Ярдара заложило уши.

Эцур с печалью посмотрел на нее.

Дернулся и затих.

3

Ярдар осел на пол, в ужасе прижимая руки ко рту и наблюдая, как Ида застыла, непонимающе разглядывая бездыханное тело. Тяжелая голова еще покоилась на ее коленях. Фугул подсел к ней, проворно отодвинул женщину от Эцура, скомандовал Ярдару сомкнуть погасшие глаза зверя и принести одеяло из шкафа в спальне, чтобы накрыть тело. Иду затрясло. Глаза потемнели, она кое-как высвободилась из захвата Фугула, подползла к Эцуру и проорала:

— Не смей так поступать!

Пальцы ее вытягивались, глаза темнели. Она легла рядом со зверем и обняла его, прильнув к нему всем своим телом. Ярдар видел как заостряются зубы, под подолом платья зашевелился хвост. Ноги превращались в длинные, массивные лапы. Платье на спине растрескалось, словно у женщины рос огромный горб, но каково же было изумление Ярдара, когда он увидел прорезавшиеся перепончатые крылья.

Ида что-то шептала, но шепот перестал походить на человеческий. Теперь это был шелест осенних листьев, гонимых ветром, скрежет ржавых дверных петель, вой моря, разбивающегося о скалы.

— Ида, — Ярдар почувствовал, что по щекам катились слезы.

Юноша оглянулся на Фугула, который старался не смотреть на происходящее. Он поджал губы, и вперил взгляд в пол.

Свечи потухли, комната погрузилась во мрак.

Перед глазами Иды в хаотичном порядке мелькали картинки.

Глаза Эцура, щенка, которого он ей подарил.

Вересковый луг, воды теплого моря.

Собственное отражение в зеркале. Из рта тянулась тонкая струйка черного дыма.

Подросший пес бежал к ней через пшеничное поле.

Эцур — человек.

Улыбался Иде, гладил коня по шее. Вокруг лес, журчал ручей. Солнечные лучи пробивались сквозь золотые и красные листья на деревьях. В седле — мальчик лет пяти с золотыми глазами и каштановыми кудрями, все лицо в веснушках. Он заливисто смеялся.

Виски Эцура тронуты легкой сединой, в бороде тоже пара серебряных волосков. Мальчик в седле протянул к нему крохотные ручки и Эцур подхватил его. Ребенок обнял мужчину за шею, захохотал, поцеловал его в бороду, снова расхохотался.

Щекотно.

Румяные щечки как наливные яблоки, зубки как жемчужинки.

Эцур перевел взгляд на Иду.

Теплый летний ветер вплетался в волосы, играл с шелковым сарафаном, в руках плетеная корзина полная душистых ягод. Трава приятно щекотала босые ноги. За лугом сверкало на солнце синее озеро. Возле озера — деревянный домик. Рядом с домом бегали дети, а на траве сидел Эцур.

Пес заливался лаем.

Эцур по-прежнему человек.

Ида ускорила шаг.

Мальчику лет десять. Девочке около пяти. У обоих золотые глаза, кудрявые каштановые волосы и лица усыпаны веснушками. Пес, игравший с Эцуром, кинулся вдогонку за детьми. Те радостно завизжали.

Эцур заметил Иду и счастливо улыбнулся, помахал рукой. Она подошла, села с ним рядом. Дети с воплями кинулись ей на шею, побежали обратно к псу. Эцур сладко поцеловал

Иду, проведя рукой по ее волосам, коснувшись плеча. В уголках его глаз залегли морщинки, седых волос на висках и в бороде уже больше. Ида посмотрела в его глаза.

— Не умирай, пожалуйста, — шептала она.

Эцур погрузился и исчез.

Спустя мгновение вместо человека появился зверь-исполин.

Дома нет, дети и пес исчезли.

Ида огляделась. Они сидели на выжженной земле, вокруг догорали дома. Секунду спустя увидела свой родной дом. Во дворе мама развешивала белье, отец рубил дрова. Ничто не тронато огнем. По улице вниз бежала ребятня, вместе с ними — несколько собак. Громкий, звонкий лай доносился до самых небес. Ида встала, взглянула на маму. Ида снова маленькая, у нее тугие косы и на ней запачканное красками платьице.

Ида сидела в бочке и ее достали.

Эцур.

Вокруг огонь.

— Унеси меня отсюда, — прошептала Ида, видя страшную, жуткую морду, глядя в огромные глаза-луны, но мягкие руки осторожно обняли, и чудовище унесло ее прочь из погребя.

Всех сожгли.

Мать передала ей паразита, гакрукса, мерзкую гадину, поселившуюся у самого сердца, пустившую корни в позвоночнике, проросшую в голову. Часть гакрукса осталась у матери внутри, напоминая, что она — дочь хексы ковена Слепых птиц. Гакрукс хотел жить и питаться, он подавлял страшное наследственное заболевание и хотел платы, иначе бы женщины среди хекс погибали точно так же, как и мужчины.

Мать съела самого младшего. Детей должно было быть четверо, а стало трое.

Ида научилась держать гакрукса в узде и использовать для помощи другим.

Ведь кто просит о помощи, непременно ее получит.

Ида стояла в темноте. Она видела, как Эцур уходил. Он ссутулился и ковылял.

— Что ты увидел? — выкрикнула Ида.

Эцур обернулся, печально посмотрел на нее.

— Они поймали молодую девчонку. Хекса просто собирала хворост в лесной чаще. Тот, который пришел с наместником, велел ее растерзать, он вытащил бы гакрукса и отдал наместнику. Девчонка умерла в мучениях, а паразит не поддавался, погиб вместе с ней, я не смог ее спасти, но смог ранить наместника. Тогда они пришли к твоему порогу.

Ему больно.

— Они сами убивали детей, потому что дети были рождены от хекс. Они искали гакруксов.

Нет рогов, их обломали.

Ида побежала за ним следом и обхватила сзади.

— Не умирай, пожалуйста, — попросила она.

Эцур повернулся. Его лукавые глаза почти потухли. Тонкие руки Иды превратились в отвратительные лапы, шея удлинилась, на спине прорезались плотно сложенные крылья. Ноги раздалились в размерах, и не ноги это больше. Лицо Иды из человеческого стало подобием маски, отлитой из воска, с черными прогалинами на месте рта и глаз, носа и вовсе нет. Красивые зубки — острыми костяными иглами, а вместо голоса хрип и свист, будто ветер выл, залетая в печную трубу.

— Ты спасал мою жизнь сотни раз, — прошелестела Ида, — но зачем она мне, если не смогу тебя увидеть?

Увидела человеческое лицо Эцура, венчающее тело зверя, неловко поцеловала в губы и открыла глаза.

Ярдар, наблюдая за Идой и Эцуром, увидев, что женщина пошевелилась, чуть не закричал от радости. Он не знал, сколько времени прошло, но у него было ощущение, будто минуло несколько дней, а то и больше. Следом за Идой пришел в себя Эцур. Сначала захрипел, потом громко закашлялся, заворочался. Фугул бросился к ним, а Ярдар, чувствуя, как сильно затекли у него ноги, смог только поползти. Ида постепенно возвращалась к своему человеческому облику. Ярдар отнял ее руки от Эцура, приподнял женщину. У нее из носа шла кровь.

— Вы живы, — едва слышно пролепетал Ярдар, расцеловал Иду в обе щеки.

Раны Эцура затянулись, только на месте рогов так и остались обломки.

После того как зверь отмылся от собственной крови, он закутался поплотнее в теплое покрывало, любезно предоставленное Фугулом. Уселся возле камина и с благодарностью принял от хозяина кружку крепленой настойки, начал рассказывать про то, что с ним произошло.

— Кто помогает эрстеру? — Ида сидела на полу, тоже закутанная в покрывало.

Она курила, выпросив у Фугула его трубку и табак. Эцур недовольно смотрел на то, как женщина выпускала ртом густой дым, но не смел и слова против сказать. Во-первых, Ида только что его спасла. Во-вторых, как спасла, так и убьет.

— Мой старый знакомый, — Эцур усмехнулся, сделав глоток из кружки. Ида чуть улыбнулась.

— Знакомый? Я думала, ты их всех сожрал.

Ярдар нервно посмеялся, но оскал Эцура заставил его замолчать.

— Я тебе говорил как я стал вот этим, — он с некой толикой брезгливости указал на свое тело. Ида затянулась.

— Да ладно, я думал, что это всего лишь байка, — Фугула это тоже позабавило.

— Собственно, ошибся ты, — Эцур поправил покрывало. — Основная часть этой истории рассказывалась следующим образом: я что-то украл у даирнай, он обозлился, сотворил из меня нечто непонятное да и отправил гулять по всем мирам. Так?

Фугул и Ида синхронно кивнули.

— А вот и нет, — победоносно вскинув голову изрек Эцур. Но затем добавил:

— Ну, частично-то так все и было, — зверь почесал за правым ухом. — Только ничего я не крал, а лишь полюбил женщину, на которую мой знакомый имел планы. Им был Мар, так уж вышло.

Ида ахнула.

— Мар?

— Ну, я замечал за ним странности, но чтобы прямо так, сразу, распознать в нем Ночь Во Плоти, у меня не вышло. Я был человеком, не забывай, и у меня не имелось никаких выдающихся способностей.

Эцур повертел в руках кружку. Ярдару почему-то показалось, что насчет отсутствия выдающихся способностей Эцур немного приврал.

— Женщина пришла ко мне, хотела разделить со мной постель. Я боялся разгневать Мара, поэтому несмотря на свои чувства, отверг ее. Правда, она сильно обиделась, взяла да и поведала Мару, что я, дескать, пожелал ее возлюбить, не имея на то согласия. Собственно, вот поэтому вы и видите меня таким сейчас.

Ярдар покачал головой.

— У меня много вопросов, — Ида резко побледнела. — И первый: почему я об этом всем узнаю только сейчас?

Эцур беспомощно посмотрел на Ярдара и Фугула.

— На данный момент это не самое главное. Вам нужно спрятаться, чтобы хотя бы оттянуть время, — протянул Фугул. — Иначе из тебя, Ида, вытащат все необходимое, а ты, Эцур...

Фугул замялся.

— Тебя просто растерзают.

— Не самый плохой вариант развития событий, если говорить откровенно, — Эцур оскалился. — Только вас с Ярдаром тоже в расход пустят, навряд ли они будут с вами цацкаться.

Ярдар заерзал на месте, закусил нижнюю губу. А если попробовать уговорить Иду и Эцура сбежать к морю, пересечь его, обзавестись жильем и спокойно жить? Без Эцура он точно никуда не сунется. Тот, в маске, в доме у эрстера, одним своим присутствием ясно давал понять, что до скончания времен торчать юнцу в святилище.

— А если наместник найдет нас тут? — робко спросил Ярдар.

Фугул обнадеживающе похлопал его по плечу.

— Об этом можешь не волноваться. Мало кто вообще может себе вообразить искать вас здесь.

Эцур отвел глаза. Те, кто умел ходить в полусвете, нашли бы его и среди мертвых. Ида же нашла.

Было решено для начала поспать, а утром двинуться вглубь леса и уже через него добраться до морского берега. Ярдар нервничал, хотел сказать, что лучше бежать еще дальше, на побережье негде спрятаться.

Ида заняла спаленку, остальные устроились на полу возле камина.

Лежа на спине, глядя на отсветы огня, блуждающие по потолку, Ярдар спросил:

— А что стало с той женщиной, которая так приглянулась тебе и Мару?

Зверь кряхтел, укладываясь поудобнее.

— Я убил ее, — ответил он.

Ярдар приподнялся на локтях.

— Чего? — изумленно хлопая глазами, переспросил он.

— Убил я ее, глухой что ли, — проворчал Эцур, словно шла речь о чем-то настолько приземленном, вроде вылазки на ярмарку или прогулки в саду.

— Зачем? — подал голос Фугул.

— Я плохо контролирую гнев, а она меня очень разозлила, — Эцур никак не мог устроиться.

Ярдар с непониманием таращился на него.

— Да шучу. Вылупился он, глаза сейчас выпадут, — оскалился зверь. — Не знаю что с ней стало. Меня больше волновало, что на башке выросли рога, а не из самого удобного места торчал хвост.

Фугул рассмеялся. Ярдар улегся обратно.

— А зачем сказал, что убил?

— Посмотреть на твою рожу захотелось. Спи давай.

Ярдар буркнул в ответ что-то нечленораздельное и отвернулся. Фугул вскоре засопел, да и юноша быстро заснул. Эцур же осторожно выполз из-под своего покрывала, юркнул в спальню, где в кровати ворочалась Ида. Она тут же притворилась спящей. Эцур улегся на пол возле постели, свернулся клубком, как делают домашние коты, и задремал.

Открытая дверь в кухню, намотанный ремень на дверной ручке. Посиневшее лицо матери и крик отца, появившегося из-за спины Эцура. Он вытащил маму из петли, присел на пол, обнимая бездыханное тело. Мать открыла белые глаза без зрачков и посмотрела на сына.

Эцур завозился и проснулся.

Обычно сны снились ему редко, но если и снились, то непременно про родителей. Отец утопился через год, как мама повесилась. Эцур так и не узнал, почему мать решила оставить их. Разные мысли приходили в голову, даже думалось, что кто-то прокрался и убил ее. Самое странное — блуждая в полусвете, где бродили неприкаянные души, где можно услы-

шать мольбы о помощи живых, увидеть даирнай, хекс и чудовищ, он никогда не видел своих родителей.

Эцур надеялся, что не видел родителей потому, что они снова живы и счастливы. Ему хотелось бы хоть одним глазком посмотреть на них. Кто знает, сколько тел они сменили за то время, пока он скитался в облике зверя. Не было и шанса на то, что помнили его, однако в глубине души надеялся: они хотя бы немного походили на себя прежних. Эцур почему-то был уверен, что у мамы длинные, тёмно-каштановые волосы, лицо все так же усыпано мелкими веснушками. Улыбка не поменялась, как и остались неизменными глаза — большие, карие, с длинными пушистыми ресницами. И отец мало изменился. Веселый выдумщик, с лукавыми голубыми глазами и гривой золотых волос. Почему-то Эцур думал, что они снова нашли друг друга, влюбились, обменялись клятвами и у них родились дети. Появилась собака. Жили где-нибудь в маленькой деревушке. Жили в радости. А когда умирали, то возвращались вновь.

Эцур приподнялся на локте.

В темноте он прекрасно видел спящую Иду. Она дышала глубоко, спокойно, лежа на правом боку, обняв руками подушку. Одеяло сползло на пол и Эцур осторожно поднял его, укрыв Иду. Так он укрывал ее много лет подряд, с того дня как нашел и привел в дом старого Бьярни. Старик гнал зверя прочь, хотя в общем-то, они были приятелями. Говорил, что девочка боялась его.

Но Ида не боялась.

Никогда.

Эцур встал с пола, приоткрыл дверь спальни, пробрался мимо спящих Ярдара и Фугула к лестнице. Фугул храпел, как десяток грузных мужчин. Эцур замешкался. Ему совсем не хотелось подвергать опасности старого приятеля, бывшего пастуха, у которого он сначала воровал табак. И которого затем отбил у волка, больного бешенством. Ида помогла ему выжить, правда, шрамы на лице служили напоминанием о той ужасной ночи. Эцур поднялся на поверхность.

Полнолуние. Плохо сидеть в погребке, потеряли день. Лес залило серебряным лунным светом. Эцур заметил, что возле хижины кто-то стоял, скрываясь в тени дерева.

— Чего надобно? — прорычал зверь.

— Я безоружен, — ответил ему гулкий голос Бреннара. — Пришел предупредить.

Эцур напрягся.

— Давно тут ждешь?

— Не сказал бы, дольше искал хижину. Понимаю, что оставил весьма неприятное впечатление и прошу прощения за рога, — Бреннар предусмотрительно сделал шаг назад, когда увидел, что зверь оскалился. — Но если бы я этого не сделал, то...

— Забудь, — прогрохотал Эцур. — О чем предупреждать явился?

— Наместник и его гость, — Бреннар поморщился, — скоро появятся здесь. Вооружены, но не сказал бы, что с ними много людей. Гость наместника весьма могущественная личность, и потому они налегке.

— Раз налегке, то справиться не проблема, — Эцур скрестил руки на груди и оперся боком на покосившуюся стену хижины.

— Я бы не был так уверен, — Бреннар поправил меховой воротник плаща и его глаза недобро сверкнули. Эцур недовольно цокнул языком.

— Тебе-то какая разница?

— В последнее время действия наместника не слишком благоразумны. Он вздумал потягаться силой с эрстером Барбароя и поэтому пытался вытащить из хекс паразитов, — Бреннар вздернул кверху подбородок. — Некоторые из его действий затронули меня и мою семью, из-за чего мы вынуждены покинуть удел. Его действия мне не по вкусу настолько, что я буду счастлив увидеть Ивара мертвым.

Эцур усмехнулся. Губы Бреннара растянулись в плотоядной улыбке.

— Вы мне не нравитесь, однако будь у меня выбор, я бы сражался не против вас, а за, — мужчина смотрел в небо. — К следующему закату они будут здесь, или даже раньше. Если есть хоть какая-то возможность — бегите прочь, если нет — надеюсь, что вы останетесь живы.

Он вежливо кивнул Эцуру и хотел уже уйти, но зверь, недоверчиво глядя на него, протянул:

— За что наместник невзлюбил тебя?

Бреннар поджал нижнюю губу, помолчал, а потом ответил:

— Он утром обвинил меня в том, что это я чудовище, пожирающее детей, прилюдно унизил мою жену, обвинив в насланном проклятии. Ивар словно сходит с ума.

Эцур потер подбородок.

— С ума сходит, говоришь?

Бреннар кивнул.

— Быстро. Буквально за день.

Эцур залиvistо загоготал.

Зверь шмыгнул обратно в погреб Фугула просочился в спальню, где спала Ида, и аккуратно растормошил ее.

— Чего тебе? — недовольно пробормотала женщина, сонно потирая глаза.

Во мраке комнаты глаза-луны Эцура казались еще больше и страшнее. Он в мгновение ока надел на палец кольцо. Лица Иды коснулись аккуратные человеческие руки. Эцур потянулся к ней и поцеловал в губы.

— Ты что! — остатки сна слетели с Иды в мгновение ока, она отодвинулась от Эцура и смущенно приложила ладонь к губам.

— Молодой наместник тронулся рассудком, — радостно прогрохотал Эцур, — после того, как ты подлатала его раны.

Ида с непониманием уставилась на мужчину. Он приблизился к ней снова, убрал ото рта ладонь, взял ее в свои руки и мягко сжал.

— Нам даже не нужно никуда убегать, — Эцур ласково разглядывал изящную женскую руку, он прекрасно видел в темноте. — Мы можем все обернуть себе на пользу.

Ида вспомнила как Эцур вышел из темноты угла, когда она сидела над умирающим Иваром.

— Почему он сошел с ума и почему ты так этому радуешься?

Эцур улыбался.

— Не молчи, расскажи все как есть, — поторопила его Ида.

Мужчина отпустил ее руку.

— Гакрукс отравил его кровь.

— Что с того?

— Паразит, скорее всего, не может прижиться в обычном человеке. А если перекочет в смертное тело полностью, то сотворит из него нечто ужасное.

Ида нахмурилась.

— Остатки паразита свели мою мать с ума и она сожрала младшего ребенка, но моя мать была хексой, не смертной женщиной.

— Если мое предположение верное, то остатки пытались восполнить удобную для себя форму существования и отрастить утраченное тело. Так и с наместником. Часть паразита отравила ему кровь и захочет полностью восстановиться.

Эцур придвинулся.

— Отдай ему гакрукса целиком.

Иде стало немного не по себе.

— Как сделать так, чтобы Ивар забрал паразита?

Эцур оскалился.

— Думаю, что при множестве ран и при лечении, гакрукс переползет в его тело и захочет слиться с той частью, которая уже сидит внутри.

Эцур прилег рядом с Идой, осторожно приобнял ее за плечи и уткнулся носом в темные волосы.

— Ярдар... — начал было он, но наверху кто-то завыл.

Ида изумленно посмотрела на Эцура. Они вскочили с кровати, выбежали из комнаты. Фугул и Ярдар тоже проснулись и недоуменно переглядывались.

— Спокойно! — прогрохотал Эцур. — Паника ослепляет.

Зверь рассерженно взмахнул хвостом, велел приготовиться к худшему и быть осторожными.

— Не лезьте на рожон, — свирепо глядя исподлобья на испуганное лицо Фугула, командовал он. — Держитесь меня и ни в коем случае не смейте подвергать себя опасности. Вам нечего бояться, пока я жив.

Последние слова он отчеканил тоном, не терпящим пререканий.

— Сначала нужно отвлечь внимание Мара, я этим займусь. Ида, если есть возможность оттащи Ивара от его прислужников. Когда вы будете далеко от его людей, позови меня. Ярдар!

Юноша внимательно смотрел на Эцура.

— Мне бы не помешала помощь тебя настоящего.

— Ч-что? — заикаясь произнес Ярдар, стремительно заливаясь краской.

— Я говорил, что разглядел тебя, неужели ты считаешь правильным скрываться и дальше, если есть возможность подсобить? — оскалился Эцур.

Ярдар закусил нижнюю губу. Ида непонимающе смотрела то на него, то на Эцура.

— Э-это плохая затея, — проблеял парнишка, сжимаясь и съеживаясь.

Эцур стиснул зубы. Ярдар же лихорадочно думал как поступить. Если он сделает так, то придется обнажить перед самим собой то, что упорно прятал внутри. Стало стыдно, что он так и не удосужился открыться Иде, которая сейчас смотрела на него с недоверием.

— Хотя бы потяни время, — Эцур хлопнул его по плечу. Ярдар согласно кивнул, не смея поднять глаз на зверя. — Идемте.

Эцур первым поднялся из погребца и его взору предстал полыхающий лес. Возле хижины стоял Ивар. Наместника трясло, он был бледен и по лицу градом катил пот, будто бы его лихорадило. Позади наместника находились всадники. Ивар действительно привел с собой не очень много людей. Наверняка уповал на всесильного гостя.

Чуть поодаль, с довольным лицом глядя на марево огня, стоял высокий мужчина с длинными черными волосами, собранными в тугую косу. Голубые глаза полыхали как подставленные солнцу сапфиры. Он улыбнулся, увидев Эцура. На точеных плечах покоился черный меховой воротник плаща, однако в тепле гость абсолютно не нуждался.

— Милости прошу к моему костру, — он развел руки в стороны.

У Иды затрещали кости — гакрукс оживился. Женщина чувствовала, как раздавалась в размерах спина, чтобы дать волю крыльям. Она бессильно рухнула на четвереньки, негромко вскрикнув. Эцур оглянулся на нее, и тут же перевел взгляд на Мара.

Не успел зверь сказать и слова, как из груди Иды вырвался утробный рык. Глаза застилало черной пеленой. Платье треснуло по швам на спине, и перепончатые крылья прорвались наружу.

Не тратя ни минуты на попытку поговорить, Эцур бросился к наместнику и спустя мгновение Ивар бешено заорал — он лишился рук и ног, а на лице появилась страшная рана от когтей Эцура. Оторванные конечности повалились на снег, заливая его красным, что заставило прислужников наместника сморщиться. На их лицах читалось недоумение и отвращение.

Следом послышался плеск: кто-то опорожнил содержимое своего желудка. Некоторые из них развернули лошадей и поскакали прочь, наплевав на то, что было им приказано.

Мар скинул плащ и бросился на Эцура. Зверь оскалился, попробовал увернуться, но не вышло — белые руки намертво вцепились в его глотку. Фугул, онемев, все глядел на огонь, не в силах пошевелиться. Эцур полз по снегу, задыхаясь от хватки Мара и таща его на себе, подальше от Иды и остальных.

— Ярдар, сейчас! — успел выкрикнуть Эцур, прежде чем Мар ухватил его за пасть, чтобы разорвать ее.

Фугул бросился на помощь зверю, наконец, выйдя из оцепенения и рассвирепев. Ярдар встrepенулся и вытащил из кармана неприглядный глиняный шарик.

Ида, вспомнив слова Эцура, ринулась к наместнику. Ивар, увидев, что она хотела приблизиться к нему, взвыл.

— Уйди, не трожь меня!

— Я хочу всего лишь тебя вылечить, — голос Иды изменился.

Нужно действовать быстрее. В воспаленном мозгу наместника виделись лишь объятый огнем лес и кошмарные, скрюченные силуэты, которые подбирались все ближе и ближе. Он хныкал, как маленький мальчик, слезы смешивались с кровью на его лице.

— Я не виноват, правда! — уже плакал навзрыд Ивар. — Уйди от меня, не тронь!

Ида обхватила руками Ивара и закрыла глаза. Время замедлилось.

Из женщины утекали силы, тогда как наместник оживал на глазах: сначала выросли руки, затем появились ноги. У Иды из носа хлынула кровь, и отвалились крылья на спине. Ее трясло, но она не отнимала ладоней от тела Ивара. Когда заросла рана на лице, наместник взвыл: новые конечности со страшной скоростью удлинялись, вытягивались и ноги. Пальцы рук скрючились и потемнели, словно это были обугленные ветки. Лицо Ивара исказилось — симпатичные черты заострились, глаза провалились внутрь черепа, вместо них остались две черных зияющих дыры.

Клацнули острые зубы.

Ида повалилась на снег, тяжело дыша и из последних сил вытирая кровь, рекой текущую по губам. С трудом повернулась так, чтобы было видно что происходило с Эцуrom и Маром.

Фугул лежал с разорванным горлом.

— Фугул, — выдавила из себя Ида.

Она спасла его от волчьего бешенства и теперь он словно снова подвергся нападению животного.

Вокруг него растекалось алое пятно.

Эцур откатился в сторону, Мар что-то крикнул, но из-за шума в ушах, Ида с трудом слышала его. Ярдар отполз к хижине, попытавшись спрятаться. Люди Ивара спешили, замерли, не понимая что происходит и смотрели, как их наместник, утративший свою человеческий облик, медленно поднимался на ноги, делая это неуклюже, как новорождённый жеребенок.

Ивар выпрямился. Теперь он видел все очень хорошо.

Сделал шаг по направлению к прислужникам.

Еще.

И еще.

А потом набросился на того, что стоял ближе всех к нему, повалил его на снег и оторвал голову.

Ида попыталась встать на четвереньки и двинуться к Ярдару. Она была такой слабой и беспомощной, что тут же упала обратно.

Прислужники, наконец, опомнились. Кто-то выхватил оружие и с криком кинулись к Ивару. Некоторые бросились врассыпную, другие остались на своих местах, с обнаженными

мечами, приняв оборонительную позицию. Ивар подскочил к ним, чтобы сотворить то же самое, что и с их павшим товарищем.

Ида смотрела на Эцура. Он ползал по снегу, кашля кровью и хрипя. Видела, что он держался за грудину.

— Ярдар, — слабо произнесла она, — помоги ему.

Юноша трясся от страха. Он не слышал слов женщины.

— Ярдар! — изо всех сил закричала Ида. — Помоги ему!

Ярдар спрятал лицо в ладони.

Мар подступал к Эцуру. Он и так почти добрался до сердца, осталось дело за малым. Надо было убить его еще тогда, в то утро. Несносную девку можно и на потом оставить. Юнец и вовсе не помеха. Он не видел в нем абсолютно никакой угрозы.

На крик Иды обернулся Ивар. Облизал свои пальцы и пошагал к женщине.

— Эцур, не смей умирать! — успела выкрикнуть Ида, прежде чем ее голова покатилась к ногам Ярдара.

Рев Эцура, наверное, можно было услышать за многие мили от леса.

Он в мгновение ока вскочил на ноги и бросился было к обезглавленной женской фигурке. Черные волосы, разметавшиеся по снегу, поблескивали в свете огня. На уставшем лице застыло выражение легкого испуга и изумления.

На пути зверя встал Мар, отшвырнул обратно.

Ивар издал странный клекот, наверное, это был смех. Снова вернулся к прислужникам, чьи ряды изрядно поредели после увиденного.

Ярдар слышал как кричал и иступленно рыдал Эцур. Мар не давал ему подступиться к остывающему телу Иды, и с каждым ударом, что наносил Мар, крики зверя становились все тише.

Ярдар вытащил из кармана глиняный шарик, раскрошил его, не отрываясь глядя широко распахнутые глаза Иды. На ладони лежала красная жемчужина. Если потеряет ее, то пиши пропало. Юноша осторожно разомкнул губы Иды, вложил в ее рот жемчужину и распрямился.

Одежда полопалась по швам и упала на землю.

То, что стояло на месте, где еще мгновение назад был Ярдар, задрало голову к небу и потянулось. От непривычки и сразу навалившегося веса, явно превосходящего вес хрупкого юнца, существо поначалу не могло похвастаться скоростью. Но буквально через несколько секунд, тело наполнилось силой и прытью, почувствовало прилив сил.

Мар, продолжая кромсать Эцура, совершенно не ожидал удара со спины. Да еще такого сильного. Он пошатнулся, пытаясь удержать равновесие, но второй удар свалил его.

Перевернувшись на спину, Мар увидел три полыхающих янтарных глаза на омерзительной звериной морде, отдаленно напоминающей лисью. Из приоткрытой смердящей пасти торчали длинные клыки. Зверь скалился. Заостренные уши прижаты к голове. Мощный хвост раскачивался из стороны в сторону.

Зверь замахнулся для следующего удара, но Мар увернулся.

— Кто ты?! — выкрикнул он, совершенно не понимая, как он не увидел монстра в теле мальчишки.

Существо завывало. Эцур сначала ошалело смотрел на помощника, а затем хрипло расхохотался, отхаркивая кровь. Зверь, прятаящийся в теле Ярдара, выглядел совершенно иначе, чем представлял Эцур. Он-то ожидал увидеть какого-то дохлого перевертыша, а тут такую неожиданность преподнесли!

— Какой же ты! — гоготнул Эцур, с удовольствием наблюдая за тем, как вытянулось лицо Мара.

Ивар не интересовал его сейчас и уж тем более мало заботило что бывший наместник творил со своими прислужниками. Стойких осталось не так много. Те, кто еще сражался, только подначивали Ивара. Он распалялся, и не уставал. Эцур грустно посмотрел на слепо уставившегося в небо Фугула. Перевел взгляд на беззащитное тельце Иды и ее голову.

Ярдар ощерился. Повернулся к Мару, кинулся к нему с ревом. Мар выставил вперед почерневшую руку, полоснул зверя по горлу. Кровь выплеснулась на снег. Ярдар повалился на землю.

Мар рассыпался черным песком, а потом возник возле Ивара, ухватил его за шею, начертил на снегу квадрат, где возникло зеркало. Сначала толкнул туда Ивара, а затем и сам исчез.

Ярдар кое-как встал, прижимая правую лапу к ране. Доковылял до Эцура, помог ему подняться. Затем побрел к телу Иды. Аккуратно подтащил туловище к голове, сомкнул веки Иде. Эцур в свою очередь принес Фугула, положил рядом с женщиной. Тоже сомкнул ему веки. С тоской посмотрел на горящие деревья. Закрыв глаза и тяжело вздохнул.

Когда они перешагнули порог дома Иды, у Эцура защемило сердце. Они уложили тело Иды на кровать в ее спальне, накрыли простыней. Тело Фугула сожгли еще в лесу, под раскидистым дубом.

— Пойдем на кухню, у нее где-то припрятан эль, — нахмурившись, Эцур смотрел на белое лицо Иды.

Ярдар стоял позади него, понурился головой. Рана на шее затянулась, но в горле першило. Он корил себя за то, что не сделал ничего раньше, а лишь трясся от страха. Почему? Боялся показаться таким, какой есть? Так вот теперь лежала перед ним расплата за нерешительность.

Все-таки как сильно влияла человеческая оболочка и окружение. Отец дал жемчужину на случай, если придется застать нехорошие времена, и наказал жрецам следить за юнцом. Отец говорил, что с ее помощью можно переждать бурю, особенно, когда грядет перерождение и силы на исходе, отдал ее жрецам. Но как-то так получилось, что комфортнее всего оказалось в человеческом облике.

Разговоры. Вот что нравилось ему больше всего. Будучи зверем Ярдар пугал всех. Да и кто бы стал с ним беседы вести, глядя в янтарные глаза и на смердящую пасть. А выйдя к прихожанам в облике худого светловолосого парнишки, Ярдар мог безбоязненно общаться с кем угодно. Жрецы его сторонились, он их пугал и раздражал.

Ярдар часто сбегал из святилища. Шел к деревьям, вел разговоры с местными жителями, но его всегда возвращали обратно. Не удалось только в последний раз, когда Ярдар совсем распоясался, не желая слушать нудные проповеди. За время общения с прихожанами, он насмотрелся на человеческое поведение, что помогло сойти за одного из рода человеческого. Он выкрал жемчужину и приготовился убежать. На его беду в тот вечер в святилище заглянули барбаройцы, которые попросили крова у жрецов в непогоду. Терпеть Ярдар больше не стал, потому обложил глиной жемчужину, сунул в карман и улизнул из своей каморки, заодно прихватил самоцветы, пока жрецы старались угодить гостям.

Когда обнаружилась пропажа, верховный жрец рассвирепел окончательно и попросил барбаройцев вернуть мальчишку, а в качестве награды позволил оставить себе жемчужину и камни. Ярдара разрешили убить, его отец давно не отвечал на мольбы прихожан. Сгинул во тьме, как и все остальные.

Они оставили Иду, пошли на кухню. Пошарив по шкафчикам, Эцур нашел бутылку эля и банку с заживляющей мазью. Обильно смазав раны, наплевав на то, что не промыл их, зверь откупорил бутылку. Ярдар так и остался стоять перед столом. Эцур поставил перед ним кружку, плеснул туда напиток, а сам начал пить из залпом горлышка. Он впервые находился на кухне без кольца, но он бы отдал все, что у него есть и будет, чтобы услышать недовольное ворчание Иды. Вот прямо сейчас.

— Как мне теперь тебя называть? — спросил Эцур, наблюдая как Ярдар с поникшим видом придвинул к себе кружку.

Тот пожал плечами, попытался ответить, но не вышло. Ярдар в ужасе воззрился на Эцура, снова ухватившись за шею.

— Как раньше называл? Это твое настоящее имя?

Ярдар кивнул.

— Никогда бы не подумал, что ты настолько страшный, — хмыкнул Эцур. — Зачем ты прятался и почему Мар не увидел?

— На себя посмотри. Не видел, потому что не может. Вор я, потому прятался, — прохрипел Ярдар с трудом произнося слова и понурил голову. Что-то не так.

Эцур цокнул языком.

— Вор, значит.

Парнишка исподлобья посмотрел на Эцура.

— И обманщик еще.

Ярдар согласно кивнул.

— Почему сам не поубивал тех, кто тебя преследовал в лесу?

Юноша нервно дернул плечом.

— Не хочу быть зверем, — выдавил из себя он, закашлялся.

Повисло гнетущее молчание. Эцур сверлил Ярдара глазами.

— Тебе не нужен никакой предмет, чтобы менять облик, верно?

— Да, как и остальным ануирам. Мы рождены зверями, но можем принимать облик человека.

Голос Ярдара ослабел, отчего тому стало еще хуже, чем было до этого.

— А меня, кажется, сотворили по твоему подобию, — протянул Эцур. — Ведь твой отец, если я не ошибаюсь, родной брат моего создателя.

— Да, — глухо отозвался Ярдар, попытался что-то еще сказать, но голос пропал.

Снова воцарилась тишина. Эцур поморщился — мазь щипала раны. Он отпил еще эля.

— Мне нужно найти того, кто умеет скакать во времени.

Ярдар вопросительно взглянул на зверя.

— Не получится существовать дальше, — горько молвил Эцур. — Она лежит там, мертвая. Мне ее хоронить, укладывать в холодную землю. Ида не любит холод. Я ей носки связал, чтобы у нее ноги не мерзли.

Эцур понурил голову, чувствуя, как сердце бешено заколотилось в груди.

— Зачем тебе в другое время? Хочешь избежать превращения? — просипел Ярдар.

Эцур помотал головой.

— В человеческом теле не доживу до того момента, когда появится Ида.

Эцур усмехнулся.

— Мы оба воры. Но ты хотя бы обокрал того, кто этого заслуживает.

ЭПИЛОГ

Эцур крадучись шел по снежному лесу. Косые лучи зимнего солнца пытались ласково обнять голые и скрюченные деревья. Зверь уже издали заметил ссутуленную фигуру.

Мужчина лет пятидесяти. Одет хорошо, опрятно, в руках держал фотокамеру. За полгода скитания в чужом ему времени, Эцур уже выучил что есть что для обитателей.

На голове у мужчины фетровая шляпа, скрывающая волосы с сединой, на шею намотан объемный шарф. Если Эцур не ошибся и это тот, кто ему действительно нужен, то ближе к шоссе у человека припаркован автомобиль и ношу, полученную от Эцура, довести до дома не составит труда. Эцур вздохнул с облегчением.

В свертке в руках Эцура кто-то копошился. Из-под детского одеялка высунулся длинный, тонкий хвост. Зверь аккуратно спрятал хвост и в шутливой форме велел свертку ничего не высовывать — зима все-таки.

Зверь постепенно приблизился к мужчине с фотокамерой.

— Раз ты пришел, то у меня все получилось. Отрадно видеть тебя в добром здравии, — заодно произносит Эцур.

Человек улыбнулся, подошел, обнял и похлопал Эцура по плечу. Эцур внимательно посмотрел в лицо мужчины — шрамы от ожогов на месте, но он жив.

— Рад видеть тебя, мой друг, — сказал Фугул. — Что тут у нас?

Он протянул руки к свертку и тонкие когтистые лапки, показавшиеся из-под одеяла, моментально обхватили его палец.

— Присмотри за ним, пока меня не будет, — Эцур передал сверток, откуда на него вопросительно таращились три огромных янтарных глаза на вытянутой мордочке, подобной лисьей. — У вас не получилось познакомиться как следует. Как ты поживаешь?

— Чудесно, — мужчина непроизвольно начал качать сверток на руках, как качал своих детей когда-то. — Что мне сказать супруге, если она увидит этого прохвоста?

— Соври про капкан. Мол, так и так, нашел звереныша, — Эцур пошарил в карманах своего балахона. — Благо, наш приятель похож на лиса. Вот еще что.

Он протянул мужчине красную жемчужину.

— Отдашь ему, когда уму-разуму наберется.

— Как мне его называть?

— Ярдар. Он скоро подрастет и заговорит. Только говорить будет плохо, глотку ему разорвали, я кое-как починил перевертышем из полусвета, — Эцур усмехнулся. — Как обустроился в этом времени?

Фугул пожал плечами.

— Было непривычно, но я справился. Машины куда удобнее лошадей, да и на смену Скандару пришел молодой эрстер. Куда более приятный юноша, чем его отец.

Эцур склонился над свертком и осторожно провел указательным пальцем по носу зверька.

— Пора прощаться. Помни, что я тебе говорил. Внимательно наблюдай за зеркалами, вдруг увидишь там нашего старого знакомого, — он хотел было убрать руку, как звереныш зашипел и схватил его за запястье. — Будет тебе, дружок. Глазом моргнуть не успеешь, как я вернусь.

Эцур потрепал Ярдара по макушке и отступил от него. Зверек заверещал, он дергался и извивался, пытаясь выбраться из рук Фугула, но тщетно. По мордочке полились стеклянные слезы, он шипел, вырывался, тянул лапки к Эцуру. Фугул успокаивал звереныша, тихо говорил с ним, пока тот не прекратил пищать и не спрятался в одеяле. Обиделся.

Эцур с горечью расставался с мальцом, он был одним из напоминаний об Иде, правда, сам малыш мало что помнил, наверное.

— Когда все утрясется, жду тебя на ужин, — мужчина поглаживал сверток, подслеповато шурясь от яркого солнечного света.

— Несомненно, — Эцур кивнул и, бросив еще один взгляд на одеяло и торчащие из-под него заостренные уши Ярдара, ступил в полусвет.

О сломанных людях и зверях, бродящих в темноте (настоящее)

1

Деликатный стук в дверь заставил Еву вздрогнуть. Она поправила шелковый платок, прикрывавший лысую голову.

— Алан? — тихо спросила она, приподнимаясь на локтях.

Дверь распахнулась и в полумрак комнаты шагнул высокий молодой человек с серебристыми волосами до плеч. Он принес поднос, на котором лежал жгут, шприц, ампула с болеутоляющим средством и стоял стакан воды.

— Доброе утро, госпожа, — учтиво сказал он, поставил поднос на прикроватную тумбочку, сел на край постели.

Женщина вздохнула, отвела взгляд.

— Вряд ли доброе. Чем занимается Алан?

— Завтракает, — молодой человек вручил стакан женщине, затем взял ампулу и шприц. Ева отрешенно смотрела на слугу.

— Надо бы поскорее вас познакомить, — слабо сказала она.

— Сначала договор. И не советую затягивать с обдумыванием всех пунктов.

Он закатал рукав ее шелкового халата выше сгиба локтя.

— Меня скоро не станет, да? Ты это наверняка чувствуешь, — обреченно молвила женщина.

— Со дня на день.

Она отвернулась, чтобы не смотреть как слуга затягивает жгут.

— Пока постарайся не попадаться ему на глаза, — попросила Ева.

Слуга кивнул. Обезболивающее вбрызнулось в кровь обжигающей волной и женщина поморщилась.

Забрал у женщины стакан, поставил обратно на поднос, бросил мимолетный взгляд на туалетный столик у окна. Флаконы, баночки, пузырьки, склянки. Надо бы все упаковать в коробку.

— Я принесу завтрак через полчаса, — слуга встал с постели, взял поднос, поклонился. Направился к выходу из спальни, и Ева его окликнула:

— Дамиан.

Он замер на месте, повернулся к ней, истощенной и измученной. Впалые щеки, круги под глазами. Лишь сами глаза сверкали лихорадочным огнем на лице, превращающимся в восковую маску.

Она вытянула вперед левую руку. На бледном запястье темнел ало-фиолетовый кровоподтек от укуса.

— Сейчас.

Ледяные глаза слуги полыхнули красным. Он снял перчатки.

Дамиан поставил поднос обратно на тумбу. Трепетно и нежно, будто ласковый любовник, взялся за запястье. Несчастной захотелось плакать.

— Мне нужна гарантия того, что когда меня не станет, ты не покинешь моего сына до его последнего вздоха.

Дамиан хищно улыбнулся, обнажив острые клыки. Ева попыталась отдернуть руку, однако хватка его была стальной.

— О, это явно не то, о чем вам стоит сейчас переживать.

Он вонзил зубы туда же, куда и неделю назад.

Руку обожгло, словно ее опустили в чан с кипятком. Ева застонала от боли. Кровь капнула на ворс ковра. Дамиан подставил стакан, закатал рукав на левой руке, распорол зубами свое запястье. Черная жидкость, пролившаяся в стакан поверх крови женщины, ударила в нос насыщенным запахом апельсина и корицы, горьким миндалем и яблоками.

Укус на запястье Дамиана начал затягиваться.

Молодой человек опустил палец в стакан, смешал содержимое и оно зашипело.

— Пейте, — Дамиан поднес его к губам женщины.

Она покорно сделала несколько глотков. Жидкость обдала горло огнем, лавой пронеслась вниз по пищеводу.

Затем из стакана отпил Дамиан, наклонился к женщине, поцеловал ее в губы. Глаза слуги засветились алым. Глаза женщины тоже стали алыми, но только оттого, что у нее полопались капилляры и кровь залила склеры.

Когда Дамиан отстранился от женщины, она издала тяжелый вздох, чувствуя себя так, будто без остановки пробежала несколько десятков километров.

Молодой человек расстегнул рубашку, коснулся рукой своей груди, будто что-то нащупывая, проник пальцами в плоть. Спустя минуту на его ладони, перепачканной в черном, лежал пылающий уголек, который медленно угасал. Дамиан протянул уголек женщине и она с удивлением обнаружила, что это вовсе не уголь, а турмалин грубой огранки.

— Что это? — Ева осторожно взяла камень.

— Гарантия, — Дамиан вытер грудь, облизал руку.

Рана затянулась.

Женщина рассматривала камень, подслеповато шурясь.

— Отдайте Алану, — Дамиан застегнул рубашку. — Без этого я точно не покину его.

Она прижала руку с камнем к груди, по щекам потекли слезы.

— Можно тебя попросить еще кое о чем?

Дамиан с интересом посмотрел на нее.

— Убей меня.

Когда Ева произнесла эти слова, ей показалось, что она сейчас задохнется: волнение захлестнуло волной, отчего стало трудно дышать. Дамиан оскалился, наклонился к женщине, мягко коснулся ее щеки, вытер слезы.

— Убей, прошу. Пожалуйста, — жалобно выдавила она.

— Неужели вы не хотите еще немного побыть с сыном?

Ева сначала тихо всхлипнула, а затем разрыдалась. Она стыдливо вытирала слезы с щек, едва сдерживаясь, чтобы не завывать в голос.

— Ева, — Дамиан поправил одеяло, сползший платок.

Женщина не успокаивалась: мотала головой, икала. Лицо ее некрасиво сморщилось, став похожим на абрикосовую косточку.

— Ева, — громче повторил Дамиан, ухватил ее за подбородок, заставив посмотреть в свои глаза.

— Нельзя просить даирнай о смерти. Вы, люди, ценны для наших праотцов и расстраивать их нельзя.

Женщина сжала камень так сильно, насколько это было возможно.

— Иди.

Дамиан кивнул, взял поднос и покинул комнату.

Вечером Ева попросила прислугу собраться в гостиной. Дамиан принес женщину туда на руках — она до последнего не желала пользоваться инвалидным креслом. Молодой человек усадил ее на диван, подложил под поясницу подушки, ноги укрыл пледом.

Сам он встал рядом, заложив руки за спину и превратившись в неподвижную статую. Миниатюрная моложавая женщина в белом фартуке испуганно гладела на бесстрастное лицо Дамиана. Горничная. Мадам Штукер, моложавая дама с тонкой сеткой паутины морщин у глаз.

Повар, господин Вейльбах, тучный мужчина с пышной бородой, стоял, уперев руки в бока. Он делал, что не замечает Дамиана, но то и дело поглядывал на него, перекатывая во рту мятную конфету. Кем Дамиан являлся господин Вейльбах не знал, правда, уже недолюбливал незнакомца. Какой-то частью себя повар, конечно, понимал, что в первую очередь он невзлюбил его из-за безупречного внешнего вида. И отсутствия лишнего веса.

Латмана, седеющего водителя, мало заботил непонятно откуда взявшийся франт, его больше беспокоило состояние госпожи Евы. Он переминался с ноги на ногу, до боли сжав кулаки, с замиранием сердца ожидая того, что готовилась объявить женщина.

— К сожалению, нам необходимо расстаться, — почти шепотом сказала Ева, обращаясь ко всем троим. — Я безмерно благодарна вам за те годы, которые вы провели со мной и сыном.

Горничная ахнула, водитель расстроено покачал головой, повар скрестил руки на груди и нахмурился. Госпожа стала совсем не похожа на саму себя. Болезнь поела ее с жадностью, обгладывая до костей, пригревшись на внутренних органах скользкой змеей.

— Рекомендации вы получите у Дамиана, как и выходное пособие.

Ее губы растянулись в улыбке.

— Я взяла на себя смелость добавить к нему премию. Надеюсь, вы не против.

Ева смотрела на прислугу и ей становилось страшно от осознания того, что она больше никогда не увидит этих людей, к которым успела прикипеть за много лет.

Останется ли она у них в воспоминаниях слабой и немощной или прежней? Не имеет значения. Пусть просто останется.

Все закончилось так быстро, даже не успев толком начаться. Еве хотелось выть от того, что люди не умеют поворачивать время вспять, дабы обрести бессмертие, бесконечно возвращаясь к тем, кого ждешь ты и кто ждет тебя.

Сейчас, сидя на диване, глядя на то, как наполняются слезами глаза Штукер, как хмурится и ворчит Вейльбах, на то, как дрожат губы Латмана, ей захотелось вскочить со своего места, сорвать с головы чертов платок и обнаружить, что под ним не лысый череп, а копна кудрявых волос. Подбежать к троице, обхватить, закричать, что это шутка, что все не по-настоящему. Что она проживет еще много долгих лет, будет есть кремовые пирожные Вейльбаха, радоваться чистоте и уюту, наведенному мадам Штукер, ехать по ночному городу с Латманом.

— А как быть с Аланом? — просипел повар.

Ева тяжело вздохнула.

— Дамиан станет его опекуном.

Она произнесла это таким усталым голосом, будто даже говорить для нее было пыткой. Повар кивнул, вроде бы удовлетворившись ответом, но, по сути, ответ не дал ничего. Кем был этот Дамиан? Откуда он появился? Почему его раньше никто не видел?

Дамиан выступил вперед, учтиво поклонился всем троим.

Алан, о котором переживала троица, решил не прощаться с прислужгой.

Высунувшись из своей комнаты, он услышал как мать беседовала с ними в гостиной. Потом, после короткой паузы, донеслись сдавленные рыдания. Штукер не выдержала.

Затем раздался голос Латмана, который говорил сумбурно и сбивчиво. Когда Латман умолк, господин Вейльбах что-то пробурчал и внезапно Алан услышал, как мать засмеялась. Приглушенно, отрывисто, словно стараясь не растрчивать смех понапрасну.

Алан не стал дожидаться пока они закончат разговор, вкатился на своем инвалидном кресле обратно в комнату и заперся изнутри.

Ему казалось, что если он попросится, то признает неотвратимое. Подросток не принимал факт маминой болезни. Алан думал, будто отрицание поможет если не излечить маму, то хотя бы оттянуть расставание.

Спустя какое-то время в дверь постучались. Алан предпочел сделать вид, что ничего не слышал. Он поднял с пола раскрытую книгу комиксов, положил на тумбочку.

Стук повторился снова. Подросток ругнулся, закусил нижнюю губу, подкатился к двери, отпер ее.

В комнату заглянул высокий молодой человек в ладном костюме темно-серого цвета. Серебристые волосы, собранные в хвост на затылке. Вместе с ним в комнату ворвался свежий запах хрустящей груши, амбры, черного перца, однако эти запахи служили плохой маскировкой для других ароматов: они пробивались сквозь душистую маскировку. Что-то похожее на глинтвейн.

— Зачем так сильно поливаться духами? — Алан воззрился на гостя снизу вверх, жадно рассматривая черты лица, будто пытаясь хорошенько их запомнить.

Молодой человек улыбнулся.

— Если ты новенький, то предупреждаю сразу — у меня аллергия на многие запахи, — наставительно произнес Алан. — Никакой парфюмерии. И подстригись, бесит, когда у прислуги такие неопрятные патлы.

— Госпожа Рихтер желает вас видеть, юный господин.

Алан сразу как-то уменьшился в размерах при упоминании матери, губы его задрожали.

Он пересек порог спальни Евы и тут же сморщился от резкого запаха разложения, гнилых фруктов. Дамиан закрыл за ним дверь, мельком посмотрев на худую фигурку, лежавшую на кровати. Оставалось совсем недолго. Он ошибочно предположил, что у Евы в запасе есть еще пара дней. И остался ждать в коридоре.

Алан с болью посмотрел на мать. Ева протянула к нему руки, умоляюще взглянула в испуганные глаза. Подросток медленно покатил кресло к постели, опустил голову. На полу, почти под кроватью, стояла какая-то емкость. Кисло-горький запах падали исходил от нее. Алан поджал губы: мать уже просто не могла есть, но ее тошнило желчью с примесью крови.

Подросток неуклюже перебрался из своего кресла на кровать, подобрался поближе к Еве, лег рядом. Страшно касаться, он боялся, что едва дотронется до тонкой, пергаментной коже, и мама рассыплется. Но Ева сама взяла сына за руку, погладила по волосам. Он уткнулся носом в тощее плечо и с удивлением ощутил тот запах, который пытался перекрыть своими духами напыщенный фронт, ожидающий в коридоре.

По щекам покатились горячие слезы, Алан торопливо вытер их рукавом. Зачем маме лишний раз расстраиваться?

— Пожалуйста, останься, — прошептал он, обхватив маму, на миг забыв про осторожность.

Ему казалось, что если вцепится покрепче, то никто не сможет ее забрать. Ева прильнула к нему, расцеловала в щеки. Из рта у нее пахло ацетоном.

Самое страшное, что существовало в мире для Евы — покинуть сына. Будто стоять на перроне, прощаться с любимыми и знать, что уедешь, никогда не вернешься. Смотреть на родные лица из окна поезда, в бессилии кричать им о том, как любишь их, и что вы еще обязательно встретитесь. Но понимать, что это ложь. Поезд, на котором скоро отбывала Ева, никогда не возвращался на станции живых.

— Я никуда и не собираюсь, — Ева зарылась лицом в волосы Алана.

Она жалела, что когда вставал выбор — провести время дома и поужинать с сыном, или отправиться в ресторан с теми, кто может принести больше денег в ее дело, — женщина всегда выбирала второй вариант. Корила себя, кляла на чем свет стоит, однако обеспечила его не только всем необходимым. И подарила безбедное будущее.

— Хочу познакомить тебя с твоим опекуном, — сказала она.

Сын тут же насупился, вжался лицом в острые ключицы, будто ища защиты.

— Дамиан.

Едва женщина позвала, как дверь отворилась. Молодой человек с серебристыми волосами подошел к кровати, склонил голову, ожидая указаний.

Ева взяла сына за руку.

— Он теперь будет о тебе заботиться.

Алан отдернул руку, исподлобья взглянул на незнакомца, с чьих губ не сходила вежливая улыбка.

— Ни за что, — резко произнес Алан.

Потом закрыл глаза ладонями.

— Ни за что, — повторил он и прикусил язык.

Губы его искривились. Ком в горле не давал дышать и Алан делал судорожные вздохи, всхлипывая.

— Уходи, — потребовал он, наконец убрав руки от лица.

Дамиан покачал головой.

Ева притянула к себе сына, обняла за плечи, едва заметно кивнув слуге, мол, иди. Молодой человек вышел из спальни, заодно захватив емкость со рвотой.

— Алан, — шепотом сказала мать, пытаясь заглянуть в глаза сына. — Послушай меня, пожалуйста.

Сын мотал головой.

— И послушай внимательно, — Ева все же добила того, чтобы Алан посмотрел на нее.

Она вытащила из кармана халата черный холодный камень на кожаном шнурке.

— Что это? — Алан нахмурился.

Мать накинула шнурок ему на шею.

— Гарантия того, что тебя никто никогда не обидит. Не отдавай Дамиану до своего смертного одра. И никогда не снимай. Понял?

Алан сжал камень.

Кивнул, разглядывая матовую поверхность, испещренную трещинами.

Они проговорили всю ночь, заснув лишь под утро в объятиях друг друга. Шутили, смеялись, вспоминали то время, когда они жили в большом доме у моря, где росло множество абрикосовых деревьев. Весь золотой берег усыпали сладкие оранжевые плоды. Абрикосы падали в воду, лежали на горячем песке.

Алан мог сидеть у воды часами, глядя вдаль, и Ева иногда присоединялась к нему. Тогда ее голову украшала копна смоляных кудрей и в них лентой вплетался теплый ветер. Ласковый и нежный, словно летнее утро.

После полудня следующего дня Евы не стало.

Алан заперся в своей спальне, отказывался есть и категорически запрещал Дамиану даже приближаться к комнате. Он смутно догадывался о том, кем является новоявленный слуга, которому мать велела приглядывать за ним, и потому предположил, что это существо уберется восвояси, если его игнорировать.

Каждый раз, когда Алан различал тихие шаги в коридоре (а слуга ступал едва слышно), внутри него поднималась волна ярости.

Дамиан понимал, что если юнец не станет нормально питаться, то, скорее всего, у того начнутся проблемы со здоровьем. Поначалу слуга вежливо стучал в дверь, стоя перед ней с подносом, но каждый раз натывался на грубую ругань, и раздражался.

Затем Дамиан стал оставлять поднос за дверью — вдруг Алан проголодается и решит перекусить. Однако нетронутое угощение сердило еще больше, чем брань.

В день похорон Дамиан постучался в спальню юного господина, держа в руках свежестыранную рубашку и брюки. Тишина.

Слуга постучался снова. Ева предупредила, что если он не станет стучать перед тем, как войти, то зарекомендует себя крайне невежливым человеком, хоть Дамиан человеку только подражал.

Ответа вновь не последовало.

Дамиан взялся за дверную ручку, попробовал открыть дверь. Все еще заперто. Слуга закатил глаза, постучал более настойчиво, поскольку начал терять самообладание.

— Уходи, — раздался голос Алана.

— Я уйду, если вы откроете, — произнес Дамиан.

Снова тишина, однако слуга совершенно отчетливо мог слышать, как заскрипели шестеренки в мозгу у Алана.

— Чего ты хочешь? — наконец спросил юнец.

Дамиан еле сдержался, чтобы не заскрежетать зубами.

— Вам необходимо одеться, скоро нужно ехать.

Тишина.

Щелкнул замок на двери.

Дамиан повернул ручку, вошел в спальню и обомлел. Подросток умудрился свалить на пол все коллекционные фигурки, до этого аккуратно расставленные по книжным полкам, вместе с увесистыми томами комиксов. Правда, свалил только те, до которых смог дотянуться. У нескольких фигурок были отломаны головы.

Все это лежало на ковре, вместе с перевернутой чашкой, из которой вылился апельсиновый сок. Постель скомкана, будто на ней спало стадо свиней, а не один поросенок.

Сам сопляк, взъерошенный, в мятой футболке — отчего Дамиан брезгливо поджал губы, но вовремя спохватился и улыбнулся, — заплаканными глазами смотрел на слугу снизу вверх. На столе — открытый ноутбук, на котором воспроизводилось слайд-шоу из фотографий матери Алана и их совместных фото. Ни на одной не было отца.

Дамиан привел в порядок постель, усадил на нее Алана, принялся снимать с него домашние штаны, присев перед ним на корточки.

— Почему ты всегда в перчатках? — спросил Алан слабым голосом.

Дамиан посмотрел на него.

— Мне не хочется пугать вас своими руками, — он аккуратно сложил штаны, взял брюки, расправил их и принялся натягивать на ноги подростка.

Алан нахмурился, подался вперед и ударил Дамиана по руке.

— Вообще-то, я сам решу испугаюсь ли, — сказал он. — Снимай.

Дамиан молча стащил с него футболку. Юный господин стиснул зубы, ухватил Дамиана за подбородок и сжал изо всех сил. Слуга смотрел на него с плохо скрываемым презрением.

— Оглох? — повысил голос Алан.

Дамиан чуть сощурил глаза, склонил голову набок.

— Как пожелает господин.

Когда Алан увидел темные кисти рук мертвеца с пальцами, украшенными бурыми отметинами у основания, он непроизвольно открыл рот. Будто слуга надел причудливые кольца, прилежавшие прямо к коже. Ногти черно-фиолетового цвета, по которым будто молотком били,

аккуратно подстрижены. Алан с непониманием смотрел на руки слуги. В его взгляде не было отвращения, лишь недоумение.

— Что с руками? — только и смог выдать он, ухватив Дамиана за руку и поднеся ее к своему лицу, желая рассмотреть получше.

— Их оторвали, а новые выросли такими.

Алан глядел на слугу исподлобья.

— Как это — новые выросли?

Дамиан улыбнулся.

— Быстро и почти безболезненно.

Подросток наморщил лоб. Дамиан повертел рукой.

— Собственно, ногти такие неприглядные именно из-за этого.

Алан отстранился.

— Надень перчатки.

Слуга усмехнулся, повиновался. Когда он закончил переодевать юного господина, то поинтересовался у него:

— Не желаете ли принять ванну по возвращению домой?

Алан буравил молодого человека свирепым взглядом.

— Тебе вообще не должно быть дела до моей гигиены.

— Отнюдь, господин. Я могу закрыть глаза на ваш запах, потому что он слабый и мое обоняние его практически не воспринимает. А вот для прочих людей аромат будет весьма ощутим.

Он вздернул правую бровь.

— Рот закрой, — процедил сквозь зубы подросток.

— Вам не идет на пользу пребывание взаперти, ваш тяжелый характер становится невыносимым, — Дамиан принялся продевать левую руку подростка через рукав рубашки.

Алан, недолго думая, отвесил ему оплеуху. Слуга продел другую руку в рукав.

Еще одна оплеуха.

Дамиан начал застегивать пуговицы. Когда Алан занес ладонь для следующего удара, молодой человек схватил его за запястье. Стальные глаза сверкнули красным. Юный господин почувствовал, как по спине пробежали мурашки.

— Если я терпелив, это не означает, что мое терпение бесконечно. У вас не только ноги отказали, но и мозг?

Алан попытался освободить руку из захвата, но не тут-то было.

— Вы — маленькое невоспитанное дерьмо.

— Да я тебе язык вырву! — заорал подросток, в отчаянии дернув рукой.

— Себе вырвите.

Страшный взгляд слуги ясно говорил о том, что господину лучше стать повежливее. Дамиан отпустил подростка и продолжил застегивать рубашку. Затем распрямился, принес из гардеробной начищенные до блеска ботинки, надел их на ступни Алана, принес из прихожей пальто. Слуга пересадил подростка в инвалидное кресло, положил пальто ему на колени.

— Я велел подстричься, — все-таки не выдержал Алан.

Дамиан широко улыбнулся и у подростка льдом сковало внутренности. Он мог поклясться, что увидел в улыбке острые клыки.

— Завтра запишусь на стрижку, — Дамиан выкатил господина из спальни по направлению к прихожей.

Наверное, не стоило ему так разговаривать с подростком, пусть тот и почти довел его до точки кипения. Слуга пообещал себе впредь быть более сдержанным; Алан в тот же момент давал себе обещание не быть дерьмом. В конце концов, Дамиан здесь для того, чтобы позаботиться о нем, как говорила мама. Алан ощущал, как лицо заливалось краской. Его раздирали

противоречивые чувства. С одной стороны он не хотел быть таким грубым, даже подумывал о том, чтобы принести извинения Дамиану. А с другой... Да не пошел бы он, всего лишь прислуга, а смеет так разговаривать!

Про клыки и кисти рук Алан старался не думать.

После похорон Алан спал на заднем сиденье автомобиля, сильно перенервничав. Слезы на щеках высохли только недавно. Он плакал все то время, пока слушал прощальные речи людей, явившихся увидеть Еву в последний раз. Многочисленные родственники, изображавшие безутешную скорбь, партнеры по бизнесу, будто бы отбывающие повинность, пара любовников, пришедшие в тех костюмах, которые им подарила Ева. Была там и бывшая прислуга: Штукер, Вейльбах и Латман с вечно грустным лицом провинившейся собаки.

Каждый из присутствующих поглядывал на понурого сына усопшей, а также высокого молодого человека, стоявшего позади него. Наверное, опекун. Он бережно вытирал платком щеки подростка, шепотом спрашивал как он себя чувствовал, словно и не было неприятного разговора. Алан либо держал незнакомца за руку, или цеплялся за рукав пальто.

Дамиан в свою очередь тоже разглядывал присутствующих. Практически у каждого на голове сидело по пакостнику-паразиту. Они хихикали, корчили рожицы, перепрыгивали с плеча на плечо.

Стоя у гроба матери, глядя на ее лицо, превратившееся в посмертную маску, Алан с трудом осознавал происходящее. Юному господину даже подумалось, что он рад присутствию Дамиана — он скорее бы доверился ему, чем всем тем стервятникам, явившимся воочию лицезреть процесс погребения.

Сидевший за рулем Дамиан посматривал на Алана, лежавшего на спине. Его лицо как-то осунулось и заострилось. Слуга знал, что юный господин очень тяжело переживал смерть матери, хоть храбрился и старался не подавать вида. За все время знакомства с родом человеческим Дамиан не переставал удивляться тому, что каждый из людей пытался скрыть свои истинные чувства.

Взять, к примеру, даже мать Алана. Когда Дамиан явился на ее зов, пробившийся к нему, он увидел скелет, обтянутый кожей, но она пыталась вести себя так, словно болезнь ей нипочем. Он знал, что сердце Евы пожирал страх, как рак пожирал другие органы. Страх смерти и страх того, кто стоял перед ней.

Даирнай с черненым серебром вместо кожи, на несколько голов выше любого даже самого рослого представителя рода человеческого, с длинными волосами, подобными свету луны, и алыми глазами. Он посмотрел на Еву и у нее задрожали коленки. Хотелось убежать, но сил не хватило даже бросить рассматривать появившегося. Дамиана же удивило то, что у людей давно уже не Средневековье, и призывы ему подобных остались позади, как бубонная чума да аутодафе. Правда, по ошибке люди принимали его за слугителя преисподней.

Переступив начертанный на полу знак, посмотрев на свечи, расставленные по периметру комнаты, он приблизился к Еве, которая не могла пошевелиться, сплел свои руки вокруг хрупкой шеи, заглянул в глаза, обнажил клыки. Ева только и смогла, что шепотом спросить, как он смог подойти к ней. Дамиан спросил у женщины чего она хотела, разглядев древнюю книгу, лежавшую на полу. Когда Ева поведала о своем желании, Дамиан прошептал ей, что даст еще время подумать, вдруг она захочет дополнить сказанное, а затем взялся за левую руку Евы, тонкую, как веточку, и впился в запястье.

Женщина чуть не потеряла сознание от ослепляющей боли, ноги подкосились, и Дамиану пришлось подхватить ее. Она застонала, почувствовав, что от взгляда призванного закружилась голова. На Еву так не смотрел ни один из любовников. Дамиан раздевал ее глазами, совершенно не обращая внимания на состояние женщины, будто она являлась для него самой желанной и единственной. Он притянул Еву к себе, поцеловал в губы.

— Зачем ты меня укусил? — спросила Ева, очень отчетливо ощущая привкус собственной крови на губах.

Дамиан поцеловал ее снова — ему нравилось, как от нее одуряюще пахло смертью.

Укус был меткой. Дамиан знал, что заключающие договор могут передумать и призвать кого-то другого. Метка же позволяла увидеть, что человек принадлежал тому, кто эту самую метку оставил. Для заключающих договор укус служил напоминанием, что пути обратно нет. Раз решил играть, то игру нужно доводить до финала. Иначе какой смысл все затевать?

Дамиан нес Алана на руках, поднимаясь по ступенькам. Мог бы и на лифте, но ему ужасно нравилось считать ступени.

Когда слуга уже стоял у двери и вытаскивал ключи, из-за двери соседской квартиры высунулось худое, белое от большого количества пудры лицо женщины в годах.

Увидев Алана, она так и ахнула.

— Ох, бедняжка, — всплеснула руками.

Дамиан грустно улыбнулся.

— Доброго вечера вам.

— Госпожа Терлецки, — охотно сообщила соседка, потом понизила голос до шепота. — Что, сегодня хоронили?

Дамиан кивнул, внимательно рассматривая волосы соседки, собранные в пучок на макушке. Они походили на дохлую лису, свернувшуюся клубком; из этого клубка торчали свалявшиеся кончики волос рыжего цвета и проглядывали седые корни, отросшие настолько, что было уже попросту неприлично так выходить на улицу. Терлецки приняла брезгливую полуулыбку Дамиана за вежливость и радость новому знакомству.

Соседка бросила на Алана жалостливый взгляд.

— Очень печально, — вздохнула она. — А вы кем ему приходитесь, э-э...

— Дамиан, — молодой человек учтиво склонил голову. — Старший брат.

Терлецки нахмурилась. Наверное, и слепому было бы видно, что никакого внешнего сходства между Аланом и Дамианом не наблюдалось.

— У нас разные отцы и я жил долгое время далеко от мамы, — слуга доверительно понизил голос, будто рассказывая о великой тайне.

Терлецки понимающе закивала.

— Обращайтесь, если вдруг что-то понадобится или просто заходите на чашечку чая, — сказала она прежде, чем скрыться за дверью и прищемить ею одного из пакостников, высунувших любопытные мордочки в подъезд.

Дамиан усмехнулся. Еще чего, там паразитов как грязи.

Сначала Дамиан отнес Алана в гостиную, побрезговав укладывать его в скомканную постель. Включил торшер, уложил хозяина на диван — юный господин даже не проснулся. Дамиан внимательно посмотрел на него, затем наклонился, снял с юноши ботинки, принес плед и укрыл, подложив ему под голову небольшую подушку.

Сам же переоделся и пошел в комнату Алана. Включив свет, слуга снова ужаснулся. Как можно было устроить такой бардак?

Сначала Дамиан убрал грязное постельное белье, погладил свежее, застелил кровать. Вытер пыль с полок, расставил книги комиксов по цветам корешков, к ним же отправились уцелевшие коллекционные фигурки. Обезглавленные Дамиан сначала попробовал склеить, получилось достаточно кривовато. Немного разозлившись, он просто щелкнул пальцами и фигурки починились.

Дамиан вытер пыль, убрал все, что валялось на ковре, почистил ковер, пропылесосил. В спальне сразу стало приятнее находится. Не без удовольствия слуга осмотрел плоды своих

трудов, бросил взгляд на окно. Видимо, горничная, которая следила за порядком до него, не слишком утруждала себя мойкой стекол.

К утру вся квартира была вычищена до блеска. За исключением гостиной. Дамиан не хотел тревожить Алана, потому то и дело заглядывал туда, чтобы убедиться в том, что хозяин мирно спит.

Когда Дамиан заканчивал уборку на кухне, раздался звонок от консьержа. Слуга выключил воду, вытер руки, нахмурился. Кого еще принесло?

Голос в трубке сообщил, что прибыл преподаватель Алана. Дамиан ругнулся — он забыл о том, чтобы на сегодня были назначены встречи. К тому же, с преподавателем он ни разу еще не общался.

На пороге квартиры появился невысокий парнишка.

— Добрый день, — неуверенно начал пришедший.

— Добрый, — слуга вежливо улыбнулся, однако гость заметил, что глаза его взирали равнодушно.

Усугубляла неприятное ощущение еще и большая разница в росте.

— Чем могу быть полезен? — Дамиан приподнял брови.

— О, вы из новеньких? — гость заметно приободрился, в голосе послышалось снисхождение, и тут улыбка слуги стала шире и оттого страшнее. — Я — преподаватель Алана, мы...

Дамиан не дал договорить:

— Я понял.

Он вышел в подъезд, притворив дверь, тем самым немного отодвинув пришедшего назад.

— Преподаватель, — протянул гость, нервно облизал губы. — На сегодня у нас назначены занятия...

— В ваших услугах мы более не нуждаемся, — отрезал Дамиан тоном, не терпящим возражений.

Он поправил воротник пальто гостя, смахнул с него капли дождя. Преподаватель отшатнулся.

— Почему заранее не предупредили? Зачем нужно было тратить мое время? — высокий голос его задрожал от волнения и негодования.

Дамиан попросил подождать, вернулся в квартиру. Спустя минуту в руках у преподавателя лежала увесистая пачка новеньких купюр.

— Надеюсь, это компенсирует ваши неудобства, — Дамиан смотрел на то, как синие глаза за толстыми стеклами очков расширяются.

Очень даже компенсирует.

Ева говорила, что к Алану на дом приходил преподаватель, но в последнюю неделю занятия отменили по понятным причинам.

— Здесь слишком много, — только и смог выдавить из себя гость.

Слуга склонил голову набок, рассматривая пришедшего как забавного зверька. Очень интересно. В человеческих деньгах он разбирался вполне сносно и прекрасно знал: многие люди готовы за сумму, которую гость держал в своих руках, пойти даже на преступление.

— Госпожа Рихтер велела передать деньги, не смею нарушать ее желание. И также просила передать свои извинения за то, что не сможет пообщаться с вами лично.

Пришедший все понял. Он поблагодарил Дамиана, убрал деньги во внутренний карман пальто.

— Какие предметы вы преподавали? — поинтересовался слуга.

Гость пожал плечами.

— Историю, в основном. Занимались и литературой, но в силу характера моего студента, далеко не продвинулись, — он усмехнулся. — Точные науки Алан изучал с моей коллегой,

затем прекратил занятия. Сказал, что ему это не интересно и он не хочет тратить ни свое, ни ее время.

— Языки?

— Этим он занимался самостоятельно или с другими преподавателями, — гость поправил очки. — Я только изредка помогал ему, не совсем моя специальность.

— Благодарю.

Гость хотел что-то сказать, но молчал, переминаясь с ноги на ногу.

— Да-да? — слуга уже открыл дверь в квартиру, намереваясь покинуть гостя.

Тот мотнул головой, попрощался и направился к лифту. Из-за угла выскочил пакостник, с радостным визгом запрыгнул на плечо к преподавателю.

Дамиан заглянул в гостиную. Алан лежал, накрывшись пледом с головой. Слуга подумал, что он все еще спит и вернулся на кухню.

Подросток не спал. Он вытирал глаза из-за выступивших слез. Его трясло. Алану снилось, что мать выбралась из гроба и стояла над ним, нашептывая фразы, не имеющие никакого смысла. Она говорила, что кто-то идет. Говорила, что он скоро будет возле Алана. А перед тем, как исчезнуть, вцепилась руками в шею сына, страшно закричала. У нее полопались капилляры в глазах, а потом кровь брызнула из них, запятнав плед и лицо сына. Алан дернулся и проснулся.

Юный господин откинул плед, сел на диване, оглянулся на окно.

Доносились звуки радио, шум воды. Он нахмурился. Наверное, лет сто никто не включал на кухне радио. Алан все советовал матери избавиться от приемника, однако она почему-то отказывалась, в шутку говоря, что оно вещало о мертвых и живых, потому убирать нельзя ни в коем случае. Сейчас же слова матери не казались шутливыми.

— Дамиан, — позвал подросток.

Слуга незамедлительно появился в дверном проеме.

— Добрый день, господин, — он поклонился.

На нем красовалась темно-синяя рубашка, рукава которой он закатал до локтя. Выглядела так же безупречно, как и когда Дамиан только вытащил ее из шкафа, несмотря на то, что он всю ночь занимался уборкой. Брюки и начищенные ботинки, волосы зачесаны назад.

— Приготовь мне ванну.

Дамиан кивнул.

— Сию минуту. Что желаете на завтрак?

— Я бы отведал твое зажаренное сердце, но его у тебя нет. Ты уже записан на стрижку?

Дамиан подошел к шкафу с книгами, где в выдвижном ящике лежали ножницы. Он достал их, распустил волосы и сел на пол, спиной к Алану, протянул ножницы хозяину.

Тот опешил.

— Ты что вытворяешь?

От Дамиана пахло чем-то очень знакомым, но Алан никак не мог разобраться что именно он ощущал. Лишь корица выделялась явственно.

— Я более, чем уверен, что вам доставит удовольствие сделать это лично. Только будьте аккуратны, лишиться уха мне не хочется. И, пожалуйста, не воткните ножницы мне в шею.

Алан нахмурился, чувствуя, как начинал злиться. Он собрал волосы Дамиана в руку. Чистое серебро. Мягкие и гладкие на ощупь. Юный господин ухватился за ножницы удобнее. Пока он примерялся, Дамиан взял его за запястье той руки, которой подросток держал волосы.

— Почему медлите?

Юноша хмыкнул и торопливо защелкал ножницами. Волосы плохо поддавались стрижке, все норовили вырваться на свободу.

Когда Алан закончил, он бросил отрезанные волосы на ковер. Дамиан провел рукой по голове.

— Убери с ковра и приготовь ванну, — Алан отдал ножницы слуге, Дамиан кивнул.

Пока набиралась вода для купания, Дамиан смотрел на себя в зеркало. Намочил руку, пригладил волосы, убрал их назад. Непривычно было видеть себя с короткой стрижкой, уже позабыл, когда в последний раз носил такие короткие волосы. Конечно же, он мог отрастить их обратно по щелчку пальца, однако отражение начинало ему нравится с каждой секундой все больше. Лицо стало выразительнее.

Точно. Молодая девушка призвала его, чтобы выкарабкаться из нищеты. Когда Дамиан делил с ней постель, девушка любила прижиматься к Дамиану и зарываться лицом в его волосы. Имя еще такое интересное было. Как же ее звали?

Кассиопея.

Дамиан мотнул головой, словно избавляясь от неугодных воспоминаний, добавил в воду пену для ванн, принес Алана, осторожно усадил его на стул, всегда стоявший возле раковины, затем ушел за полотенцами. Когда он вернулся, господин, успевший кое-как дотянуться до края ванны и запустить руку в воду, буравил слугу свирепым взглядом.

— Слишком горячо! — он плеснул водой в лицо и на рубашку Дамиана.

Слуга вытер щеку.

— Вы могли бы просто попросить добавить холодной воды.

— Неужели ты не чувствуешь, что это ужасно горячо? Я каждый раз о такой ерунде говорить должен?!

Дамиан снял перчатки, опустил руку в воду. Для него она была едва теплой.

— Если это горячо, то запомню.

Слуга приподнял правый уголок губ.

— Вас не красит такое агрессивное выражение лица.

Алан отстранился от ванны, вытер руки о свою рубашку. Дамиан едва удержался, чтобы не сделать ему замечание, включил холодную воду.

— А тебя не красит то, что ты баран. Почему у тебя такой цвет волос? — спросил Алан.

Дамиан поднял на него глаза.

— Потому что я был рожден таким.

— У тебя есть родители? — Алан в недоумении рассматривал Дамиана.

Тот кивнул.

— Как у всех. Разница только в том, что мои так называемые родители не являются родителями в человеческом понимании.

Он снял с Алана рубашку, расстегнул пояс на брюках.

— В плане? — юный господин пытался скрыть любопытство, но у него плохо получалось.

Слуга наградил подростка снисходительной усмешкой, поместил его в ванну.

— Я не стану вам рассказывать про них.

Алан насупился.

— А если прикажу?

— Не прикажете. Вы, может быть и хотите узнать об этом, но боитесь.

Алан откинулся на спинку ванны. Он молчал, глядя на пушистую пену, всегда напоминавшую ему сладкую сахарную вату.

— Что приготовить на обед? — спросил Дамиан, выключив воду.

Он взял в руку губку, намочил ее, немного отжал.

— Ты что, мыть меня собрался? — скривился Алан.

Слуга кивнул. Подросток молча смотрел на Дамиана, потом снова плеснул в него водой.

— Пошел вон. Я сам.

Дамиан покорно положил губку на край ванны и вышел. Опустил взгляд на мокрую рубашку.

Засранец.

Когда слуга проходил мимо кабинета матери Алана, чтобы переодеться в спальне, он услышал, как за закрытой дверью звонил телефон. Дамиан нахмурился, вошел в кабинет, где пахло пастой для полировки мебели, табаком и терпкими духами. Сложилось впечатление, что там кто-то находился, незримый даже для него. Телефон на рабочем столе Евы продолжал трезвонить. Наверное, снова кухня Алана со своим требованием отдать книгу, оставшуюся от тети.

— Слушаю, — Дамиан снял трубку.

— Наконец-то, — произнес мужской голос на другом конце провода. — Думал, что неправильно набрал номер.

Позвонивший говорил очень лениво, будто его уже утомляла еще не начавшаяся беседа.

— Ты кто? — спросил голос у Дамиана.

— Я слуга господина Алана. С кем имею честь...

— Честь он имеет! — голос рассмеялся.

Дамиан ухмыльнулся. Это определенно может его развлечь.

— Чем могу быть полезен?

В трубке зашуршало, будто позвонивший разворачивал конфету.

— Я бы хотел нанести визит Алану, — имя юного господина голос произнес с особым нажимом, — в связи с кончиной его драгоценной матушки. Так сказать, принести свои соболезнования.

— А Вы, собственно, кто?

Напридумывали себе проблем. Как будто одних похорон было мало.

— Прислугу бы научить манерам, — нараспев сказал голос.

— Вас бы кто научил, — вздохнул Дамиан. — По правилам хорошего тона вы должны были представиться еще в начале разговора.

Позвонивший цокнул языком, раздражаясь.

— Кажется, с тобой у нас общение не заладится. Передай-ка трубку Алану.

— Господин принимает ванну, не смею его беспокоить.

Дамиан не без удовольствия подметил, что из трубки донесся скрип зубов.

— Передай, что господин Фрюденлунд заедет завтра вечером.

— Не выйдет, завтра мы никого не принимаем.

— Тогда я приеду сегодня.

— Никак нет, к сожалению. Я так понимаю, что вы и есть Фрюденлунд?

— Верно понимаешь, — собеседник, видимо, начинал терять терпение. — Хорошо бы еще тебе понять, что разговаривать со мной таким тоном нельзя.

— Никак не могу вспомнить откуда мне знакома ваша фамилия, — Дамиан пропустил слова собеседника мимо ушей.

Все-то он помнил. Матиас Фрюденлунд — один из бывших любовников Евы, про которого женщина рассказывала, презрительно сморщив нос. Как она сама говорила, мужчина был исключительным подонком. Из-за чего именно она имела такое мнение об этом человеке, слуга не знал, но и расспрашивать не имел желания.

— Неважно. Я приеду сегодня и точка.

Короткие гудки.

Дамиан повесил трубку. Что ж, пусть. Любопытно будет взглянуть на него.

К вечеру Алан из просто недовольного превратился в ужасно злого. Ему абсолютно не понравилось то, что приготовил Дамиан и на обед, и на ужин. Потому слуга переодевал уже вторую рубашку, после того, как юный господин швырнул в него стейком.

Окончательно подросток рассвирепел, когда узнал о визите Матиаса.

— Какого хрена ты вообще моего согласия не спросил?! — орал он, пока Дамиан вытирал соус с пола.

— Всего лишь скромный ужин в компании человека, который говорит о любви к вашей матери, — слуга методично намыливал пол чистящим средством.

У Алана защипало в носу от едкого запаха.

— Он мог прийти на похороны, раз уж на то пошло! — подросток жалел, что не может пнуть Дамиана. — Дурья ты башка! Зачем мне только мать такого дебила оставила!

— Чтобы вам было на ком злость сорвать, очевидно, — слуга распрямился, сполоснул губку.

— Заткнись лучше, — прошипел Алан.

Дамиан смотрел на побагровевшее лицо юного господина. Сколько ярости и ненависти в сломанном тельце. Ненависти к окружающим, и к себе. Слуга знал, что отвращение, которое Алан питал к своему телу, было крайне разрушительным. Даже Дамиан не смог бы причинить ему столько вреда, сколько он приносил самому себе ежедневно.

— Купи чего-нибудь из готовой еды, не смей даже подходить к плите, — процедил Алан сквозь зубы. — А потом сгинь вообще. Чтоб не появлялся до утра. Понял меня?

Слуга послушно кивнул, хотел что-то сказать, но юноша выпучил глаза:

— Даже говорить ничего не смей! Гадина!

— Если вам не нравится как я готовлю, почему бы меня не научить? — все же молвил Дамиан.

Он развернул свое кресло и покатил в спальню.

Дверь хлопнула так громко, что слуга оглянулся на стекла в оконных рамах — не вылетели ли?

Когда все угощения были расставлены на низком столе в гостиной, позвонил консьерж, чтобы сообщить о прибытии гостя.

Дамиан, успевший сменить рубашку, осторожно постучался в дверь спальни юного господина.

— Матиас приехал, — сказал он.

— Я не глухой.

Дамиан закусил нижнюю губу. Свернуть бы шею сопляку.

Позвонили в дверь. Дамиан открыл и увидел на пороге высокого мужчину, но не такого высокого, как он сам. Он невольно расплылся в улыбке, возвышаясь над гостем.

— Добрый вечер, — слуга поклонился.

— Оставь это притворство для тех, кто верит твоим ужимкам.

Дамиан посторонился, чтобы мужчина смог войти. За ним тянулся тяжелый шлейф парфюма и мятной жвачки, которую гость перекатывал во рту. Слуга помог Матиасу снять пальто, пригласил его пройти в гостиную.

Увидев угощения, гость присвистнул, отчего Дамиан едва не расхохотался. Действительно, кому, как не этому человеку говорить о манерах. Костюм-то сидел безупречно, а вот над тем, кто его носил, стоило бы поработать.

Гость уселся в кресло, спиной к окну.

— Давненько я тут не был, — Матиас осматривал комнату, беспрестанно жуя. — Где же наш ненаглядный?

Дамиан хотел направиться за Аланом, но тот сам появился.

— Можешь идти, — бросил он слуге.

— А ты нет, — гость развалился в кресле, будто являлся хозяином квартиры.

У юного господина на щеке вздулся желвак.

— Прошу прощения?

— Не обращай внимания, шучу я, — Матиас усмехнулся. — Принеси выпить, как тебя там...

— Дамиан, — слуга поправил перчатки.

— Ага, в общем, шевелись давай.

Перед тем, как уйти за выпивкой, Дамиан посмотрел на Алана. Хозяин выглядел так, будто его окунули в ледяную воду: бледен, вцепился в подлокотники изо всех сил, аж костяшки пальцев побелели, задержал дыхание, словно перед новым погружением.

— Ты, наверное, меня не помнишь, — гость достал из кармана спичечный коробок и портсигар.

— Отчего же. Прекрасно помню, — Алан взглянул в голубые глаза своего кошмара. — Вы были очень частым гостем в нашем доме. Настолько частым, что мне казалось у нас живете.

— Я скорблю по дорогой Еве, — Матиас расстегнул пуговицы на пиджаке, достал сигарету, щелкнул зажигалкой.

— Здесь не курят, — Дамиан вернулся.

Он поставил перед гостем несколько бутылок с алкоголем — на выбор. Слуга не знал предпочтений мужчины, потому решил принести все, что было.

— Еще как курят, — Матиас прикурил и затянулся.

Дамиан подошел к нему, забрал сигарету, а затем потушил ее о свою же ладонь, испортив перчатку. Матиас изумленно смотрел на слугу.

— Что за фокусы! — внезапно рассмеялся он.

Дамиан встал справа от Алана, заложил руки за спину.

— Следующую я затушу о ваш лоб, — с елеинной улыбкой произнес Дамиан.

На смазливом лице Матиаса мелькнул испуг, который он тут же спрятал за наигранной беспечностью.

— Где ты откопал его? — гость перевел взгляд на Алана, потянувшись за бутылкой с виски.

— Чего вы хотите? — Алан наблюдал за каждым его движением.

Матиас плеснул немного напитка в бокал лоуболл.

— Посочувствовать тебе, — он отхлебнул, немного поморщился. — Такая беда! Может быть, я как-то могу помочь пережить утрату?

— Вы здесь не за этим, дурака из меня делать не надо, — Алан сжал губы. — Скажите что вам нужно и проваливайтесь.

Матиас поправил прическу. Черные волосы тронуты сединой на висках.

— Деньги? — юный господин указал Дамиану на бутылку с красным вином.

Слуга наполнил бокал, протянул Алану.

— Ничего себе, уже алкоголем балуешься. В твоём-то возрасте, — хмыкнул Матиас, залпом допив виски. — Не оскорбляй меня так, пожалуйста, какие деньги!

Алан сделал глоток. Дамиан поднес ему блюдо с сырами, но тот жестом велел поставить обратно.

— Какие угодно, лишь бы вы больше не появлялись. Тоже мне, скорбь. Даже ни разу не удосужились справиться о мамином здоровье.

Дамиан с интересом взглянул на Алана.

— Если мне не изменяет память, то в кабинете Евы где-то была запрятана одна любопытная вещичка, — Матиас налил еще виски.

Подросток резко расслабился. Наконец-то гость заговорил напрямую.

— Не отдам, — отчеканил Алан, глотнув еще вина. — Из маминых вещей вы ничего не получите.

У него бешено билось сердце и он опасался, что Матиас это услышит.

— Ева обещала подарить ее мне, — гость, однако, отказом не удовлетворился.

— Тогда могу посоветовать дожидаться оглашения завещания, — глаза Алана потемнели.
— Если ваше имя там указано, то заберете.

Матиас ослабил галстук.

— Я заберу ее в любом случае.

Он встал с кресла, поставил лоуболл на стол, подхватил с одного из блюд кусок лосося со спаржей, отправил в рот, а когда проходил мимо слуги, вытер пальцы о его рубашку. Дамиан сцепил зубы. Снова менять.

— Можешь не провожать.

Когда хлопнула входная дверь, рука Алана разжалась и бокал с вином полетел на ковер. Хозяина трясло от бешенства.

2

Алан лежал в постели, разглядывая потолок, переваривая прошедшую встречу.

Горел ночник, открыт балкон. Шторы едва колыхались из-за редких и легких порывов ветра. С улицы доносился шум машин. Юный господин натянул одеяло до подбородка.

Дамиан впорхнул в спальню, подошел к балкону, закрыл дверь. Стало очень-очень тихо. Слуга вернулся к ночнику, чтобы выключить его, наклонился. Алан потянулся и ухватил Дамиана за рукав.

— Оставь, пожалуйста, — пробормотал он.

Слуга кивнул.

— Доброй ночи.

Алан ощутил, как у него к глазам подступают слезы.

— Остаться с вами, пока вы не заснете? — спросил Дамиан, мягко отцепляя пальцы Алана.

Подросток кивнул.

Дамиан сел на край постели, не сводя глаз с Алана. Тот пытался сдерживаться — только бы не разрыдаться, не при этом существе. Плохо получалось, потому спустя несколько мгновений юный господин вытирал щеки рукавом пижамы.

— Могу я узнать кое-что? — осторожно начал Дамиан, делая вид, что не замечает слез подростка.

Алан закрыл глаза руками, начал всхлипывать. Помотал головой, закусив нижнюю губу.

Дамиан нагнулся к нему, обнял. Алан сначала опешил, а потом обхватил слугу руками так крепко, как только мог, давясь плачем. Уткнулся носом в плечо Дамиана, ощущая, что становилось легче. Немного, но все же. Слуга не совсем понимал каким образом объятия могли помочь, да и как они вообще помогали людям, однако терпеливо слушал прерывистое дыхание Алана и молчал. Затем его погладил по голове.

Перед глазами Алана беспрестанно крутилась картина того, как он летел с лестницы, как лежал у ее подножия, тщетно пытался встать. Он смотрел вверх, где еще стояла высокая мужская фигура.

Когда Алан заснул, Дамиан осторожно отнял от себя его руки и уложил подростка на подушку. Перед тем, как уйти из спальни, слуга аккуратно подоткнул одеяло Алана, еще раз погладил юного господина по голове. В углу комнаты стояла женщина, чье лицо было наполовину скрыто тенью — видно лишь, что по ее подбородку стекала кровь. А за спиной ее разливалась сине-зеленая тьма.

— Уходите, — сказал Дамиан, даже не повернувшись к пришедшей. — Оставьте его в покое.

Женщина не двигалась. Тряслись плечи, как будто она беззвучно плакала.

— Уходите, — Дамиан убрал со лба Алана пряди волос.

Женщина зашипела. Дамиан наклонился к юному господину и коснулся лба. Этой ночью дурные сны не потревожат.

Слуга направился в кабинет Евы, женщина поплелась за ним, пытаясь стереть кровь с подбородка.

— Решили со мной время провести? — слуга усмехнулся, снял перчатки и убрал их в карман.

Ее глаза практически ничего не видели из-за полопавшихся капилляров. Одеждой служил темный балахон, позади которого тянулся шлейф черного дыма.

Дамиан открыл дверь кабинета, включил настольную лампу.

Помимо Евы, Дамиан ощущал еще чье-то присутствие. Ева спряталась в угол за дверью, свет лампы выхватывал из темноты ее грязные босые ступни. Для кого-то другого увидеть женщину было бы вообще невозможно. Дамиан задумчиво потер подбородок.

— Не думал, что еще свидимся с вами, — он принялся открывать поочередно каждый ящик стола.

Ручки, ежедневники, карандаши, визитки, старые фотографии. С одной из них, порванной пополам, улыбался Алан. Он стоял на своих двоих, обнимал мать за талию, прижимаясь к ней всем телом. Ева робко выглянула из своего укрытия. Кровь с ее подбородка капнула на ковер.

Последний ящик заставил Дамиана насторожиться. Внутри он был не такой вместительный как другие, хотя снаружи размеры всех ящиков совпадали.

— Двойное дно, — пробормотал слуга, ощупывая ящик изнутри.

Пальцем он нашарил какой-то выступ, нажал на него сильнее, и дно ящика приподнялось с легким щелчком. Внутри лежала бензиновая зажигалка с изображением девушки с ярко-рыжими волосами. Каска пожарного, красные сапожки.

— Ну и ну, — Дамиан достал зажигалку и положил ее на стол. — Матиас приходил за этим?

Он поднял глаза, чтобы взглянуть на Еву, но она уже исчезла. Дамиан повертел вещь в руках. «Fire Belle» — гласила едва заметная надпись на дне.

— Неужели сама «Огненная красавица»? — слуга усмехнулся.

Он откинул крышку зажигалки, чиркнул колесиком кремня. Рубиновый огонь осветил его лицо. Зажигалка пульсировала в руках, словно трепещущее сердце. «Красавицей» как будто не пользовались долгое время, а теперь она ожила. Дамиан знал, что Ева очень любила принимать участие в аукционах, но слуга даже не думал, что она приобретала такие редкие вещицы. Пару раз женщина говорила, что за все время только дважды ей улыбалась удача и получилось урвать нечто поистине ценное. Интересно, какой вещью был лот номер два? Неужели та книга, с помощью которой получилось призвать даирнай?

Дамиан положил зажигалку в карман, задвинул ящик с двойным дном. Нужно прибраться в гостиной.

Пока слуга пытался оттереть пятно от красного вина, он думал о зажигалке в кармане. Дамиан слышал об этой зажигалке, но увидеть ее воочию не представлялось возможным. Ходили слухи, что «Огненная красавица» раньше принадлежала одному американскому музыкальному исполнителю с итальянской фамилией, он славился своим бархатным голосом, любовью к выпивке, пользовался неиссякаемым вниманием женщин, многие из которых были звездами телеэкрана и кинематографа. Собственно, из-за «Красавицы» интерес прекрасного пола к этому певцу не угасал до самой его смерти. И из-за нее же любимец прелестниц очень много пил. Что-то вроде побочного эффекта.

Наверняка, Ева купила «Красавицу» на одном из закрытых аукционов, а Матиас прознал про зажигалку и захотел ее заполучить, вот только Ева наотрез отказалась расставаться с покупкой. И теперь бывший любовник захотел забрать вещь после смерти Евы.

Дамиан швырнул тканевую салфетку, едва не плюнул на ковер со злости. Пятно не хотело никуда деваться.

Комната, объята полумраком, постепенно светлела. На мгновение показалось, что за шторами пряталась мать. Алан сел на постели, неотрывно глядя на занимающееся зарево рас-света. Взъерошенный, как нахохлившийся воробей. Непослушные кудри торчали во все сто-роны, шнурок с турмалином перекрутился.

В дверь постучались.

— Войди, — проворчал он, зевая.

Дамиан внес поднос с тарелкой с омлетом, чашку с чаем и молоком, аккуратно нарезан-ный чесночный багет.

— Доброе утро, — слуга поставил поднос на тумбу.

Алан принялся. Желудок предательски заурчал.

— Я забыл задернуть шторы на ночь, — Дамиан подтащил кресло Алана к его постели, достал из шкафа чистую толстовку, спортивные брюки, носки.

Положил одежду у изножья кровати, затем поставил поднос с завтраком на одеяло, чтобы юному господину не пришлось тянуться.

Алан взял нож в правую руку, вилку — в левую, надрезал омлет, который показался ему подозрительно пышным. Из сердцевины медленно вытек расплавленный сыр с кусочками обжаренного сладкого перца и зеленого лука. Алан удивленно посмотрел на слугу, потом под-цепил вилкой кусочек омлета, обмакнул в сыр и отправил в рот, заев хрустящим багетом.

Изумленно вытаращился на Дамиана.

— Ты сам приготовил?

Дамиан гордо вздернул подбородок.

— Да.

Алан отрезал еще, медленно прожевал. Изумительно. Так даже Вейльбах не готовил.

— Почему ты раньше мне тогда какое-то дерьмо подавал?

Слуга сцепил зубы.

— Вероятно, в прошлые разы вам не нравилось из-за дурного настроения. К тому же, сегодня вы определенно выпались.

— Чушь, — Алан набивал рот омлетом, — ты просто сегодня приготовил по рецепту.

Дамиан отвел глаза, посмотрел на город, из серо-синего становящийся розово-золотым, как и солнце, восходящее над ним. Алан уплетал омлет с таким аппетитом, что слуге стало даже приятно в какой-то степени. По сути, юный господин ел нормально впервые за несколько дней.

Когда Алан сделал глоток чая, то чуть не застонал от удовольствия.

— Вот это сюрприз с утра, — он отпил еще немного. — Тебя подменили что ли?

— Не желаете подышать свежим воздухом? — предложил Дамиан, наблюдая как тарелка и чашка пустеют.

Алан пожал плечами.

На улице ни души.

Утренняя прохлада заставила Алана поежиться, пусть Дамиан и одел его достаточно тепло. Слуга неторопливо толкал кресло юного господина по направлению к парку рядом с домом.

Дамиану нравился мир людей без людей и дауркаев. Без большинства людей и дауркаев. Он мог бы часами любоваться закатом или рассветом, лазурными небесами, часто похожими на океан весной. Мог бы, однако не делал этого — непозволительная роскошь для существа с его количеством обязанностей, весомую часть из которых, впрочем, он водрузил на себя сам, чтобы не умереть со скуки и безделья. Однако, когда Ева вручила Дамиану его личный смарт-

фон и планшет, несколько ночей подряд он просматривал видео с чудесными природными явлениями.

Дамиан и Алан несколько раз обошли парк по кругу. Мимо них проносились редкие бегуны, неспешно прогуливались собачники.

Алан думал о предстоящем лете и перед глазами снова картинка старого дома с выходом к побережью, усыпанному абрикосами.

— Ты бывал на море? — спросил Алан, задрав лицо к Дамиану.

— Нет.

— А хочешь поехать?

Дамиан приподнял брови в удивлении. Его впервые спрашивали о чем-то, чего хотел он сам. И уж никак он не ожидал услышать такого вопроса от капризного сопляка, которому слуга ежедневно мечтал размозжить голову.

— Можно было бы снять дом на берегу, — Алан смотрел на небо, — пожить в нем несколько месяцев.

Он вздохнул, прикрыв глаза.

Там непременно будут абрикосовые деревья. Лучше всего, конечно, поехать во время их цветения. Легкие, воздушные цветы. Полупрозрачные, перламутровые. Алан любил сидеть под абрикосами по вечерам, когда воздух казался таким густым, что его можно было зачерпнуть ладонью. В том умиротворяющем мраке казалось, будто цветы сияли. Ветер срывал лепестки и нес их к шепчущей воде, оставляя на сине-серебристой глади дорожку, будто из капель розового молока.

По пути домой они заглянули в небольшое кафе, откуда мама приносила Алану самые вкусные чизкейки в мире. Он мог поклясться, что такие даже Вейльбах не умел готовить, а он был мастером на все руки.

Пока Дамиан расплачивался, Алан сидел у окна, украдкой наблюдая за прохожими. Мимо окна, возле которого он находился, проплыла стайка девушек в школьной форме. Они что-то оживленно обсуждали. Одна из них, с короткими рыжими волосами, взглянула на Алана и он, покраснев, мигом отвернулся. В тот же момент Дамиан поставил перед ним чашку капучино. Слуга тоже заметил симпатичную девушку, которая немного отстала от своих друзей, впривившись взглядом в затылок Алана.

— Все в порядке? — поинтересовался Дамиан, снимая пальто и шляпу.

Он забрал куртку юного господина и повесил ее на вешалку, сел в мягкое кресло у столика.

— В полном, — буркнул Алан, чувствуя, как у него горели щеки.

— Она смотрела не на ваше кресло, а на ваше лицо, — Дамиан усмехнулся.

К столу подошла официантка, поставила перед ними кусок чизкейка и лимонного пирога с меренгой. Дамиан ласково поблагодарил ее, девушка улыбнулась в ответ.

— Если ты взял этот пирог для меня, то зря, — Алан отломил кусочек чизкейка, отправил его в рот, сделал глоток капучино, — сам ешь.

— Вынужден отказаться, — Дамиан положил руки на подлокотники, разглядывал обстановку кафе, миловидную официантку, которая теперь принимала заказ у мужчины за соседним столиком.

— Кажется, опции отказаться я тебе не предоставлял, — Алан придвинул блюдо с пирогом с меренгой к Дамиану. — Давай, бери вилку. Ты себе ничего попить не взял?

— Я не нуждаюсь в здешней пище и напитках.

— Не удивительно, — усмехнулся подросток. — Я, в общем-то, понимаю кто ты такой.

Дамиан с интересом воззрился на Алана, покорно взял вилку в правую руку.

— Почему вот только мама, о которой я всегда думал, как о женщине весьма умной, с тобой связалась?

Слуга отломил кусочек пирога. Алан подозвал официантку, когда она проходила мимо столика. Дамиан скользнул взглядом по ее бейджу. На мгновение показалось, что там написано Касс, но он ошибся. Он сморгнул.

Катра, конечно же Катра. Ему просто померещилось.

— Еще один капучино, — попросил юный господин.

Официантка кивнула, украдкой поглядев на Дамиана. Тот улыбнулся. В его кармане лежала зажигалка, которую страстно хотел заполучить Матиас. Дамиан медленно прожевал кусок пирога. Нечто приятное по текстуре, но практически абсолютно безвкусное. Чувствовалось что-то кислое и сладкое одновременно, только вот досада — эти оттенки настолько слабы, что получить удовольствие не представлялось возможным.

— Связь со мной не делает вашу мать глупой, — Дамиан разделил пирог на несколько частей, чтобы быстрее с ним разделаться.

— Откуда ты пришел?

Слуга водил вилок по блюду, со скучающим видом рассматривая мятную веточку сбоку.

— Это неинтересно, — вздохнул он.

Алан непонимающе посмотрел на него.

— Давайте лучше так, — Дамиан подпер рукой подбородок. — Вопрос за вопрос. Я отвечаю на ваш, а затем вы отвечаете на мой.

Глаза Алана азартно блеснули.

— Идет. Только есть одно условие.

— Слушаю.

Юный господин расплылся в хитрой улыбке.

— Если будет вопрос, на который ты не сможешь ответить, ты играешь со мной в приставку. Весь вечер. И не пристаешь с уборкой неделю.

— А если у вас не выйдет ответить?

Подросток задумался.

— Вы месяц будете называть меня господином, — Дамиан отправил в рот еще один кусок пирога.

Алан фыркнул.

— Вот еще!

Слуга пожал плечами.

— Значит, отвечать на ваши вопросы я не стану.

Видимо желание узнать то, что интересовало подростка, перебороло.

— Согласен! — выпалил он.

Официантка принесла еще одну чашку капучино, поставила ее перед Дамианом, наклонившись так, чтобы он хорошенько взгляделся в ее декольте.

— Соответственно, ваш первый вопрос про то, откуда я явился? — Дамиан попробовал и капучино.

Просто горячая жидкость. Немного сладкая. Почти никакого вкуса.

— Верно.

— Я пришел из другого мира.

Алан переменился в лице.

— Это нечестно!

— Вы не уточняли что именно хотите узнать про мою обитель, — слуга едва сдерживался, чтобы не расхохотаться, глядя на звереющего подростка. — Мой черед.

Алан сделал большой глоток и обжег язык. Он ругнулся, отодвинул от себя чашку.

— Как так вышло, что вы оказались в инвалидном кресле?

Молодой господин сцепил зубы.

— Упал.

Дамиан не стерпел и рассмеялся.

— Здесь люди! Прикрывай рот, а то клыки видно, — скомандовал Алан.

Дамиан кивнул, все еще посмеиваясь.

— Мы так до следующего утра играть можем.

— Ты первый начал, — огрызнулся Алан, прикончив чизкейк. — Ты убивал людей?

— Да, — слуга потер подбородок. — Вам рассказать как и сколько?

Алан буравил его глазами. Такое странное ощущение. Сидеть в обычном кафе за чашкой кофе с существом, что может оказаться древнее привычного мира вокруг.

— Нет.

— Сами упали с лестницы? — Дамиан отложил вилку.

— Меня столкнули.

С таким характером изумительным оставалось лишь то, что сопляк вообще еще жив. Правда, Дамиан подумал, что ответом на его вопрос будет просто слово «нет».

— Ты умеешь любить? — спросил Алан, жестом подозвал официантку, чтобы девушка принесла меню.

Он думал, что они пробудут в кафе недолго, однако уходить и прерывать игру не хотелось. Нужно заказать еще что-нибудь, одними сладостями не наестся.

— Разумеется. Только не так, как это делаете вы, люди.

Дамиан откинулся на спинку кресла.

— Вы, наверное, считаете, что я какое-нибудь чудовище, знакомое только с примитивными инстинктами, желающее убивать и губить все, до чего могу дотянуться. Спешу заверить, что тягу к убийствам во мне разжигаете пока только вы.

Подросток закатил глаза.

— Очень смешно. Твоя очередь.

— Ева знала, кто вас столкнул?

— Что у тебя все вопросы вертятся вокруг моего падения?

— Отказываетесь отвечать? — Дамиан вновь одарил улыбкой официантку, которая подошла к ним с меню в руках. Алан вспыхнул.

— Думаю, что знала, — сказал он, понизив голос и дождавшись, когда девушка отойдет от столика.

— Любил ли ты людей? — буркнул он, открыв меню.

— Вас так занимают размеры моего эмоционального диапазона? — слуга снисходительно посмотрел на хозяина. И следом задумался: неужели этому злобному зверьку так не хватало того, о чем люди говорили как о любви, что он ищет ее присутствие повсюду?

У Алана не нашлось слов, потому он просто молча ожидал ответа слуги.

— Нет, не любил, — Дамиан сделал еще один глоток остывающего напитка, в надежде разобрать иные оттенки вкуса. — У вас была подруга?

Алан страшно выпучил глаза. У слуги мелькнула мысль, что он сейчас завопит на него. Подросток кусал нижнюю губу.

Мотнул головой.

— Как ты вообще себе это представляешь? — просипел он, чувствуя, что к горлу подступает комок.

Дамиан вздернул правую бровь.

— Очень хорошо представляю, с воображением у меня все в порядке. Проблема только в том, что представлять немного неэтично в вашем присутствии.

— Я сижу в инвалидном кресле, а ты спрашиваешь была ли у меня подруга, — руки Алана затряслись.

Фотографии блюд в меню слились в мутное пятно.

— Как одно мешает другому?

Алану захотелось провалиться под землю.

— Хватит.

— Да, действительно, ваша же очередь.

— Ты спал с моей матерью? — Алан старался не смотреть на слугу, тот же наоборот с большим интересом вперился в лицо юного господина взглядом.

Если проблема только в кресле, то он просто идиот. Собственно, отсюда вытекало и все остальное, что его гложило.

— Нет. Зачем истощать и без того слабое тело? Вас толкнул Матиас?

Подросток отложил меню. Желание что-либо заказывать отпало напрочь.

— Никто другой и не смог бы так поступить, наверное.

— Вас мог толкнуть кто-нибудь из прислуги.

— Нет, эти люди всегда хорошо ко мне относились! — воскликнул Алан.

Дамиан приподнял правый уголок рта.

— Что им мешало относиться к вам хорошо и потом толкнуть вас?

Юный господин исподлобья смотрел на Дамиана.

— Хватит вопросов. Домой хочу.

Слуга как будто хотел сказать что-то еще, но смолчал, покорно кивнул.

Дверь квартиры оказалась приоткрыта, хотя Дамиан очень хорошо помнил, что запирает ее. Он нахмурился, подошел поближе, толкнул. В прихожей такой бардак, какой даже Алан не смог бы устроить, а чтобы его переплюнуть, нужно очень сильно постараться.

— Дамиан? — только и получилось выдавить у подростка.

Слуга повернулся к нему.

— Сейчас.

Подросток кивнул. Лицо бледнее мела.

Дамиан прошелся по всем комнатам, чтобы убедиться в том, что никого из воров не осталось. Везде царил жуткий беспорядок, отчего просто скулы сводило. В кабинет Евы заглядывать вообще не хотелось, но пришлось. Стол разломали на две части, ящики лежали на полу. Ящик с тайником раздроблен в щепки. С одной стороны Дамиан был страшно зол, поскольку стол не из дешевых, а с другой стороны он почувствовал какое-то удовлетворение. Ничего не нашли.

Матиас.

Он знал, что вещица находится где-то в кабинете, только не знал где именно, но до тайника добрался. Дамиан зашел в гостиную и разозлился еще больше. Ковер, с которого он с таким трудом вывел пятно от красного вина, был весь в следах от грязной обуви.

— Ты где? — послышался дрожащий голос Алана из прихожей.

— Тут, — Дамиан вышел на зов. — Ничего не украли, только сотворили из всей квартиры вашу спальню.

— Это наверняка Матиас устроил, — пробормотал подросток, испуганно глядя на слугу. — А почему ничего не взяли?

— Знаете, что мне в нем понравилось? — Дамиан усмехнулся. — Матиас не соврал. Деньги, всевозможные украшения для него не представляют никакого интереса. Полицию вызвать?

Его больше занимало то, что воры (или вор, если человек, пробравшийся в жилище Алана, был всего один) точно знали, что квартира пустовала. Это недвусмысленно намекало либо на слежку, либо на помощь кого-то из соседей. Первое вероятней.

— Зачем нам эти проблемы, — мотнул головой юный господин. — Ничего же не украдено. А та вещь...

Он исподлобья посмотрел на слугу.

— Ты знаешь что это?

Дамиан кивнул.

— Оно в надежном месте?

— Более чем.

Алан медленно покатил в свою комнату, растерянно глядя на верхнюю одежду и обувь, которую вытащили из стенного шкафа в прихожей, намеренно разбросали по полу.

— Приберись и готовь обед, — тихо велел Алан, даже не обернувшись.

— Это все, что Вы желаете мне приказать? — спросил Дамиан, сверля взглядом затылок подростка.

Турмалин на кожаном шнурке начал нагреваться, отчего Алан вытащил его из-за пазухи, чтобы ненароком не обжечься, ничего не ответил.

Когда хлопнула дверь спальни, Дамиан возвел глаза к потолку.

Алан скинул с кровати наваленные на нее книжки и фигурки, кое-как перебрался на постель из кресла и лёг, не раздеваясь. Он не хотел, но вспоминал, как два года отношений матери с Матиасом обернулись для него персональным кошмаром. Алан не был против отношений матери с мужчинами, ему хотелось, чтобы она нашла свое счастье, только заботило качество этих отношений и то, как они влияли на него самого. Алану нравилось, когда у Евы случались кратковременные романы, которые придавали ей энергии. Только Матиас вытянул деньги и силы.

Любовник пытался заполнить собой каждую сторону жизни Евы. Он не жил с ними, однако так часто появлялся в гостях, что у Алана сложилось впечатление будто он сам гость в собственном доме. Подросток просто молчал, уйдя с головой в видеоигры, рисование, иностранные языки, попросил поставить больше дополнительных занятий. И все равно постоянно сталкивался с этим ублюдком, от одной улыбки которого все тело покрывалось мерзкими мурашками.

Матиас поначалу пытался сблизиться, и делал это с нездоровым энтузиазмом. Алан честно старался ответить на его попытки взаимностью, чтобы не обижать маму, которая выглядела очень счастливой, ровно до того момента, пока не услышал, вернее, не подслушал, что в планах у Матиаса отослать Алана в другую страну на учебу. И, желательно, безвозвратно, поскольку Ева постоянно отвечала отказом на предложения выйти замуж. Матиас, ни в коем случае не желая выпускать из сетей возлюбленную, полагал, что дело в сыне. Женщина не хотела куда-либо отправлять Алана, и случился скандал. После примирения, отношение к Алану со стороны Матиаса стало быстро ухудшаться, он мог позволить себе нелестно выражаться о его умственных способностях прямо в присутствии мальчика.

А потом Матиасу пришла в голову идея как сделать так, чтобы Ева нуждалась в нем, а заодно и убрать потенциальную помеху при получении наследства в будущем и потока карманных денег в настоящем. К тому же у Евы хранились различные редкие вещицы, о которых он был в курсе. По-другому у Алана никак не получалось объяснить причину падения с лестницы.

Его каждый раз приводило в ужас воспоминание о том, как он летел вниз и то, как на него смотрел Матиас, оставшийся стоять на самой верхней ступеньке. На лице мужчины сияла улыбка победителя. Алан попытался встать, но ноги отказались двигаться. От боли и животного страха, вмиг сковавшего тело, подросток отключился, а очнулся уже в машине неотложки. Рядом сидела заплаканная мать.

Любовники расстались. Матиас все порывался приехать, но Ева пригрозила расправой. Мужчина исчез и теперь появился только после похорон.

Дамиан аккуратно открыл дверь в комнату юного господина. Тот спал, обняв подушку. На его щеках еще не высохли мокрые дорожки от слез. Слуга обвел взглядом комнату, валявшиеся

на полу вещи, поджал губы. Он подошел к кровати Алана, накрыл подростка покрывалом. Алан даже не проснулся.

Не проснулся он и тогда, когда Дамиан осторожно отвязал турмалин с кожаного шнурка. Дамиан взял коробку конфет, которая без дела лежала в кухонном шкафчике, и направился к соседской квартире.

Терлецки, выглянувшая на трель звонка, выглядела очень удивленной, увидев улыбающегося Дамиана. От женщины пахло алкоголем.

— Доброго дня, — нежным голосом сказал Дамиан.

За спиной соседки с задорным визгом промелькнули несколько пакостников. На миг они задержались, чтобы рассмотреть гостя, но разглядев Дамиана, бросились врассыпную.

— Ох, здравствуй, здравствуй! — Терлецки пригладила волосы на голове, выбившиеся из прически. — Что-то случилось?

Дамиан картинно вздохнул.

— Мне крайне неудобно просить о помощи, но боюсь, что без вас не справлюсь.

— В чем дело? — соседка завороченно смотрела на лицо слуги.

— У нас в гостиной ужасно капризный ковер, никак не получается его отчистить. Я и подумал, что вдруг вы знаете какой-то секрет. Женщины всегда мудрее.

Он вложил в ее тонкие руки конфеты. Терлецки прочитала название на коробке, и глаза ее заблестели. Таких дорогих она уже давно не могла себе позволить, хоть и жила в квартире покойного мужа, выдающегося ученого. Только квартира и осталась напоминанием о безоблачном прошлом.

— Милый, конечно, помогу, что за вопрос! — ее голос стал выше от плохо скрываемого восторга.

Дамиан сделал вид, что несказанно обрадовался.

— И даже раскроете свой секрет борьбы с упрямыми пятнами?

— А вот на это не надейтесь, юноша! — игриво произнесла Терлецки.

Дамиан извлек из кармана купюру. При виде ее номинала, Терлецки едва не подпрыгнула на месте.

— Тогда у меня будет еще одна просьба, — слуга наклонился к соседке, которая резко покраснела.

— Какая?

— Мне нужно отлучиться по делам, а приготовить ужин не успеваю. Алан пока спит, но когда проснется будет страшно голоден, — Дамиану ужасно хотелось привести волосы Терлецки в порядок, ведь еще немного, и глаза начнут кровоточить, глядя на дохлую лису на голове. — Впрочем, я тоже.

Слуга произнес последние слова с придыханием, понизив голос.

— Конечно, конечно, — закивала Терлецки, чувствуя как у нее запылало лицо, — только возьму все необходимое, у вас, двух холостяков, наверное, и нужных средств нет.

— Увы, некому за нами приглядывать, — Дамиан поправил воротник ее домашнего халата, нарочно едва коснувшись морщинистой шеи, — но зато все необходимые продукты я закупил. Выручите меня?

Пока Терлецки оттирала ковер, Дамиан с улыбкой наблюдал, как дохлая лиса на ее макушке тряслась. Все это было бы очень забавно, но на самом деле оказалось весьма печально. Одинокая женщина в годах, проводящая свои будни в компании алкогольных напитков и ностальгирующая по былым временам.

Слуга извинился, что оставляет Терлецки наедине с ковром, направился в кабинет. Среди груды всевозможного хлама, что хранился в столе, а теперь лежал на полу, Дамиан нашел старую записную книжку Евы. К сожалению, телефон, находившийся в кабинете, был выбран из-за внешних характеристик, не из-за функциональных. Потому найти номер Матиаса, который

бы наверняка определился на более современном устройстве, пришлось искать вручную, перебирая записи.

Слушая гудки в трубке, Дамиан думал, что успеет вернуться как раз к ужину.

— Слушаю.

— Добрый день, — поздоровался Дамиан.

Собеседник как-то выдохнул, и слуга понял, что он его узнал.

— Что нужно? — спросил Матиас после короткой паузы.

— Юный господин желает принести извинения за неудавшийся вечер и передать вам ту вещь, которую вы хотели получить.

— Да неужели?

Дамиан усмехнулся.

— Да. Не согласитесь ли вы встретиться сегодня?

Слуга решил не говорить про погром при телефонном разговоре.

— Даже не знаю, — протянул Матиас, очевидно, подумав, что ситуация становилась для него весьма выигрышной и он ей полностью владел.

— Пожалуйста, соглашайтесь, — Дамиан вложил в голос нотку отчаяния, — даже у меня из головы не идет то, как все прошло. Что уж говорить про господина! Он просто не в себе, прибавьте сюда еще шок от смерти матери...

— Хорошо, хорошо, — от возбуждения и предвкушения желаемого, да еще так просто, голос Матиаса начал дрожать, — записывай адрес.

— Мне так неловко об этом говорить, что мы, к сожалению, не сможем приехать к вам, — Дамиан удрученно вздохнул, — вечер расписан по минутам. Вы не смогли бы пересечься с нами в месте, которое по пути к другим пунктам назначения?

Матиас заскрипел зубами. Впрочем, желание заполучить зажигалку перевесило и он согласился, выразив при этом недовольство. Дамиан достал смартфон, открыл карту города, быстро пробежался по ней глазами, назвал место встречи и время. Матиас снова ответил утвердительно и повесил трубку.

Дамиан тихо рассмеялся.

На место встречи слуга приехал заранее.

Заброшенная стройка какого-то многоэтажного дома. По пути слуга все смотрел на «Огненную красавицу», вертел ее в руках, успевая глядеть еще и на дорогу. Если пользоваться ею регулярно, то вполне возможно, что женщина под влиянием этой вещицы будет вождеть своего любовника постоянно, а вот ее голова при этом работать станет плохо. Единственное, зачем Матиас хотел получить зажигалку, так это затем, чтобы без труда и особых усилий окружать себя богатыми дамами, обеспечивая себе безбедное существование. Вероятно, по этой же причине Ева и не хотела отдавать при жизни «Красавицу».

Смартфон завибрировал.

На дисплее высветилось имя Алана и его фотография, на которой он спал и пускал слюни на подушку. Слуга не стал отвечать на звонок, положил телефон в бардачок.

А вот и Матиас. Приехал один.

Дамиан вытащил ключ зажигания, вышел из автомобиля.

— Фантазии не хватило встретиться в приличном месте? — Матиас перекатывал во рту жвачку, глядя по сторонам.

— А где сопляк? — недовольно протянул он. — Я надеялся, что он тут будет ползать передо мной.

— У юного господина сегодня плотный график, он поручил доставить вещь мне, — слуга улыбнулся. — Вы, как я погляжу, тоже без свиты.

— Ладно, давай, извиняйся, отдавай ту штуку и разведемся, дел полно, — Матиас хотел спрятать ключи от машины в карман, но Дамиан ловко выхватил их, убрал в свой карман.

Матиас опешил от подобной наглости.

— Охренел совсем? — расхохотался мужчина, но по его глазам было видно, что он испугался.

— Сначала мне хочется кое-что услышать.

Турмалин во внутреннем кармане пальто начал нагреваться. Матиас с вытягивающимся лицом смотрел, как слуга становится выше ростом и шире в плечах.

— Что за ерунда? — нервно усмехнулся он, отступая к своей машине.

Кожа слуги превратилась в черное серебро, а глаза загорелись красным. Вокруг стало стремительно темнеть, будто сумерки начали опускаться гораздо раньше.

— Ты кто? — Матиас с ужасом смотрел, как волосы Дамиана становятся длинными, но никак не мог оторвать взгляда.

Слуга снял перчатки и мужчина увидел черные кисти рук, будто бы обуглившиеся от огня.

— Какая разница кто я, — Дамиан улыбался и в его улыбке сверкнули клыки, — главное — кем являетесь вы.

— Просто отдай зажигалку. Я исчезну, пропаду пропадом и никогда больше не приближусь к Алану! — просипел Матиас, внезапно осознав, что при всех его стараниях, он не мог прекратить смотреть на Дамиана.

Самое прекрасное существо, увиденное за всю его жизнь, и одновременно самое жуткое.

— Вы столкнули Алана? — спросил Дамиан, достал из кармана «Огненную красавицу». Матиас стоял как громом пораженный.

— Просто «да» или «нет» и получите ее, — слуга вертел зажигалкой перед носом мужчины. — Я вас отпущу. Правда.

— Врешь ведь, — нервно засмеялся Матиас.

Дамиан пожал плечами. На землю опустилась кромешная тьма.

— Мне незачем лгать, это привилегия человека.

С минуту мужчина колебался, судорожно сглатывая слюну.

— Да! — выпалил он, скукожился, съежился.

Дамиан с любопытством смотрел на то, как напыщенный, самоуверенный ублюдок превращался в жалкого слизняка, пусть даже в отличном костюме. Матиас осел на землю, начать скуливать и плакать от страха.

Слуга сел на корточки возле него, заставил мужчину снова посмотреть в его глаза.

— Чего вы хотели добиться, покалечив ребенка? — Дамиан вздернул правую бровь, вытер слезы Матиаса.

Тот ошарашенно отпрянул. Ему показалось, что рука существа была нестерпимо горячее, будто не рука это вовсе, а раскаленный металл.

— Думал, что сосунок сдохнет, а Ева будет нуждаться в утешении, которое я ей дам! — всхлипнул Матиас и тут же приложил руку ко рту.

Слова сорвались с языка сами по себе.

— Надеюсь, что она согласится выйти за вас замуж, и всеми ее деньгами распоряжаться сможете, — вздохнул Дамиан, распрямляясь.

Снял пальто, положил его на капот машины Матиаса, закатал рукава рубашки.

— И не только деньгами, верно? Ева имела страсть к аукционам, владела небольшой коллекцией редкостей, вроде этой зажигалки. Хотели еще и их прибрать к рукам?

Матиас просто молча плакал.

— Чудовище, — прошипел он, давясь слезами.

— Да, — Дамиан снова присел возле него. — Правда, в отличие от вас, этого не скрываю.

Он схватил мужчину, повалил его на землю.

— Ты обещал, что отпустишь меня! — заорал Матиас, попытавшись оттолкнуть от себя Дамиана.

— О, я действительно вас отпущу.

Он крепко держал Матиаса, который корчился от боли: руки Дамиана на самом деле обжигали. Слуга сел на живот мужчины, спиной к его лицу. Матиасу показалось, что на него опустили наковальню. Все пытался вырваться, однако Дамиан даже не шелохнулся.

— Только я не обещал, что отпущу вас в том виде, в котором вы сюда прибыли.

Дамиан ухватил его за правую ногу в области голени. Раздался громкий хруст, треск ткани. Матиас заорал от ослепляющей боли. Отвратительно-яркая белая кость пропорола плоть и брюки. Дамиан взялся за левую ногу. Снова хруст, крики. Теперь мужчина не просто орал, он выл.

Слуга встал со скулящего Матиаса, подошел к его ступням, снял с них ботинки.

В следующий миг правая ступня вывернулась под неестественным углом.

Левая ступня вывернулась подобно правой.

Дамиан с довольным лицом оглядывал плоды своих трудов.

— Забыл про руки.

Матиас заскулил, приподнялся на локтях, попробовал отползти.

Не вышло.

— Шучу, — Дамиан вытер кровь об рубашку Матиаса. — Вы же тогда домой не доедете.

Он взял пальто с капота, надел перчатки, вытащил ключи от машины Матиаса, бросил их прямо на его грудь. Следом достал зажигалку, смял ее как бумажку.

Кроваво-красный бензин пролился на землю.

— Вот.

Зажигалка тоже приземлилась на грудь мужчины, у которого уже не оставалось сил плакать. Дамиан нагнулся к его лицу. Седина на висках Матиаса, теперь перебралась и на другие части головы. Он всхлипывал, глядя куда-то вверх.

— Чуть не забыл. Даю слово, что каждый раз переломы будут срастаться неправильно, и дабы ходьба не доставляла вам неудобств, рекомендую пользоваться инвалидным креслом: так сможете передвигаться практически безболезненно. Навряд ли операции как-то помогут, однако вы вольны попробовать все исправить. Если ваше материальное положение это позволяет, конечно.

Дамиан улыбнулся. Его глаза снова стали серого цвета, а тьма вокруг рассеялась.

— Хорошего вечера.

Дамиан сел в машину, завел мотор, слыша, как снаружи Матиас принялся выть с новыми силами. Слуга достал телефон из бардачка.

Больше тридцати пропущенных вызовов.

Едва слуга перешагнул порог квартиры, как нос к носу встретился с абсолютно разъяренным Аланом.

— Где тебя носило? — процедил юный господин сквозь зубы, наблюдая, как Дамиан вешал пальто в шкаф и разувался.

— А вы все это время здесь сидели, как преданная собачонка? — Дамиан протянул ему турмалин.

Алан выхватил камень.

— Следи за языком. Еще и без спроса взял!

В квартире пахло чем-то вкусным. Из кухни выглянула соседка, замотавшая волосы платком, повязавшая фартук поверх домашнего платья, в которое она, видимо, переоделась, пока Дамиана не было. На ногах смешные махровые носки.

— Дорогуша, ты что же, поранился? — всплеснула она руками, заметив пятна крови на рубашке молодого человека, случайно перейдя на «ты».

— Не я, — слуга вновь закатал рукава.

Терлецки непонимающе смотрела на него.

— Все в порядке, не берите в голову. Вы что-то готовите?

— Алан такой затейник, — заулыбалась соседка. — Попросил пиццу домашнюю, сказал, что у тебя получается отвратительная, а курьеры всегда привозят холодной.

Терлецки ласково посмотрела на Алана.

— Он мне помогал.

— Неужели? — Дамиан потрепал подростка по волосам, за что тот испепелил его взглядом. — Когда это у нас руки успели вырасти из нужного места?

Соседка рассмеялась, сняла фартук.

— Там еще салат в холодильнике, — она передала фартук Дамиану. — Ковер чист, только не заходите в гостиную до утра, пусть подсохнет как следует, немного влажный еще.

Дамиан кивнул.

— Огромное спасибо за то, что присмотрели за моим братцем.

Терлецки махнула рукой, засмущавшись.

— Да брось. Пойду я.

Она сняла с головы платок, тоже отдала Дамиану, направилась к двери, где стояли ее стоптанные домашние туфли.

Когда соседка ушла, слуга снял перчатки, прошел на кухню, выбросил платок с головы Терлецки в мусорное ведро, фартук отправил в корзину к остальным грязным вещам.

— Еще раз так сделаешь в присутствии посторонних, я тебе руку оторву, понял? — Алан заехал в ванную комнату, где Дамиан мыл руки.

Намылил, смыл. Снова намылил.

— Вы про что?

— Про мои волосы. Где ты был?

Дамиан вновь намылил руки, смыл пену.

— Виделся с Матиасом.

Алан изменился в лице, его затрясло от гнева.

— Отдал ему то, что он так желал заполучить.

— Совсем из ума выжил?! — закричал Алан, подъехал вплотную к Дамиану, изо всех сил ударил его в спину.

— Нет, а вы?

— Как ты посмел ему отдать то, что принадлежало маме и еще без моего ведома?!

Дамиан выключил воду, вытер руки о полотенце.

— Он все равно не сможет этим воспользоваться, — вздохнул Дамиан и вкратце рассказал про произошедшее.

Под конец рассказа, Алан смотрел на него с отвращением, однако внутри юный господин ликовал. Он открыл было рот, чтобы снова начать ругаться, но передумал. Дамиан взял камень и вернулся, отдав турмалин Алану, хотя мог просто исчезнуть в пучине времени, бесчисленных мирах.

— Спасибо, — пробормотал Алан, густо покраснев.

Он смутился, отвернулся от слуги, чтобы тот не увидел, как к глазам подступали слезы.

— Только зачем ты сделал это?

Дамиан не ответил, он присел на корточки возле Алана, пригладил его торчащие во все стороны волосы.

— Вы, наверное, голодны.

Он встал позади Алана, выкатил кресло из ванной, двинулся в сторону кухни, где достал из духового шкафа пиццу, переложил ее на плоское блюдо.

— Правда помогали Терлецки? — спросил Дамиан, поставив блюдо на обеденный стол, доставая тарелку поменьше, столовые приборы.

Алан кивнул.

— Сыр натер.

Дамиан разрезал пиццу на восемь треугольных кусков, один из которых положил на тарелку перед Аланом.

— Попробуй тоже, — попросил Алан, кивая на пиццу.

Дамиан не стал спорить, достал еще одну тарелку, сел на стул, положил кусок и для себя. Вкуса он особо не почувствовал, но Дамиану понравилось, как тянулся сыр.

В окно стучался дождь. Темнеющее небо заволокло угрюмыми тучами.

— Сыграем в приставку? — неуверенно спросил Алан, глядя на то, как слуга разрезал свой кусок на кусочки поменьше.

— Вынужден отказаться, — медленно жуя, ответил Дамиан. — Во-первых, у меня запланирована уборка, во-вторых, в кафе вы проиграли.

— Сможешь хотя бы один вечер пожить в свинарнике? — закатил глаза Алан, отложив приборы и взявшись за пиццу руками.

Слуга усмехнулся.

— Смогу.

К тому моменту, как они разделались с пищей, большую часть которой прикончил Алан, дождь лил как из ведра. Слуга с трудом смирился с тем, что уборку пришлось перенести на следующий день, однако затем подумал, мол, почему бы и нет. Игрок из него был так себе, и у Алана поднялось настроение, когда он раунд за раундом выбивал дух из персонажей Дамиана. Слуга просто лениво нажимал на кнопки на джойстике, отрешенно глядя на вырванные позвончики и прочие приемы. Алану, при всей его неприязни к Дамиану, даже понравилось проводить с ним время. Было в этом нечто успокаивающее, если думать о слуге как об обычном человеке.

— Слушай, — протянул Алан, — а та девчонка правда смотрела на лицо, а не на кресло?

Они сидели на кровати в комнате юного господина. Алан велел Дамиану переодеться в чистую футболку и домашние штаны, которые остались в шкафу, где свои вещи хранила предыдущая прислуга. Наверное, вещи Латмана, потому что одежда Вейльбаха висела бы на Дамиане мешком.

— Правда, — отозвался Дамиан, нажимая на все кнопки подряд. И тут его персонаж выкрутил голову герою Алана.

Подросток вытаращил глаза.

— Как ты это сделал?

— Не знаю, — слуге понравилось, потому далее он втянулся в игру. Наносить увечья даже таким способом пришлось ему по вкусу. Они играли до поздней ночи, болтая ни о чем, периодически делая перерыв на чай.

Когда Алан уже лежал под одеялом, удобно устроившись на подушке, он прислушивался к удаляющимся шагам Дамиана. Наверное, в ту ночь, они впервые не вызвали у него беспокойства.

Турмалин (настоящее)

1

В дверь спальни деликатно постучались.

— Войди, — заспанным голосом отозвался Алан, приподнявшись на локте.

В комнату вошел высокий молодой человек с зачесанными назад серебристыми волосами. У него в руках — поднос с утренним чаем и легким завтраком из омлета, хрустящих тостов с малиновым вареньем и блинчиков с творогом.

Алан сел на кровати, брезгливо сморщился, увидев то, что ему принесли.

— Опять омлет? Когда ты уже научишься готовить что-то кроме этого?

Слуга молча поставил поднос на прикроватную тумбу, отодвинув чашку с недопитым с вечера чаем. Затем подошел к окну, переступив через смятые футболки, пустые упаковки из-под сладостей, отдернул плотные шторы, едва слышно цокнув языком.

Как будто на подносе был только омлет.

Комната наполнилась солнечным светом. Дамиан бросил мимолетный взгляд на книжные полки, где пестрили корешки книг комиксов, стояли коллекционные фигурки персонажей различных игр и фильмов. На тех, что были выполнены в темных цветах, отчетливо виднелась пыль. Алан не разрешал убираться в комнате уже несколько дней. Однако на джойстиках от приставки пыли не имелось — она просто не успевала появиться из-за ежевечерних игр.

Затем слуга подвез к кровати инвалидное кресло, стоявшее возле шкафа. Достал из ящика чистые носки, домашние брюки, рубашку, удовлетворенно отметив про себя, что хотя бы в шкафу все сложено идеально.

— Когда закончите завтракать, позовите меня.

Он галантно поклонился, подхватил чашку с тумбочки, вышел из спальни, споткнувшись перед этим о стопку корейских комиксов. В свинарнике и то чище.

Алан кое-как пододвинулся ближе к тумбочке, взял поднос, водрузил себе на колени. Наколел кусок омлета на вилку. Уронил его на пол. Перевернул поднос.

— Дамиан! — закричал подросток во весь голос.

Дверь открылась.

— Убери, — велел Алан, ткнув пальцем в устроенный им беспорядок.

Дамиан кивнул, затем сел возле подростка на пол, взял в руки носки, надел их на ступни Алана. Натянул на него домашние брюки.

— С рубашкой я справлюсь сам, — пробормотал Алан. — Убирай давай.

Дамиан снова кивнул.

Посуда не разбилась, только вот ковер придется чистить. Слуга стиснул зубы.

Маленький говнюк.

Прежде чем приступить к чистке, Дамиан усадил Алана в инвалидное кресло, вывез на просторный балкон подышать свежим воздухом, заодно вручил чашку с горячим шоколадом и плед. Даже у комнатного тирана имелись маленькие слабости, с помощью которых им можно было управлять. Алан достал наушники, смартфон, включил музыку.

Убедившись, что хозяин всецело погружен в музыку, Дамиан прикрыл дверь балкона, вышел из квартиры, постучался к соседке.

— Дамиан, мой мальчик! — всплеснула руками Терлецки, пожилая соседка, увидев радостно улыбающегося молодого человека.

Он достал из кармана хрустящую купюру.

— Не считите за наглость, — состроил слуга невинные глаза, — не умею справляться с ковром в спальне.

И это была чистая правда. Уборка становилась для него мучением, когда дело доходило до ковров. Женщина выхватила купюру, подмигнула.

— Ерунда. Я тебя выручу, а потом и ты меня как-нибудь!

Она вразвалочку дошла до ванной комнаты, не закрывая входной двери. Дамиан быстрым взглядом окинул виднеющуюся часть жилища. Выглядывали хихикающие тени, раздавался цокот коготков, не замолкая трещали звонкие голоса. Дамиан вздохнул. Соседка продолжала спиваться. Вон как понабежали за легкой добычей.

Пока Терлецки оттирала ковер, она бросила взгляд на худенькую фигурку в инвалидном кресле за стеклянной дверью балкона.

— Как ваш брат? Ему лучше?

— Намного, — солгал Дамиан, даже не обернувшись на сопляка, и расплылся в приторной улыбке.

Он видел краем глаза, что некоторые тени последовали за Терлецки. Из-за угла выглянула рогатая морда, скривила рожицу. Так дело не пойдет. Придется учиться самому чистить ковры или вызывать кого-то из химчистки.

Дамиан вздохнул, повернул голову к морде. Весь подъезд в таких мерзостях, в каждом углу виднелся пакостник. В квартирах им уже тесновато, вот и вываливались. Дамиан клацнул клыками и пакостник скрылся, трусливо пискнув.

— Дамиан, — донеслось с балкона.

Закатив глаза, вежливо извинившись перед соседкой за то, что придется ее покинуть, Дамиан прошел к подростку.

— На обед приготовь суп с грибами и чесночными гренками, — сказал он, вручая слуге пустую чашку. Дамиан повертел ее в руках.

— Я уже закупил продукты для лазаньи, — осторожно произнес слуга. Алан бросил на него гневный взгляд.

— Я закупил продукты для лазаньи, — передразнил он, скривившись. — Что тебе велела моя мать?

— Слушаться вас беспрекословно, юный господин, — отчеканил Дамиан.

Только она не упоминала о дрянном характере сопляка.

— Разве это так сложно? Ты не справляешься? — подросток удивленно вскинул брови, рассматривая белое как снег лицо слуги.

— Отнюдь, господин, — покачал головой Дамиан. — Я немедленно отправлюсь в магазин.

— И принеси ВиАр-ки.

Дамиан покорно кивнул, наверное, в сотый раз за утро, вернулся в спальню юного господина, подошел к тумбочке. Среди вороха бумажек с рисунками, всевозможных значков и блокнотов с изображениями любимых персонажей Алана, обнаружили и очки виртуальной реальности. Дамиан брезгливо сморщился.

Бардак.

Получив желаемое, Алан удовлетворенно откинулся на спинку кресла, махнув слуге, мол, свободен. Дамиан бы оторвал ему ноги. Все равно они бесполезны.

Соседка довольно быстро управилась с ковром, после чего Дамиан рассыпался в благодарностях, вручил плитку дорогого шоколада в дополнение к купюре, проводил до квартиры. Сам же вернулся, составил список покупок, накинул пальто на плечи, широкополую шляпу, протер и без того сверкающие ботинки, удостоверился, что бумажник лежит в кармане. Пока

он красовался перед зеркалом, рассматривая новую хлопковую рубашку с вышивкой и темно-синий шелковый галстук, с балкона донеслось:

— Дамиан!

Однако в этот раз голос хозяина звучал так, словно юный господин был до смерти напуган. Тихо ругнувшись, слуга помчался на балкон.

На правой ноге Алана сидел огромный паук. Дамиан выдавил из себя улыбку.

— В чем дело? — спросил слуга.

— У-у-убери его! — пропищал Алан, тыча пальцем в паука.

— Отчего сами не попробуете убрать? — поинтересовался слуга, подступая ближе к господину. Тот жалобно посмотрел на Дамиана.

— Хорошо, — слуга нагнулся, аккуратно снял с ноги паука.

Существо замерло у него на перчатке. Дамиан усмехнулся, разглядывая крохотные волосатые ножки.

— Купить вам что-нибудь особенное?

— Купи себе руки из плеч, — Алан не сводил глаз с паука на ладони слуги. — Иди уже.

Слуга спустился на первый этаж, поприветствовал консьержа, выпустил паука как только вышел из подъезда. Потом осмотрелся по сторонам, вдохнул воздух полной грудью. Осень принесла с собой густые туманы, молочным перламутром стелившимся по земле, запахи костров и жареных каштанов, перегнивших листьев, терпкий аромат тронутых гнильцой опавших яблок, голых полей, увядающих садов. Витрины магазинов украшали к осенним праздникам тыквами, треугольными флажками на бечевке, распродавали книги, которые не расхватали за летние месяцы. И каждый торговец сделал себе специальную, осеннюю вывеску, чтобы заманить низкими ценами — сезон скидок и импульсивных покупок. Дамиан достал из кармана список, пробежался по нему глазами.

Первым пунктом значился кусок говядины на кости. Что ж, сначала к мяснику.

Толстяк Махвич приветливо улыбнулся Дамиану, едва слуга зашел в лавку.

— Доброе утро! — раскатистый бас заполнил все пространство лавки, молодой человек учтиво кивнул, тоже улыбнулся, сообщил о своих пожеланиях. Мясник тут же засуетился. Выбрал лучший кусок, упаковал в фольгированный бумажный пакет, перевязал джутовым шпагатом.

— Как насчет копченых колбасок? Привезли рано утром, наисвежайший деликатес, с пальцами съесть можно! — мясник повел рукой в сторону витрины.

Дамиан вежливо отказался.

— Алан ни за что не станет есть копченое.

Мясник понимающе закивал.

— Моей супруге тоже тяжело даются копчености, такое несварение сразу. Врач говорит, что нужно поберечься, возраст не тот.

Дамиан участливо покивал, сочувственно помычал, хотя последнюю фразу он, в общем-то, пропустил мимо ушей, разглядывая отвратительную свиную голову, украшенную кроваво-красным яблоком, натертым до глянца. Слуга заметил, что люди положительно реагировали, если состроить сочувствующую мину и при этом склонить голову набок, а еще лучше покачать ею, покая языком. Мол, надо же, вот это история. Они сразу становились словоохотливыми, готовыми помогать в дальнейшем.

— Что-то еще? — спросил мясник, протягивая пакет.

Дамиан отдал деньги, больше чем нужно. Мясник зарделся, хотя Дамиан делал так не впервые.

— Ох, да бросьте вы! — начал было отказываться Махвич.

— Нет-нет, берите, — Дамиан сделал вид, что категорически против забирать купюры обратно. За это мясник всегда выдавал действительно лучшее мясо.

Попрощавшись с Махвичем, Дамиан направился дальше.

Вернувшись в квартиру с полными пакетами, Дамиан сложил все у входной двери в коридоре, затем вернулся на первый этаж к почтовым ящикам. Мимо слуги проскакали два пакостника, на ходу подразнив его писклявыми голосами.

— Пошли прочь, — процедил Дамиан сквозь зубы, злобно сверкнув глазами, — иначе сожру.

Малявки испуганно заверещали и бросились наутек.

В почтовом ящике нашлось несколько открыток от родственников Алана из разных стран, утренняя газета, конверты со стикерами на ноутбук, приглашение вечеринку со спиритическим сеансом. Дамиан повертел в руках приглашение.

От кухни юного господина.

Едва слуга снова переступил порог квартиры, то наткнулся на Алана, вырвавшегося с балкона и теперь испепелявшего слугу взглядом.

— Сколько раз мне повторять, что складывать покупки у двери некрасиво? — спросил подросток.

Пока язык не отвалится.

— Прошу прощения, этого больше не повторится, — Дамиан широко улыбнулся.

Алан вздрогнул.

— Не улыбайся так, клыки видно.

Дамиан сомкнул губы.

— Как скажете.

— Сделай чаю. А это что?

Алан увидел в руках у слуги прибывшие открытки.

— Почта.

— Дай сюда.

Он вытянул вперед правую руку, Дамиан вручил почту. Увидев конверт со стикерами, приехавшими быстрее, чем он ожидал, Алан немного повеселел.

— С чаем не затягивай, — буркнул подросток и укатил в свою спальню.

Дамиан постучался в комнату Алана спустя полчаса, держа в руке чашку с нарциссовым улуном. Никакого сахара, немного молока, перечная конфета на чайном блюдечке.

Разрешения войти не последовало. Слуга нахмурился, постучал еще раз. И еще.

— Войди, — донесся слабый голос.

Дамиан приоткрыл дверь.

— Ваш чай, — с улыбкой сказал слуга, поставив чашку на прикроватную тумбу.

Алан умудрился перебраться на постель и теперь лежал спиной к Дамиану. Открытки были разорваны, а их неприглядные остатки украсили свежечистый ковер.

— Во сколько подать обед? — любезно поинтересовался Дамиан, нацепив самую лучшую улыбку из всех имеющихся в запасе.

Всегда старался улыбаться при разговоре, потому что знал: если улыбаться, то голос приобретал совершенно другой оттенок. Люди это чувствовали и проникались симпатией.

Алан не ответил, лишь тяжело вздохнул.

— Господин? — вновь подал голос Дамиан, начиная раздражаться, однако улыбка никуда не делась.

Алан повернул к нему заплаканное лицо. В его руках лежало надорванное приглашение от кухни на вечер спиритизма.

— Мы давно не общались нормально, — прошептал он, протягивая слуге плотный лист бумаги, исписанный мелким аккуратным почерком.

Еще бы, кто же будет общаться с заносчивым сопляком?

— Возможно, подвернулся неплохой повод для семейного воссоединения? — вежливо спросил Дамиан, подсчитывая в уме сколько картофеля ему потребуется для супа.

Алан нахмурился, бросил приглашение на пол в ворох обрывков, отвернулся. Дамиан поднял приглашение, присел на краешек кровати.

— Это, конечно же, не мое дело, господин...

— Определенно не твое.

Дамиан сделал еще один вздох, подавляя желание растерзать гаденыша на куски, продолжил:

— Однако вам не приходило в голову, что вы бы могли и сами наладить общение, а не дожидаться, пока ваши еще живые близкие сделают первый шаг?

Алан тут же развернулся, сел на кровати. Судя по его взгляду, то Дамиану сейчас придется несладко, но он продолжил:

— Несомненно, я мало что смыслю в отношениях между людьми, вы можете злиться на меня, как всегда.

Алан сердито фыркнул, вытер слезы.

— Возможно, стоит пойти на уступки?

Подросток сердито раздувал ноздри, собираясь разразиться гневной тирадой. Дамиан протянул к нему руку, чтобы поправить воротник рубашки.

— Мне не нравятся твои перчатки, — Алан отодвинулся.

— Вам не нравится и когда я их снимаю.

Алан легонько щелкнул Дамиана по ладони.

— Сними их на сегодня.

Слуга стянул перчатки. Алан с отвращением смотрел на темные кисти рук, какие бывают у покойников. Черно-фиолетовые матовые ногти аккуратно подстрижены. Запястья окольцованы бурыми шрамами.

Дамиан поправил воротник рубашки господина, пригладил его непослушные темные волосы, завивающиеся в тугие кудри.

— Займись обедом, — буркнул Алан. — И сообщи кухне, что я приеду.

Дамиан кивнул, встал с кровати, подобрал обрывки открыток.

— Это невежливо, — заметил он. — Люди, приславшие их, будут ждать ответа.

Подросток потер глаза.

— Не твоя забота уже. Собери и положи в верхний ящик тумбочки.

Дамиан подчинился. Затем взбил подушки, чтобы Алан мог сесть и опереться на них спиной. Слуга вручил Алану блюдо с чашкой.

— Почему только одна конфета? — возмутился Алан, развернув угощение.

— Заболят зубы, если есть много сладкого, — приподняв брови, произнес Дамиан и повторил вопрос про обед, на что ему было сказано идти заниматься делами.

Закрыв дверь спальни снаружи, Дамиан крепко выругался.

— Не нравятся ему мои перчатки, видите ли, — проворчал он, ступая по коридору в сторону кухни.

Пока варился бульон, Дамиан прошел в кабинет матери Алана. Слуге не нравилось туда заходить, хотя его страсть к уборке заставляла делать это каждый день, чтобы не скапливалась пыль. Где-то в ящиках стола находилась старая записная книжка, в которую скрупулезно вносились все адреса и телефоны большого семейства. Легко сказать «сообщи, что я приеду» — нужно теперь отыскать телефон кухни.

Раскрыв толстенную записную книжку, из которой вываливались визитки, клочки бумаги с номерами с именами и без, Дамиан принялся искать нужную комбинацию цифр. Смартфоном Алан пользовался разве что для заказа разного хлама через интернет, но никак не для звонков,

и уж тем более не для ведения списка контактов. У него мрачнело лицо, если нужно было позвонить, а не отправить сообщение.

Слуга потер лоб.

Кажется, ее звали Илви. Он прекрасно помнил, как она выглядела (приезжала пару раз убедиться, что тетя действительно при смерти), ведь мать Алана была куда более дружелюбна, чем сын и поддерживала общение с семьей. Ну, дружелюбна, это, пожалуй, преувеличение. Осведомлена о выгоде, пожалуй.

Ага, вот и номер.

Снял трубку винтажного телефона с вращающимся диском.

— Добрый день, могу ли я услышать Илви? — спросил Дамиан, улыбнувшись невидимому собеседнику.

— Слушаю, — прошелестело в ответ.

— Ваш кузен получил приглашение и обязательно приедет.

На том конце провода явно растерялись.

— Буду рада его увидеть, — произнес голос, после недолгой паузы. — Он приедет один?

— Нет, в сопровождении слуги.

Кузина снова замолчала. Наверное, приглашения рассылала не она, а тот, кто так же как Дамиан сидел с записной книжкой, сверяя все адреса гостей, разнося открытки.

— Хорошо, — наконец донеслось из трубки. — Как он себя чувствует?

— О, просто превосходно.

Дамиан прямо-таки почувствовал, как у Илви внутренности сжались от злости. Она-то надеялась, что кузен при смерти, и все его состояние пойдет по рукам родственников.

— Жду с нетерпением.

Короткие гудки.

Слуга с некоторым удовлетворением повесил трубку. С нетерпением, как же. Захотелось посмотреть на перекошенное лицо Илви, когда она станет изображать радушие при виде Алана и клокотать внутри, как закипающий чайник.

Дамиан при готовке обычно включал небольшое радио на кухне, чтобы дело шло веселее. Конечно, никакого труда не составляло что-нибудь приготовить, в какой-то степени Дамиану даже нравилось возиться на кухне. Просто нужно было готовить так, как готовили люди. Требование Алана. Еда не должна появляться из ниоткуда, он и так не слишком просто привыкал к слуге, которого оставила после себя мать.

Слуга бросил в кипящий бульон нарезанный кубиками картофель. Из-за решетки вентиляции на него таращились любопытные огоньки — пакостники, блуждавшие от квартиры к квартире, периодически заглядывали в жилище Алана. Словно каждый раз проверяли на месте ли тот страшный и клыкастый.

Пакостники наводнили весь дом. Они приходили покормиться ссорами, криками, апатией, дурной атмосферой в квартирах. Дамиан не давал им подступиться к Алану, хотя эмоциональное состояние сопляка манило их как свет манил мотыльков.

— Я вас вижу! — рыкнул Дамиан и глаза его загорелись красным.

Пакостники запищали, а через секунду их и след простыл.

— У тебя что, глаза на затылке? — спросил Алан.

Дамиан обернулся. Подросток сидел в своем кресле позади него. Слуга не услышал, как он появился.

— К сожалению, нет, господин, — голос Дамиана тут же стал мягче. — Но это было бы весьма кстати. Вы что-то хотели?

Подросток насупился, промолчал.

— Суп еще не готов, но могу ускорить процесс.

Алан сморщился.

— Нет, делай нормально.

Из радиоприемника донесся веселый голос диктора, вещающий, что вся страна в предвкушении праздника.

Грибы томились в густом чесночном соусе в духовом шкафу.

— Вы могли меня позвать, не требовалось ехать сюда через всю квартиру, — Дамиан забросил в кастрюлю мелко нарезанный лук.

Подросток как-то давно подсказал, что если забросить лук в бульон, то суп выйдет вкуснее. С тех пор супы готовились именно таким образом.

— Хотел проконтролировать, — отрезал подросток, подъехав поближе к столу. Дамиан подавил ухмылку.

— Вам понравился чай? Госпожа Ионеско посоветовала взять именно этот, его недавно завезли в чайную лавку, — слуга попробовал сделать так, как делали люди: завести непринужденную беседу, когда молчать становилось неловко.

Дамиану было все равно, он пытался просто создать для Алана иллюзию, что тот общался с человеком. Сам слуга мог молчать сутками напролет.

Алан кивнул.

— Хотя бы чай ты научился заваривать нормально.

Дамиан принялся чистить морковь, представляя, что на терке он натирал не ее, а пальцы подростка.

— Омлет вам тоже нравился, — заметил слуга.

Алан хмыкнул.

— Первые раз двадцать.

— Сегодня одним омлетом не обошлось, однако есть вы отказались, причем совершенно безобразным образом, вывернув еду на ковер, — елеинным голосом напомнил Дамиан, даже не обратив на порез внимание.

— Ты пробуешь то, что ты готовишь?

Дамиан вытер черную каплю, выступившую на поверхности пальца, порез начал затягиваться.

— Естественно, господин. Проблема лишь в том, что я не питаюсь тем, что подаю вам. Не могу оценить вкус в полной мере.

— Ты либо кладешь мало соли, либо слишком много.

Дамиан стиснул зубы.

— Вы не говорили. Мне думалось, что все в порядке.

Он обернулся на Алана. Подросток сидел со скучающим видом.

— А, понимаю, — теперь ухмылку спрятать не удалось. — Вы пришли не контролировать, а поговорить, я прав?

Алан не смотрел в его сторону.

— Очень хорошо, что вы приняли приглашение кухни, — Дамиан вдруг вспомнил: люди любили похвалу, даже самую незначительную.

— Думаешь? — пробормотал Алан, исподлобья рассматривая прическу слуги.

— Вам пойдет на пользу общение с кем-то, кто больше похож на вас, чем с кем-то, похожим на меня.

Алан вновь сдвинул брови.

— Когда вы намереваетесь принять ванну? — поинтересовался слуга, включая конфорку, ставя на нее небольшую сковородку.

Плеснул в нее немного оливкового масла, достал из холодильника еще одну луковицу. В последний раз подросток полноценно купался два дня назад. Ванну Алан принимать отказы-

вался, потому что в прошлый раз Дамиан случайно ударил его спиной о бортик ванны, когда помогал выбраться. И слуга слишком усердно натирал Алана, попадая шампунем в глаза.

— Пока не буду в состоянии обойтись без посторонней помощи, — буркнул подросток.

Дамиан почистил луковицу, нарезал. Достал сладкий перец ярко-оранжевого цвета и перчик халапеньо, нарезал и их. Алану все его движения казались невероятно быстрыми.

— То есть мою вы принять не желаете? — слуга развернулся к нему.

Он дожидался, пока сковорода нагреется достаточно, чтобы начать обжаривать овощи.

Алан стыдливо отвел глаза, собравшись укатить обратно в свою спальню.

— Вы зря злитесь и стесняетесь, — равнодушно сказал Дамиан. — В мои задачи не входит причинение вам боли.

Подросток резко повернул коляску. На сковороде зашипело масло. Дамиан начал обжаривать лук.

— Тогда почему ты просто не свалишь отсюда? — сердито проклокотал Алан. — Мне надоело каждое утро просыпаться и знать, что ты находишься здесь!

У него дрогнул голос, опустилась голова.

— Осточертело засыпать, зная, что ты в соседней комнате или бродишь по квартире! Убирайся туда, откуда тебя позвала мать!

Алан всхлипнул, зашмыгал носом. Дамиан подошел к подростку вплотную, присел возле него на корточки. Их лица оказались так близко, что Алан невольно замолчал и замер, глотая слезы.

— Вы сдохнете. Просто сдохнете, — четко, размеренно прошептал слуга. — А я не получу обратно свой залог.

Дамиан поправил манжеты рубашки юного господина. Алан дернулся при виде рук слуги, на лице появилось выражение отвращения. Впрочем, Дамиана это совершенно не смутило, он вытер мокрые от слез щеки хозяина.

— И пока залога у меня нет, я сделаю все, чтобы вы продолжали жить. Даже не надейтесь, что я вас оставлю.

Дамиан распрямился, вернулся к плите, добавил к луку морковь, перцы. Таймер залился трелью. Пора доставать грибы.

После обеда Алан захотел спать.

Дамиан уложил его в кровать, сам же принялся за ежедневную уборку. В просторной квартире и так было очень чисто (за исключением комнаты Алана, что приводило слугу в бешенство), тем не менее, слуга просто не знал чем еще ему заняться. Страдал от скуки. Когда он прибирался на балконе, прилегающем к гостиной, его окликнула молодая девушка, отдыхающая на балконе соседней квартиры.

— Доброго дня! — воскликнула она, едва увидев Дамиана в резиновых перчатках, выносящего на балкон ведро с водой, чистящее средство, тканевые салфетки.

— Здравствуйте, — улыбнулся ей Дамиан.

Судя по тому, что выражение лица девушки не изменилось, клыков он ей не показал. Значит, не слишком широкая улыбка, в самый раз.

— Я недавно переехала в ваш дом и никого здесь пока не знаю, — девушка подошла поближе, чтобы лучше рассмотреть Дамиана.

Высокий, статный, широкоплечий, ладно сложенный. Девушку заинтересовал необычный цвет волос нового знакомого, как и холодные стальные глаза, которые резко контрастировали с мягкими чертами лица.

— Добро пожаловать, — выдал слуга заученную фразу, плеснул в ведро чистящее средство.

Едкий запах тут же ударил в ноздри соседки, но Дамиан ничего не ощутил. Девушка отшатнулась.

— Не слишком ли много вы налили? — поинтересовалась она, зажав нос пальцами.

— Разве?

Все равно, сколько средства он налил, главное, чтобы балкон сверкал. Не было большей радости на этом скучном этапе существования, чем все приводить в порядок. Дамиан частенько убирался в подъезде возле почтовых ящиков, если видел, что на полу лежали газеты или рекламные брошюры. Постельное белье менялось ежедневно. Пусть юный хозяин и препятствовал уборке в своей спальне, этот пункт выполнялся безоговорочно. Если Алан начинал возмущаться, Дамиан просто брал его на руки, относил в гостиную, усаживал на диван, где подросток сидел и ждал, пока слуга закончит. Стирка белья проводилась каждый вечер, после чего Дамиан отправлял вещи в сушилку, затевал глажку, складывал все в бельевого шкафа, помещал туда ароматное саше. Счета за воду и электричество выходили баснословными, правда, это мало заботило Алана: с наследством, доставшимся от матери, он мог хоть есть деньги на завтрак, обед и ужин.

— Мне кажется, что нужно добавлять чуть меньше, — сказала новая соседка. Дамиан согласно кивнул.

— Возможно, вы правы.

Мало кто мог удержаться от «мне кажется». «Мне кажется» преследовало Дамиана повсеместно. Почему люди не желали оставить «мне кажется» при себе, особенно в случаях, когда они обращались к тем, кого впервые видят? С дауркаями дела обстояли попроще: они почти не совали нос в чьи-то дела, кроме своих собственных. Правда, если совали, то это выходило боком вообще всем.

Дамиан не чувствовал запахов так, как чувствовали люди, однако он вывел для себя идеальную пропорцию чистящего средства, от которой не собирался отходить ни на шаг. В квартире можно есть с пола, даже в самой стерильной операционной не было так чисто.

— Почему вы не спросите как меня зовут и не представитесь сами? — девушка немедленно забыла про средство, вновь окинув взглядом слугу.

— О, прошу простить, задумался, — Дамиан намочил в ведре тканевую салфетку. — Как вас зовут?

Ее звали Адалин, она только-только закончила ремонт в квартире. Стены в спальне покрасила в лавандовый, который на закате давал приятную атмосферу в комнате. Дальше последовал рассказ об обустройстве кухни, слуга намывал балкон, невольно отключившись от потока речи.

Дамиана позабавило, что своего имени он назвать так и не успел.

Следующим днем, перед тем как начать собираться к кухне, Алан все же позволил слуге помочь с принятием ванны. Пока вода набиралась, подросток сидел возле ванны на изящных ножках, похожих на бронзовые звериные лапы, следя за тем, чтобы температура воды была нормальной.

— Добавь пену, — велел он Дамиану, который зашел со стопкой пушистых полотенец.

Одно для лица, другое для волос, третье для ног, четвертое для тела целиком, пятое для причинного места. Шестое слуга постелил на пол, чтобы вода не попала на коврик и кафель.

— Хватило бы и одного, — Алан посчитал полотенца.

Он был в довольно-таки хорошем настроении и почти не ворчал — наконец-то его начали устраивать кулинарные навыки слуги. На завтрак Дамиан приготовил кашу на молоке, добавил туда немного свежих ягод, на обед Алан согласился поесть вчерашнего супа. Он не хотел признавать это, но суп получился вполне вкусным.

Дамиан принес табуретку, на которую собирался посадить хозяина, пока будет вытирать его. Добавил в воду пену для ванн, закатал рукава рубашки, помог раздеться. Алан скукожился при виде рук слуги, но не так сильно, как от неприятной ткани перчаток. Дамиан искренне недоумевал, почему они не нравились, обычная ткань.

Слуга поднял Алана, будто хрустальную статуэтку, опустил его в воду, усадил поудобнее. Подросток вздохнул с облегчением.

— За целый день ты умудрился не облажаться, — произнес Алан, прикрывая глаза.

Дамиан потянулся за шампунем, скривив губы. Подросток задержал дыхание и окунулся в воду с головой, а когда вынырнул, Дамиан налил немного шампуня себе в ладонь, начал мыть ему волосы.

— Осторожно! — завопил Алан. — Не надо так сильно! Ты сейчас мне голову раздавишь!

— Прошу прощения, — с улыбкой произнес слуга. Он услышал хихиканье, поднял глаза к потолку.

На люстре сидел пакостник, но едва его заметили, он плюхнулся в раковину и исчез с негромким хлопком. Дамиан нахмурился.

Нагнали с каждым днем.

2

Алан придирчиво рассматривал себя в зеркале. Рубашка, которую выбрал слуга, ему категорически не нравилась, но не мог понять почему.

— Давай другую, — Алан начал расстегивать пуговицы, Дамиан его мягко остановил.

— Даже не думайте, — он отнял руки хозяина от рубашки, положил их на подлокотники кресла.

— Другую, — потребовал Алан.

— Ни в коем случае, — возразил слуга. — Ваши глаза не будут выглядеть так, как смотрятся с этой рубашкой.

Алан в сомнении закусил нижнюю губу. Он видел в своем отражении кого-то худощавого, нескладного и нелепого.

— Переоденься, — скомандовал Алан, поморщился: от Дамиана пахло корицей с апельсинами. К апельсинам примешивался запах яблок, горького миндаля. Подросток невольно сделал глубокий вдох и аромат защекотал ноздри.

— А лучше вымойся как следует, — юнец покатил к полке с обувью, чтобы выбрать подходящую пару.

Слуга снисходительно улыбнулся.

— Я бы с радостью, господин, но у меня не получится совсем избавиться от естественного запаха. Через время он снова появится.

— Думал, для тебя нормально пахнуть серой, — протянул Алан.

— Мне кажется, что такое благоухание больше подходит вам. Вы куда ближе к христианству, чем я.

— Следи за языком, — Алан погрозил Дамиану пальцем.

Слуга поклонился.

— Прошу простить мою дерзость, не смог удержаться.

Когда они ехали к кухне, Дамиан поглядывал на Алана в зеркало заднего вида.

Алан то смотрел в окно, сердито сдвинув густые брови к переносице, то рассматривал блестящие носки оксфордов. Дамиан категорически запретил надевать новенькие конверсы. Слуга, в общем-то, догадывался, что творилось в голове у подростка, но он лишь переключил радиостанцию, где в эфире играла более спокойная музыка, не начиная разговор.

Тут же раздался голос сзади:

— Верни.

Дамиан подчинился. Алану ведь плевать на песню, наверняка и не слышал ее толком. Возможно, он даже не слышал, что было включено радио.

Илви лично встречала каждого гостя у распахнутых дверей огромного особняка. Едва завидев, как Дамиан выходит из машины и достает из багажника сложенное кресло, сразу насупилась. Затем спохватилась, растянула губы в улыбке. Наблюдая за тем, как слуга раскладывает кресло, Илви пыталась вспомнить сколько Алану лет. В последний раз она видела его очень давно, еще ребенком, и тогда общение не сложилось. Характером Алан удался в мать, довольно беспринципную даму, для которой единственным предметом обожания являлся сын. Едкий, несносный мальчишка.

Дамиан помог выбраться хозяину из автомобиля, усадил его в кресло и подвез к Илви, которая беспрестанно теребила кольцо с рубином на безымянном пальце правой руки.

Слуга отметил про себя, что кухня господина изменилась. Цвет волос стал куда светлее, а талия сузилась.

Илви наклонилась и приобняла Алана за плечи. Вопреки ожиданиям слуги, ее лицо не перекосилось, приветствие прозвучало весьма радушно.

— Здравствуй, мой дорогой, — произнесла она, расцеловала Алана в обе щеки, оставив на них следы алой помады.

Дамиан выудил из нагрудного кармана пиджака белоснежный платок и вытер лицо господина.

— Рад видеть тебя, Илви, — смущаясь, сказал Алан. — Замечательно выглядишь.

Кузина просияла, бросила радостный взгляд на Дамиана и тут же вся ее радость улетучилась. Слуга улыбался, однако глаза его оставались холодными как лед. Он внимательно изучал лицо хозяйки вечера мертвым рыбьим взглядом. По спине Илви пробежали мурашки. Обычно она кокетничала с молодыми мужчинами, если не обнаруживала обручального кольца, они были весьма симпатичны и их возраст не превышал тридцати. Сейчас же Илви ощущала себя беспомощным олененком перед хищником.

— Дамиан, — Алан представил слугу и тот поклонился.

Хозяйка пригласила гостей в дом, где в просторной гостиной в мраморе, с лепниной, карнизами, картушами, мощными волютами, обилием позолоты, собрались почти все приглашенные. Шумно, многолюдно, крайне неуютно, несмотря на обилие роскоши. Дамиан тяжело вздохнул. Наглядный пример толстого кошелька и дурного вкуса.

Играл струнный квартет — музыканты во фраках и напудренных париках восседали на специально возведенном подиуме. Между гостей тут и там сновали пакостники, пританцовывая в такт мелодии. Для них здесь самый настоящий праздник. Мало того, что можно покормиться на месте, так еще и увязаться за кем-то из приглашенных.

— Не так уж плохо, да? — прошептал Алан.

— Да, кажется, ваши страхи оказались напрасными, — Дамиан смахнул с плеча подростка волосок.

Алан ухватил его за рукав.

— Хватит копать в моей голове.

Подросток отпихнул слугу, так сильно, как только мог. Дамиан поправил пиджак, пригладил волосы.

Зачем лезть в голову, у тебя же на лице все написано.

— Принеси попить, — буркнул Алан.

Дамиан кивнул, отправился искать официантов.

Увидев одного из них, Дамиан махнул ему рукой.

— Вино, шампанское? — заискивающе улыбаясь, предложил молодой человек.

— Что-нибудь безалкогольное? — слуга приподнял правую бровь, глядя на бокалы, на ножках которых разглядел отпечатки пальцев.

Отвратительно.

Молодой человек брезгливо сморщил нос.

— Впрочем, не нужно, спасибо, — Дамиан отошел от официанта, который в недоумении принялся рассматривать свой поднос и бокалы.

Дамиан озирался по сторонам. У дальней стены располагался длинный стол с закусками. Возле него собралась стайка гостей. Тучный седовласый мужчина то и дело отпускал сальные шутки. Все остальные натужно смеялись, вежливо похлопывали в ладоши, мол, какое остроумие. Сам мужчина не сводил глаз с глубокого декольте одной из гостей. Едва Дамиан приблизился к столу, как господин тут же переключил свое внимание на него: принялся завистливо буравить маленькими черными глазками, выглядывающими из-под тяжелых век. Женщины с неподдельным интересом рассматривали Дамиана с ног до головы, подолгу задерживая взгляды на лице. Когда слуга уйдет, гости станут перешептываться и хихикать, будто

смущенные школьницы, заостряя внимание на достоинствах фигуры слуги и на сером костюме, который эти самые достоинства выставлял в выгодном свете.

Дамиан вежливо поздоровался с гостями у стола, взял небольшую тарелку, на которую ловко набросал закуску, на случай если Алан проголодается. Пока слуга выбирал какой напиток прихватить для Алана, одна из женщин, робко поздоровалась с ним. Как бы невзначай оголила плечо, скинув с него палантин.

— Добрый вечер, — Дамиан бросил беглый взгляд на гостью.

Гостья заискивающе растягивала губы.

Он выбрал клюквенный морс, откланялся и направился обратно к Алану. Слуга видел его среди толпы, даже когда кресло господина полностью скрывалось из поля зрения.

— Почему так долго? — проворчал Алан, когда Дамиан приблизился.

Слуга подал стакан с морсом, подросток принялся жадно пить.

К Алану подошла Илви. Кровь с молоком, пышная, сбитая, вечно сидевшая на диетах и ей время от времени удавалось снизить вес, правда, потом не выдерживала. Сейчас она безмерно гордилась достигнутым результатом, и решила его выделить, втиснувшись в тугой корсет.

— Дамиан, не могли бы вы оставить нас наедине с братом? — Илви положила руки на плечи кузена.

— Не мог бы, — резко отчеканил Алан. — Он останется здесь. У меня нет от него секретов, как и у него от меня.

Илви сверкнула глазами. Дамиан ухмыльнулся. Он не прогадал насчет кузины господина. За ширмой доброжелательности скрывалась жажда наживы.

— Тетя обещала оставить мне одну очень важную книгу, — процедила Илви сквозь зубы. — Я хотела бы забрать ее.

— Столько времени минуло и вы только сейчас про нее вспомнили? — ввернул Дамиан.

— Времени прошло не так много. Вас явно стоит поучить манерам, если вы смеете влезать в разговор своего хозяина, — Илви смирила слугу уничижающим взглядом.

— Дамиан прав, — произнес Алан. — Почему ты раньше не приехала, чтобы забрать книгу?

— Забрала бы. Только твой цепной пес не пускал даже на порог, приходилось уезжать ни с чем.

— О, госпожа, — Дамиан оскалился. — Мне велели любой ценой охранять покой юного Алана, особенно после похорон. Неужели я могу ослушаться? Ведь тогда моей репутации придет конец. Захотят ли нанимать того, кто не очень-то хорошо исполняет обязанности?

Илви невольно поежилась: ей показалось, что в оскале мелькнули клыки.

— И что за книга, кстати? — опомнился Алан, ткнув Дамиана в бок, мол, хватит.

Но Илви не успела ответить, поскольку в гостиную вкатили огромный стол, в центре которого лежала уиджа — доска для спиритических сеансов, с нанесенным на нее алфавитом, цифрами от 1 до 9 и нулем, словами «да» и «нет». К ней прилагался указатель. Уиджа была достаточно большой, красивой, изготовленной из вишневого дерева.

Дамиан скептически приподнял правую бровь.

— Надо же, — он расстегнул пиджак.

Илви стянула короткие перчатки.

— Вы когда-нибудь бывали на спиритическом сеансе, Дамиан?

— Там, откуда я родом, с покойниками можно пообщаться напрямую.

Кузина Алана непонимающе захлопала глазами. Алан дернул слугу за рукав.

— Прекрати, — прошипел он.

В гостиную вошла невысокая женщина лет сорока с копной черных как смоль волос, массивными серьгами с жемчугом, оттягивающими мочки ушей. Облачена в довольно невзрачный брючный костюм, броский макияж странно сочетался со скромным нарядом.

— Доброго вам вечера, — прокаркала женщина, обращаясь ко всем присутствующим. — Пожалуйста, встаньте в круг.

Заинтересованные гости выполнили просьбу женщины.

— Меня зовут Рошин и сегодня я стану вашим проводником в мир мертвых, — понизив голос, так чтобы все начали прислушиваться, сказала она. — Свет!

Женщина хлопнула в ладоши, и верхний свет погас. Официанты впорхнули в гостиную с зажженными свечами, расставили стулья вокруг стола. Гости переглядывались, шептались. Кто-то стоял с недоверчивым выражением лица, мол, как же, мир мертвых. Илви выглядела невероятно довольной начинающимся представлением, надулась от гордости и важности.

Для Рошин внесли мягкое кресло с высокой спинкой, на котором восседало несколько пакостников. Она уселась в него, подтянула к себе доску уиджа, разложила вокруг доски кристаллы кварца, пока официанты расставляли на столе черные свечи.

— Сначала мы подготовимся, — Рошин положила руки на доску, сделала глубокий вдох, прикрыла глаза.

Дамиан смотрел на пакостников, которые вдруг полезли изо всех щелей и стали по-хозяйски рассаживаться прямо на столе.

Кто-то из малявок наконец заметил Дамиана и они бросились врассыпную. Те, что сидели на кресле, даже и не подумали удирать.

Рошин пригласила нескольких добровольцев занять места за столом. Какое-то время они якобы общались с духом умершей бабушки рыжеволосого юноши, сидевшего ближе всего к Рошин. Алан внимательно следил за процессом, Дамиан откровенно скучал, потому что видел, как пакостники вернулись на стол и именно они пинали указатель. Скука постепенно сошла на нет, когда Дамиан заметил, что в гостиную, несмотря на обилие свечей, пришла густая темнота.

Слуга нахмурился.

— Не желаете ли подышать свежим воздухом? — поинтересовался Дамиан, нагнувшись к подростку, сам тем временем осторожно отогнул его воротник.

На шее Алана красовался кожаный шнурок. Надел, это славно.

Дамиан немного успокоился. Алан мотнул головой. Слуга поправил воротник юного господина и принялся наблюдать дальше, готовясь в любой момент среагировать.

Всласть наговорившись с «духом», Рошин предложила пообщаться с кем-нибудь еще. В ту же секунду темнота доползла до свечей и некоторые погасли.

Внезапно Алан громко сказал:

— Я хочу поговорить с матерью.

Гости как-то притихли, некоторые из них с интересом смотрели на подростка.

— Не самая хорошая затея, — Дамиан предостерегающе положил руку на плечо Алана, но тот сбросил ее.

Слуга обвел взглядом гостиную еще раз. Что-то казалось ему странным, однако он никак не мог понять что именно настораживало.

Алан подкатил к столу в инвалидном кресле, официант освободил место, убрав один из стульев. Пакостники захихикали, потирая корявые лапки. Дамиан последовал за господином, сел за стол. Едва взглянув на его недовольное лицо, пакостники хотели было разбежаться. Однако их словно что-то останавливало — они не решались больше прыгивать на пол.

Слуга бросил случайный взгляд на гостей, находившихся за спиной подростка и увидел, что в дверном проеме стоял кто-то темный, а за ним разливался сине-зеленый мрак. Не разглядеть толком лица, одежд, только горели лихорадочным огнем два глаза. Так же горели глаза матери Алана, когда она составляла договор с Дамианом.

Он едва заметно улыбнулся.

Конечно же, это существо не являлось матерью Алана, оно пришло не само по себе, а увязалось за Рошин. Потому пакостники, обитающие в доме Илви, боялись его.

Чужак.

Дамиан внимательно смотрел на лицо медиума, подернутое тонкими морщинками. Слуга сидел, подперев голову рукой. Существо пока его не замечало, оно медленно двигалось в сторону Рошин, пробираясь через гостей. Люди ничего не видели, но чувствовали. Им становилось немного холодно, начинало подташнивать.

Дамиан откинулся на спинку стула. Что же натворила Рошин, если такое создание бродит за ней по пятам?

Медиум словно услышала его мысли, посмотрела на слугу исподлобья.

— Как звали вашу маму? — прощепетала Рошин, не сводя глаз с Дамиана.

Существо как будто чего-то выжидало. Дамиану не понравилось, что оно остановилось довольно близко с Аланом, потому молодой человек встал за спиной у хозяина. Подросток велел ему сесть обратно, слуга ответил отказом.

— Немедленно сядь, — чуть повысив голос, приказал Алан.

Дамиан проигнорировал слова господина.

— Оглох? — прошипел Алан, чувствуя, что на них глазели. Слуга упрямылся.

Чертыхнувшись, подросток повернулся к Рошин.

— Ева.

Медиум потеряла ладони, положила их на доску уиджа. Картинно закатила глаза, запрокинув голову назад. Существо, стоящее чуть поодаль, вытянуло вперед свои черные руки и, неуклюже переваливаясь с ноги на ногу, поковыляло к креслу. Дамиан вытащил платок и прикрыл нос. Запаха чистящего средства он не ощущал, зато вонь от таких созданий была вполне себе явной. Как разогреть в микроволновой печи тухлое мясо вместе с гниющей рыбой. Из люра эту тварь вытащила что ли?

Неужели ходок и пользуется своей способностью, чтобы развлекать людей на сеансах?

— Ева, — Рошин сделала глубокий вдох.

Существо, наконец, дошло до кресла, ухватило за спинку. Пакостники с визгом разбежались кто куда. Дамиан с любопытством смотрел на то, как создание водрузило руки со скрюченными пальцами на подлокотник. Рошин даже бровью не повела.

Как только Рошин начала в хаотичном порядке водить указателем по буквам на доске уиджа, существо издало странный хрип, сделало еще пару шагов вперед, сцапало руки Рошин, утробно зарычало. Дамиан презрительно вздернул правую бровь. Что оно хочет?

Существо выхватило указатель и взревело.

Дамиан резко нагнулся к Алану, подхватил его на руки.

— Что ты делаешь?! — завопил Алан.

Слуга лишь тихо произнес:

— Пожалуйста, обхватите меня покрепче, я не хочу, чтобы вы упали.

Он отпрыгнул от стола с юным господином на руках, как раз в тот момент, когда существо вгрызлось в шею Рошин и кровь брызнула на стол. Алан ошарашенно смотрел на то, как гости, ближе всего находившиеся к столу, с воплями бросились к выходу.

— Ч-что... — выдавил из себя Алан, крепко сжав шею Дамиана.

Тот немного поморщился.

— Нам пора, — слуга закрыл ладонью глаза Алану.

— Нет! — отчаянно выпалил Алан, отбрасывая его руку. — Убей эту мразь! Она всех тут сожрет!

Алан искал глазами Илви. Существо забралось на стол. Оно стало передвигаться куда быстрее, после того, как выгрызло горло медиуму. Широко распахнутые глаза Рошин смотрели прямо на Дамиана, кровь заливала ковер.

— В мои обязанности входит обеспечение только вашей безопасности, — отрезал Дамиан, повысив голос, чтобы перекрыть вопли гостей.

Алан вцепился в воротник его рубашки.

— Если не сделаешь так, как я тебе велю, клянусь, что расколочу твой турмалин!

— Вы не сможете этого сделать...

— Хватит!

Алан вмазал слуге пощечину.

— Это приказ!

Он снял с шеи кожаный шнурок, из-под рубашки показался черный турмалин грубой огранки.

Радужка глаз Дамиана стала алой, а склера почернела. Алан надел незамысловатое украшение на слугу. Тот клацнул зубами, ослабился, осторожно посадил на пол господина, неторопливо снял пиджак, закатал рукава, стянул перчатки.

— Скорее! — Алан нигде не видел Илви.

Он закусил губу, и рот наполнился солоноватым вкусом. Прокусил до крови.

— Не стоит так переживать, — ласково сказал Дамиан.

Глаза слуги стали похожими на две засасывающих воронки, где бесновался вихрь. Тень его удлинилась. Алан вдруг ощутил, как время замедлило ход. Крики гостей стали приглушенными. Гости превращались в статуи с лицами, перекошенными от страха.

Дамиан приблизился к столу, на котором восседало существо и что-то жевало. Алана затошнило: оно оторвало пальцы медиуму и пока пережевывало их, высматривало кого бы еще сожрать.

— Отвратительно, — пробормотал Дамиан, брезгливо приподняв правый уголок рта.

Существо, глядя на него в упор, продолжало жевать, а затем прыгнуло на спину того самого мужчины, который веселил своими шутками дам у стола с закусками.

Алан увидел Илви. Она вжалась в стену у окна, наблюдая за происходящим с выпученными глазами.

Кожа Дамиана превратилась в черное серебро. Он вытянулся, стал шире в плечах. Турмалин на шее пылал огнем. Если коснуться, то можно прожечь пальцы до кости.

Кисти рук слуги почернели. Дамиан в мгновение ока очутился возле стонущего от боли седовласого шутника, которому уже отгрызли ухо. Слуга с легкостью оттащил шипящее существо от насмерть перепуганного мужчины, швырнул в сторону. Дамиан услышал как плачет Илви.

Она смотрела на слугу своего кузена и у нее леденело все внутри. Коленки дрожали от ужаса. Ей не было так страшно даже от осознания того, что в паре метров от нее клокотало от гнева нечто темное и жуткое. Илви зашла в рыданиях, тщетно пытаясь отвести взгляд от слуги, будто отлитого из драгоценного металла. Казалось, словно ее голова сейчас лопнет, сознание никак не хотело наладить разрушенную картину мира.

Дамиан посмотрел на нее, улыбнулся и кузина Алана завывала раненым зверем, попавшим в капкан. Девушка пыталась закрыть себе глаза руками, но они отказывались слушаться.

Существо ринулось к Илви. Дамиан встал у него на пути, поймал обеими руками.

Раздался треск.

Дамиан впился зубами в шею существа и оторвал от нее кусок. Теперь, находясь в мире людей, создание стало как опасно, так и уязвимо: оно стало осязаемым. Создание сначала визжало, барахталось, чтобы оттолкнуть от себя Дамиана, потом немного обмякло и по мере того,

как Дамиан поедал его плоть, издавало звуки, похожие на рыдания. Затем захрипело, уже слабо отбиваясь.

Слуга зарычал, оторвал существу руки.

Илви всхлипывала и кому-то молилась о том, чтобы ее глаза стали незрячими, а уши перестали слышать.

Когда Дамиан закончил, он отбросил в сторону остатки существа. Целиком доедать не было смысла, самое главное расправиться с головой.

Илви рухнула на пол, беспрестанно шепотом успокаивая саму себя.

Дамиан подошел к Алану, вытащил из пиджака, лежащего рядом с ним, платок, вытер черную маслянистую жидкость с губ и подбородка.

— Рубашка безнадежно испорчена, — пробормотал он, убрал платок в карман брюк, нагнулся к Алану, чтобы взять его на руки, но юный господин отстранился.

— Не трогай меня, — прошептал он.

Подростка трясло. Дамиан вытер ладони о брюки, снова потянулся к Алану.

— Не трогай! — тот ударил его по рукам.

Щеки были мокрыми от слез. Слуга снял турмалин, повесил на шею Алана.

— Нам пора, — сказал Дамиан и поднял подростка с пола, игнорируя сопротивление.

Кожа слуги вернулась к привычному оттенку, глаза вновь приобрели стальной оттенок. Кисти рук так и остались полностью черными, Дамиан не придавал этому значения. Пройдет до утра.

Когда слуга взял Алана на руки, юный господин уткнулся лицом в его грудь, тихо заплакал. Худые плечи тряслись, а пальцы вцепились в рубашку, смердящую тухлятиной из-за крови существа.

Попрытавшиеся по углам пакостники высунули заостренные мордочки, переглядываясь друг с другом. Илви рыдала, свернувшись на полу клубком. Седовласый мужчина сидел с отсутствующим видом, прижимая руку к тому месту, где недавно было ухо.

— Увези меня отсюда, — приглушенно произнес Алан.

— Как скажете.

Дамиан усадил Алана в инвалидное кресло и покатил его прочь из гостиной.

Когда они только вернулись домой и Дамиан включал свет в комнатах, Алан, не говоря ни слова, направился в свою спальню. Услышав щелчок замка, слуга подошел к двери, деликатно постучался.

— Уйди, — произнес Алан севшим голосом.

— Вам нужно поужинать и искупаться перед тем, как отправляться спать, — сказал Дамиан.

— Отвали, — пробормотал Алан себе под нос, зная, что слуга прекрасно расслышал.

У подростка перед глазами стоял другой Дамиан, жуткий и хищный зверь из другого мира. Алана затошнило от воспоминаний минувшего приема. Он до сих пор ощущал запах. Едкий, отвратительный.

Алан снял с себя турмалин, со злостью швырнул его на пол. Камень блеснул красным и тут же потух. Стоявший за дверью Дамиан, поморщился. Удар камня об пол отозвался неприятным гулом в затылке. Что ж, если подопечный отказывается ужинать, пусть. Если раньше Дамиан бы разозлился, то теперь он просто направился в свою комнату, чтобы переодеться. Вечер выдался несколько утомительным даже для него. Едва включил свет в своей спальне, как замок на двери комнаты Алана щелкнул. Слуга выглянул в коридор.

— Все же хотите поесть? — поинтересовался Дамиан, снимая запонки.

Подросток сердито сопел.

— Что произошло на сеансе?

— А вы разве сами не видели?

Алан потребовал подойти к нему и наклониться. Как только слуга подчинился, юнец отвесил ему звонкую пощечину. Дамиан выпрямился. На щеке пылал отпечаток пятерни Алана.

— Погиб человек, бездушная ты мразь, — прошипел Алан. — Ты видел эту тварь до того, как ее увидели все, иначе бы не встал за моей спиной.

Глаза Алана защипало. Он поднял взгляд к потолку, чтобы не расплакаться снова. Дамиан снисходительно улыбнулся, убрал запонки в карман брюк, завернул манжеты, оголив запястья.

— Если хотите поплакать, то не нужно себя сдерживать. Конечно, я видел, — Дамиан смотрел в глаза Алана, наполненные слезами.

Подросток сделал глубокий вздох.

— Однако какой мне прок спасать всех, кто находился на сеансе, если меня заботите только вы?

Губы Дамиана растянулись в улыбке.

— Давайте вы прекратите упрямиться и все-таки поужинаете.

Он повез Алана в сторону кухни.

— Сначала смени рубашку, воняет, — буркнул подросток.

— Непременно.

Алан сам покати́л на кухню, Дамиан вернулся в свою спальню, пересек ее, оказавшись в небольшой ванной комнате, где, стоя перед зеркалом, снял испачканную рубашку. Слуга бросил ее на пол, умылся, намочил полотенце и смыл им черные следы на груди. Замер перед зеркалом, внимательно глядя на свое отражение. Волосы растрепались.

— Почему так долго? — проорал Алан с кухни.

Дамиан спохватился, поднял рубашку с пола, вернулся в спальню, достал из шкафа ту, которую обычно носил дома. Нет, она не порвана или в пятнах (такого Дамиан не смог бы допустить). Просто ее не жалко. Рубашку с сеанса Дамиан бросил в урну, как только вошел в кухню.

— Чего вы хотите? — спросил слуга, открывая холодильник.

— Сделай чаю.

Дамиан покорно кивнул. Пока кипятилась вода, слуга решил разогреть яблочный штрудель, который испек прошлой ночью, маясь от безделья.

— Расскажи про то существо, — попросил Алан.

Дамиан пожал плечами.

— Обычный паразит из люра.

Алан взял бумажную салфетку с подставки на столе, начал жамкать руками.

— Правда, сами они не могут проникнуть сюда. Нужен проводник. Ходок, — продолжил Дамиан. — Ходоки открывают Двери между мирами, могут бродить в люре, междумирье.

Алан порвал салфетку.

— Почему ты его увидел до того, как он убил медиума?

— Потому что вы — человек.

Алан достал из шкафчика коробку с чаем, из другого — любимую чашку Алана с дурацкой надписью, которая корби́ла Дамиана.

— Видимо, Рошин хотела поразить присутствующих своими способностями, но система дала сбой. Она, вероятно, открыла Дверь с помощью уиджа. Возможно, это была не самая простая доска. Но о том, как все случилось на самом деле, мы можем только догадываться, — Дамиан положил в чашку две ложки сахара.

Даже если юный господин ел что-то сладкое с чаем, он настаивал на сахаре.

— Уиджа? — Алан внимательно следил за действиями слуги.

Дамиан кивнул.

— Существует множество опасных артефактов, разбросанных в мире людей и за его пределами. Например, черная карточная колода госпожи Таубе, с ее помощью можно призывать чудовищ из люра. Книга, которая помогла вашей матери связаться со мной, — слуга достал из холодильника упаковку молока.

Подросток тихо засмеялся.

— Ты такой всезнающий и при этом я слышу от тебя только «возможно» и «видимо».

— Всезнающий у нас вы, — Дамиан учтиво улыбнулся. — Я простой слуга, и никак не могу знать всего.

Юнец стиснул зубы.

Вода вскипела. Слуга насыпал немного чая в пузатый чайник для заварки, залил кипятком.

— Нет, нет! — воскликнул Алан. — О, Верховные, я только начал думать, что ты научился правильно делать чай!

Дамиан с невозмутимым видом налил молока в чашку, дождался пока настоится чай, следом добавил и его. Затем вытащил из духового шкафа румяный штрудель. По кухне поплыл запах печеных яблок, миндаля. Дамиан выложил лакомство на тарелку, нарезал.

Когда Алан отправил в рот первый кусок штруделя, все еще ругаясь из-за напрасно потраченного чая, он замер.

— Что-то не так? — поинтересовался слуга.

Он знал, что со штруделем все прекрасно, что он таял во рту. Это не рулет, это самый настоящий летний вечер с чашкой чая на побережье, когда воздух полнится белыми лепестками цветущих яблонь, когда обжигает ступни горячим песком, горечью дыма костров. Когда золотой солнечный диск медленно опускается в ласковые волны моря и если подставить под нужным углом чашку, прищуриться, то солнце упадет в нее, а вовсе не в пучину.

Алан осушил чашку, впервые не высказав недовольства.

Чужие глаза (настоящее)

1

— Разрешешь присоединиться к тебе на прогулке? — послышался голос Шимуса, который заглянул в комнату, утопающую в полумраке.

Олави расплылся в улыбке. Он как раз натягивал забавные полосатые носки, только о полосках юноша знал лишь со слов женщины, которая эти самые носки купила.

— Конечно, зачем спрашиваешь? — воскликнул Олави, закончил с носками и теперь на ощупь искал футболку на кровати.

Шимус вошел в спальню — Олави понял это по тихому, шуршащему звуку, когда ворс ковра приминался под ногами. Также он услышал, что Шимус споткнулся о трость.

— Осторожно, — Олави улыбнулся.

Кровать продавилась под весом пришедшего — это приятель сел рядом. Холодные пальцы вручили футболку.

— Я бы и сам, — тихо сказал Олави, понутив голову.

Его кожа была настолько белой, что отливала синевой, а в полумраке и вовсе выглядела так, словно он утопленник.

— Знаю, — прошелестел Шимус.

Юноша повернулся на звук его голоса, невидяще уставился молочно-голубыми глазами на нос Шимуса.

— Где ты планировал погулять сегодня? — спросил голос, Олави пожал плечами.

— Сделать несколько кругов по саду, посидеть на скамейке, возможно, сгонять за мороженым. Мама попросила далеко не уходить, потому что она отлучилась по делам и похоже, тебе придется за мной присматривать, — затараторил Олави.

Он нагнулся, чтобы дотянуться до кед, Шимус несколько опередил его и поставил кеды поближе к кровати.

— За мороженым я могу и сам сходить, — Шимус похлопал по карманам, чтобы проверить в котором из них лежал кошелек.

— Сходим вместе, тут недалеко, — когда кеды были зашнурованы, слепой натянул свитер поверх футболки. — Поможешь спуститься по лестнице?

Шимус кивнул, забыв про то, что Олави не видел его. Однако слепой понял, что ему кивнули по едва уловимому звону серёжек, которые украшали левое ухо Шимуса.

Олави пригладил торчащие в стороны черные волосы, ловким движением собрал их в хвост на затылке.

— Тебе разве не нужно сегодня работать? — поинтересовался он.

— Нет настроения, а без настроения работа не заладится, — был ему ответ. — Лучше с тобой поброжу.

Слепой встал с кровати, ловко подхватил трость и легкую куртку, отточенным движением погасил лампу на прикроватной тумбе. Он не видел теплого, мягкого света, но все равно включал ее. Спальню полностью залило темнотой.

Внизу работало радио. Вечерний выпуск новостей.

Где-то вдалеке господин Медведь и господин Кот яростно спорили о том, кто из них сжульничал при игре в карты в позапрошлом месяце. Шимус подумал, что по голосам Олави, наверное, представлял их сварливыми бородатыми стариками с лицами, похожими на печеные

яблоки, однако на самом деле все дело было лишь в злоупотреблении табаком и огрубевших голосовых связках.

— Добрый вечер, Олави, — юноша услышал госпожу Соловей, завертел головой.

Его плеча коснулись мягкие пухлые пальцы.

— Я здесь, милый, — голос оказался совсем рядом, как и запах сладкой ванили.

— Здравствуйте, — Олави кивнул, протянув к ней руку.

Мадам Соловей с удовольствием пожала ее, похлопала Олави по плечу, вежливо поздоровалась с Шимусом и проплыла душистым облаком к лестнице. Ее комната располагалась на самом верхнем этаже.

— Мамы не видно? — спросил Олави.

Шимус мотнул головой:

— Вроде бы нет.

По радио начиналась музыкальная передача, в рамках которой обычно крутили хиты прошлых лет. На Олави дохнуло прохладой, запахом сигарет и каштанов — это открылась входная дверь.

— Привет, молодежь, — проскрипел господин Черноволк.

В фойе запахло еще и жареной курицей, запеченной картошкой, луком и чесноком.

— Добрый вечер, — Олави повернулся на голос. — Как ваши дела?

— Вполне себе, — господин Черноволк расстегивал пальто одной рукой, поскольку в другой он держал пакет с только что купленной едой в кафе через дорогу от гостиницы.

Олави частенько туда заходил, его хорошо знали все официанты, а хозяин сделал специальное меню со шрифтом Брайля.

— А ваши? Куда собрались? — господин Черноволк снял шляпу, посмотрелся в зеркало, висевшее возле стойки портье. Обширная лысина, старательно спрятанная за зачесанными на нее седеющими волосами. Густые брови, сурово сдвинутые к переносице, хотя он каждый раз обещал себе перестать хмуриться. Черноволк зажал шляпу между коленями, плюнул на ладонь, пригладил волосы, открывающие миру его не самый приятный, зато блестящий, будто отполированный, недостаток.

— Хотим прогуляться в саду, — ответил Олави. — Возможно, сходим за мороженым. А дела хорошо, спасибо.

Господин Черноволк недовольно крикнул, глядя, как волосы вернулись на прежнее место, примятые шляпой.

— Сдурели, ребята? Там холод, а вы мороженое собрались есть!

— Самое то, — Олави полез в карман джинсов, проверить на месте ли мобильный телефон.

Обычный, кнопочный, с поцарапанным корпусом. Черноволк перевел взгляд со своей лысины на Шимуса, который носил новомодную стрижку с выбритыми висками и затылком. Черноволк невольно покачал головой. Густые какие, ни намек на проплешины, и добровольно еще сбивает! Что за дела, Черноволк же совсем не стар, почему быстро облысел?

На улице оказалось не так холодно, как можно было подумать по словам господина Черноволка. Шимус и Олави сделали несколько кругов по саду, затем отправились за мягким мороженым.

На город плавно опускались фиолетовые сумерки. В их глубине вспыхивали золотые звезды уличных фонарей и окон. Окна гостевого дома тоже загорелись, частично осветив сад.

— Хочешь попробовать мое мороженое? — спросил Шимус.

Олави покачал головой.

— Нет, спасибо.

Их вечера практически всегда проходили именно так. Шимус заглядывал в комнату товарища, помогал спуститься на первый этаж. Молодой человек жил в гостевом доме уже месяц. В

его собственной квартире шел ремонт, вот Шимус и решил не отягощать своим присутствием сестру и родителей, а просто подыскал подходящее место на время ремонтных работ. Владелец дома оказалась приятная полноватая женщина с короткой стрижкой под мальчика. Госпожа Краснолис. Она красила волосы в вишневый, старалась модно одеваться и разъезжала по городку на небольшой машине бирюзового цвета. Шимус немного завидовал тому, как удачно и успешно она все обустроила в месте его временного пристанища, завидовал тому, как она общалась с единственным сыном, славным Олави, который, к сожалению, был слеп от рождения. Впрочем, самого Олави слепота ни капли не расстраивала, он прекрасно обходился без помощи посторонних, однако с удовольствием принимал помощь Шимуса.

— Я так жду, когда смогу увидеть тебя, — произнес Олави, растягивая слова, а потом облизал ложку.

Шимус замер.

— Это возможно? — осторожно прошептал он, у которого от волнения сел голос. Шимус всем своим сердцем желал другу обрести зрение. Олави же, вместо ответа, улыбнулся, думая, что мороженое абсолютно безвкусное, однако текстура очень даже приятная.

— Как ты спал сегодня? — спросил он, прислушиваясь к звукам вокруг.

Шимус пожал плечами.

— Кошмары, как обычно.

Он замялся.

— А тебе снятся сны?

— Никогда, — сказал Олави, зачерпывая еще мороженого. — Что за кошмары?

— Ты будешь смеяться, но каждую ночь мне не дают покоя мертвые.

Олави улыбнулся.

— А наяву ты их видишь?

Шимус не хотел сойти за сумасшедшего, потому мотнул головой, зная, что товарищ не увидит.

— Что еще видишь? — любопытствовал Олави.

— Упущенные возможности, — пробормотал Шимус и собеседник звонко рассмеялся.

— И какие они, твои мертвецы?

Шимус понурил голову.

— Беспокойные, иногда агрессивные, чаще молчаливые. Смотрят на меня, никак не реагируя. Словно не они пришли ко мне, а я к ним, стою себе перед самым их носом посреди мертвячих владений, и если они будут сохранять тишину, игнорировать, то я просто исчезну.

— И тебе не страшно?

Шимус не знал что ответить. Врать, что, мол, ни капли не страшно, не хотелось. Ответ пришел сам собой.

— Мне кажется, они приходят за сочувствием и за помощью в неоконченных делах. Правда, редко рассказывают о том, что их привело.

У Шимуса мурашки по спине побежали. Конечно же страшно, страшно так, что ноги сводило, язык прилипал к нёбу, с трудом можно было хоть какой-то звук из себя выдавить.

— Мне бы твои глаза, — мечтательно произнес Олави.

Шимус нервно улыбнулся, разглядывая профиль приятеля, пока еще четко выделяющийся в ступающей темноте.

Госпожа Краснолис вернулась лишь на другой день, глубоко за полночь, когда практически все в гостевом доме уже легли спать. Выходя из машины, она воровато оглядывалась по сторонам. Вроде никого. В окнах, которые смотрели на парковочную площадку перед домом, не было света. Женщина подошла к задней дверце автомобиля, распахнула. На сиденье полулежала молодая девушка в коротком красном платье. Она чем-то напоминала британскую модель

Твигги. Такие же огромные глаза с поволокой, с опухшими ресницами, короткая стрижка на светлые волосы. От нее сильно пахло алкоголем.

Краснолис покачала головой. Стойкая. Напоить оказалось сложновато.

— Мы приехали? — икнула девушка, попыталась самостоятельно выбраться из машины.

Краснолис ласково остановила ее:

— Нет, подожди, Лу, я помогу.

Лу, назвавшаяся в баре Лоллапалузой, но затем предложила более короткий вариант имени, хихикнула, пододвинулась ближе к выходу. Женщина подала ей руку. Чтобы дойти до гостиницы, ей пришлось опираться на Краснолис.

Девушка едва держалась на ногах. Алкогольное опьянение вкупе с высоченными каблучками не самая хорошая штука. Госпожа Краснолис крепко держала Лу и та была ей безмерно благодарна, поскольку ее шатало из стороны в сторону. Девушка надеялась, что утром ничего не вспомнит. Она пила как не в себя, отплясывала на сцене и даже попыталась забраться на стойку, но охрана и новая знакомая не позволили сделать этого.

Коридор на втором этаже закончился дверью белого цвета. Краснолис дважды постучалась.

— Войдите.

В небольшой спальне патефон крутил виниловую пластинку. Кровать стояла у всегда завешенного окна. Напротив кровати примостился небольшой стол с гримерным зеркалом, возле него находился шкаф с одеждой. Рядом с кроватью — тумбочка с прислоненной к ней тростью.

— Симпатично, — нараспев произнесла Лу.

Ей хотелось присесть и, кое-как доковыляв до кровати, она с размаху села возле ног Олави, который лежал под лоскутным покрывалом. Лу нащупала его ноги, и Олави повернулся к ней.

— Какой хорошенький! — выпалила девушка.

— И где ты только таких находишь? — пробормотал Олави, потянув носом воздух, явственно ощущая терпкий запах алкоголя.

— Я ищу помоложе, чтобы глаза служили дольше, — отчеканила Краснолис, скрестив руки на груди и прислонившись к дверному косяку.

Олави не торопился вылезать из-под покрывала. Он протянул руку к Лу, наощупь добрался до её шеи, затем коснулся бархатистой щеки.

— Милая, скажи-ка мне, — понизив голос до шепота, Олави обратился к девушке.

Та завороченно разглядывала его лицо.

— Что?

— Давно ли ты видела мертвецов?

Миловидное личико исказилось от страха. Опьянение уступало место трезвости.

— Не понимаю...

— Мертвецы, — юноша выбрался из-под покрывала полностью, сел на кровати.

Краснолис закатила глаза.

— Чего ты возишься? Каждый раз одно и то же!

Олави проигнорировал сказанное, продолжая гладить девушку по щеке.

— В последний раз видела позавчера.

У Лу по щекам потекли слезы. Олави вытер их.

— Ну-ну, зачем так расстраиваться?

Девушка всхлипнула, а Краснолис недовольно цокнула языком.

— Его сбила машина и он стоял над своим телом, когда я проезжала мимо. У него была наполовину раздавлена голова и ошметки мозга разметало по проезжей части, — Лу била мелкая дрожь. — Почему я вообще их вижу? Вижу постоянно, устала...

— Замечательно, — восторженно прошептал Олави. — Хочешь чаю?

Он повел рукой в сторону Краснолис. Женщина выпрямилась.

— Не отказалась бы, — девушка выдавила грустную улыбку.

Ей было так хорошо и спокойно находиться в маленькой комнатке. Складывалось такое ощущение, будто ее привезли домой.

— Вот как славно, — Олави улыбнулся, игриво щелкнул гостью по кончику носа.

Краснолис пробубнила:

— Сейчас вернусь.

И вышла в коридор.

— А видишь кого-нибудь в этой комнате, кроме меня? — Олави приблизился к Лу вплотную.

От него пахло дикой малиной, злым мускусом, соленым морским воздухом. Она мотнула головой.

— В чем смысл этих вопросов? Мне сказали, что тут вечер продолжится...

Девушка не успела закончить, потому что Олави ухватил ее за горло, повалил на кровать, а сам сел сверху. Она даже не успела закричать.

— Всегда хотел карие попробовать.

Его тонкие пальцы вытащили молочно-голубой глаз из правой глазницы и отбросили куда-то на ковер, затем левый. Лу хотела завизжать, но не смогла — Олави вцепился в шею так, что даже вздохнуть было невозможно. Она лишь судорожно открывала и закрывала рот. От страшного испуга девушка почти не почувствовала, как лишилась правого глаза. Когда Олави забрал и левый, то встал с кровати, подошел к зеркалу, не размыкая век. Он страшился этого момента — увидеть себя чужими глазами. Потому зеркала были ему ненавистны, особенно в те минуты, когда глаза постепенно становились непригодны и черты лица размывались или искажались до неузнаваемости. Лу в этот момент тихо плакала у него за спиной, размазывая по лицу кровь. Плач постепенно превращался в нарастающий вой, но Олави не обращал это внимания.

Он открыл глаза.

Из отражения смотрел худощавый юноша с длинными черными волосами. Карие глаза. На щеках совсем немного черной крови. Со временем Олави неплохо приурочился отбирать глаза быстро и почти безболезненно, как для донора, так и для себя самого. Олави повернулся к девушке, которая уже почти сползла на пол, мотая головой из стороны в сторону, прижав руки к лицу.

— Тихо, тихо, — Олави присел возле нее, обнял девушку за плечи.

Две пустых глазницы.

Юноша аккуратно коснулся подбородка несчастной, поцеловал ее в губы. Сердце Лу моментально остановилось, руки безвольно повисли вдоль тела. Издав тихий вздох, девушка обмякла и упала бы на ковер, если бы Олави не придерживал. За считанные секунды она превратилась в дряхлую старуху, юноша не размыкал поцелуй до того момента, пока Лу не стала иссушенной мумией. В следующий миг мумия рассыпалась прахом, оставив после себя на ковре красное платье, туфли на каблуках, нижнее белье и серую пыль. Олави потерял глаза. Чувствовалось легкое жжение. Пройдет. С человеческими так всегда.

Снова щелкнул замок. Показалась госпожа Краснолис.

— Ну что?

Юноша повернулся к ней. Краснолис приосанилась, вошла в спальню, увидев одежду на полу.

— Не затягивай в следующий раз, — Олави распрямился, подошел к шкафу, чтобы достать футболку. — И так ненадолго хватает, еще и ждать новые приходится.

— Их не так уж и просто найти, знаешь ли, — фыркнула Краснолис.

— Не поэтому ли ты получаешь вполне хорошую компенсацию за подобные хлопоты?

— Все равно не слишком-то легко, — Краснолис старалась не смотреть в новые глаза Олави, потому что при освещении в комнате они казались угольно-черными.

Юноша протянул руку к ее шее.

— Сколько тебе исполнилось на прошлой неделе?

Краснолис совсем поникла, дернувшись от прикосновения.

— Шестьдесят семь.

Олави подвел женщину к зеркалу, встал позади нее.

— На сколько ты выглядишь?

Краснолис можно было бы дать лет сорок, не больше. Женщина прикусила язык, опасаясь встречаться взглядом с безмятежными глазами Олави и видеть его легкую полуулыбку. Вот чем он пугал. Олави всегда улыбался.

Юноша развернул Краснолис к себе.

— Еще раз, — прошептал он, — не затягивай. Это не только против меня работает.

Олави поцеловал ее, как недавно целовал девушку в красном. Губы обожгло так, что Краснолис на мгновение даже задержала дыхание. Когда поцелуй закончился, Олави облизнулся, снова повернул женщину к зеркалу. На сей раз рядом с ним стояла миниатюрная молодая особа с модной короткой стрижкой под мальчика и волосами вишневого цвета.

— Ты меня поняла?

Краснолис приблизилась к зеркальной поверхности, бесстыдно поправила налившуюся упругую грудь, повернулась боком, чтобы как следует полюбоваться подтянувшимися ягодичками.

— Где мне лучше искать? — прочирикала Краснолис, любуясь безупречной кожей.

Морщин как не бывало.

— Сама думай, — Олави мягко подтолкнул Краснолис к выходу.

— Сама?

Уходить она никуда не торопилась. Уперла руки в бока, нагло задрала подбородок. Побочный эффект. Молодея, она становилась безрассудной.

— Да, самостоятельно, не привлекая меня, — лениво протянул Олави. — Я, вроде бы, изъясняюсь на твоём родном языке или же ты плохо понимаешь?

Краснолис закусила нижнюю губу.

— Пройдись не только по барам, по оккультным магазинам, как это было в прошлый раз, — Олави поднял с ковра платье.

По выражению лица Краснолис он понял, что ей не понравился тон.

— Оставь меня, пожалуйста, — юноша бросил платье в корзину для грязного белья, стоявшую за дверью.

— Но...

— Иди, — Олави опустился на кровать, откинулся назад.

Краснолис еще с минуту или даже больше стояла, разглядывая худое лицо. Олави не поменяется и по прошествии тысячи лет, а ее тело дряхлело, даже если подпитка происходила регулярно.

— Доброй ночи, — тихо сказала она, взявшись за дверную ручку.

Олави не ответил. Он разглядывал потолок, надеясь, что совсем скоро игра в сына и мать закончится. Юноша поднял руки, внимательно глядя на кисти.

Лучше бы их отрубили, а не глаза отняли.

Шимус в который раз просыпался от дурного сна.

Он сидел на краю кровати, тяжело дыша. Постельное белье промокло насквозь от холодного пота. В углу за дверью кто-то стоял. Видно лишь босые ноги, перепачканные землей и сине-зеленое мерцание.

— Пошел прочь, — выдавил из себя Шимус.

Пришедший издал низкий протяжный гул, похожий на завывание ветра в печной трубе. Шимуса затошнило от подкатившего к горлу ужаса. Молодой человек прикрыл глаза, положил ладонь на лоб, попытавшись успокоиться.

Он видел мертвецов с того момента, как пережил клиническую смерть после аварии, в которой погиб отец. Во снах и наяву, но в последнее время покойники будто бы подбирались ближе. Раньше они могли стоять под окнами, всю ночь напролет выкрикивая его имя или выли, словно раненные звери. Потом стали появляться внутри дома, встречаться на улицах.

Шимус встал, включил настольную лампу. Свет не потревожил незваного гостя, он так и не сдвинулся с места. Шимус надел толстовку, влез в спортивные штаны, достал из тумбочки носки. Из тайника в шкафу, молодой человек вытащил зажигалку и сигареты. Вообще-то он пытался бросить, однако такие визиты выбивали из колеи. Спать ночью невозможно, отсыпался днем. Олави часто спрашивал почему голос Шимуса звучал устало, и Шимус даже не мог убедительно солгать. Хотелось кричать о страхе, который терзал, приходил в кошмарах, таился в каждом темном углу, но отпугивать единственного на данный момент друга не имелось никакого желания.

Проходя мимо резных дверей, за которыми спали постояльцы, минуя лестницу, Шимус обматывал шею шарфом. Вечером было просто прохладно, теперь могло оказаться по-настоящему холодно. Мимо него пробегали маленькие черные существа с острыми мордочками и ушками торчком на миниатюрных головах. Шимус их не боялся. Эти малявки напоминали ему домашних животных, по умолчанию обосновавшихся в каждом доме и заведении. Действительно, куда бы он не пришел, малявки тут как тут: сидели на плечах у людей, раскачивались на занавесках, болтали ножками, свесив их с люстры.

Стоя на улице, возле главного входа в гостиницу, рядом со знаком, на котором была изображена перечеркнутая сигарета, Шимус смотрел в небо. Серо-синее, как шифоновые занавески в его номере. Поднял руку, в которой дымилась сигарета, прищурился и сделал вид, что прожигает дыру в небесном куполе. Улыбнулся луне, которая равнодушно взирала на него со своей высоты. Ему мерещились огромные киты, плывшие среди облаков и заглатывавшие звезды.

Шимус сел на ступеньки крыльца, поежился. Надо было не только шарф прихватить, но и куртку. Откуда-то из-за угла выпорхнула молодая девушка с короткой стрижкой. Шимус нахмурился, торопливо потушил сигарету. Незнакомка чуть ли не вприпрыжку бежала к одной из припаркованных машин.

Автомобиль госпожи Краснолис.

Шимус нахмурился, покачал головой. Это точно машина хозяйки гостиницы. Девушка что-то достала из кармана. Пискнула сигнализация. Откуда у нее ключи?

— Прошу прощения, — Шимус подошел вплотную к машине.

Девушка повернулась, и он обомлел.

— В чем дело? — недовольно протянула она. Вылитая госпожа Краснолис, только лет на двадцать моложе.

— Извините, — пробормотал Шимус, шагнув назад.

Девушка хмыкнула, села в машину и вскоре уехала, оставив парня наедине с неловкостью и сомнением в собственном ментальном здоровье. В общем-то, это сомнение имело место и раньше — неспроста же он видел покойников. Шимус выкурил еще одну сигарету, вернулся в свой номер, где покойника за дверью уже не было.

На следующий день, возле входной двери, Шимус обнаружил короткую записку, выведенную аккуратным почерком. В ней Олави сообщал, что уезжал на операцию, потому какое-то время его не будет в гостинице, как и матери, которая отправлялась с ним. Шимус на секунду отвлекся от бумажки, невольно вспомнив девушку у машины госпожи Краснолис, затем вернулся к чтению.

Олави просил дождаться его возвращения и сообщать как дела. В конце послания был указан новый номер телефона.

«Можешь звонить и писать сообщения, мне их прочитают вслух»

Шимус добавил указанный номер в список контактов. Как внезапно. Почему Олави не рассказал заранее об операции? Конечно, Олави дал намек на то, что вскоре он сможет увидеть лицо Шимуса, однако все было сказано вскользь, как бы между прочим.

В ванной перед зеркалом и с зубной щеткой в руке, Шимус внимательно посмотрел на свое отражение. Недостаток сна начал сказываться. Лицо осунулось, вокруг глаз темные круги. Кошмар.

— Солнце давно уж встало, а вы, юноша, только сейчас соизволили явиться, — с легким укором сказал господин Медведь, тучный усатый мужчина в клетчатой рубашке, когда Шимус спустился в общую гостиную. — Завтрак пропустили, но, возможно, хоть за обедом удостоите нас своим присутствием?

Шимус виновато улыбнулся. Господин Кот, восседал в кресле, словно самый настоящий король на своем личном троне. В руках он держал свежую утреннюю газету, на первой полосе которой большими буквами написано про участившиеся случаи пропажи людей. Господин Медведь сидел рядом, как верный советник, только вместо чтения новостей, он занимался разгадыванием кроссвордов. Эти двое стали не разлей вода за довольно короткий срок. Они напоминали Шимусу его собственных ворчливых тетюшек, которые каждый год приезжали на семейные сборища лишь для возможности почесать языками и перемять кости остальным.

— Не лезь к парнишке, — проворчал господин Кот, сухощавый человек с глубоко посаженными глазами и странной привычкой кривить губы, будто ему все не нравилось.

— Кто ж лезет, — буркнул Медведь и поправил очки-половинки на переносице.

— Вы утром видели Олави? — спросил Шимус с небольшой надеждой.

— Как же, как же, — промычал Медведь, не отрываясь от кроссворда, — заходил, прощался, уехал на операцию. Глядишь и увидит, что мы не старики какие-нибудь там, а вполне себе крепкие мужчины в самом соку.

— Это ты-то у нас в самом соку? — хмыкнул господин Кот. — Бальзамировать впору, а ты все молодишься.

— Сказала мумия, — пробурчал господин Медведь.

Шимус вздохнул, пожелал хорошего дня, выскользнул в коридор в тот момент, когда Кот что-то ответил и затем Медведь разразился гневной тирадой. Надо бы купить кофе.

Он сел в машину, направился в небольшую кофейню, расположенную недалеко от его мастерской. Значит, к Медведю и Коту Олави соизволил выйти попрощаться, а для него оставил лишь записку. Даже захотелось обидеться, а потом он подумал, что, возможно, Олави сильно переживал из-за операции. Может быть, Олави не хотел заставлять нервничать Шимуса.

Шимус встал в очередь, чтобы взять кофе на вынос и ощутил легкое касание, словно кто-то вскользь провел рукой по капюшону куртки.

— Прощу прощения? — он обернулся.

Позади стоял высокий молодой человек с серебристыми волосами. Стальные глаза безразлично разглядывали Шимуса, в то время как губы растягивались в теплой улыбке.

— О, как неловко получилось, — виновато произнес незнакомец. — Машинально поправил ваш капюшон. Привычка, что поделать. Извините.

Он развел руками. Шимус нахмурился, отвернулся.

— Если будете заказывать капучино, то берите с соленой карамелью. Самый вкусный, — послышался голос серебряного.

— Если будете лезть с непрошенными советами, вы можете лишиться зубов, — сердито огрызнулся Шимус, повернувшись к наглецу.

В ответ — молчание и нескрываемое равнодушие во взгляде, хотя на губах по-прежнему улыбка.

— Доброго дня! — жизнерадостно воскликнула бариста, когда подошла очередь Шимуса.

— И вам, — кивнул тот. — Один большой латте с собой, пожалуйста.

Он полез в карман за кошельком, но его там не оказалось. Чертыхнувшись и побледнев (шутка ли, все карточки в нем, как и наличные деньги), Шимус почти смирился с тем, что останется без кофе, однако серебряного извлек свой бумажник.

— Я заплачу за латте этого господина и один американо с мятным сиропом, пожалуйста. Шимус запротестовал:

— Наверняка кошелек остался в машине, я сейчас за ним схожу и сам расплачусь!

Но незнакомец даже не стал его слушать, просто приложил банковскую карту к терминалу.

— Хорошо, но как вам вернуть деньги? Дайте номер телефона или карты...

— Нет нужды, — незнакомец отмахнулся от Шимуса, как от назойливой мухи. — Потом тоже кого-нибудь угостите. Так сказать, эстафета доброты.

Шимус потер подбородок.

— Раз вы настаиваете, — растерянно пробормотал он.

Незнакомец усмехнулся.

— Я не настаиваю, просто если вы пойдете в машину за кошельком, то очередь, — он повел рукой в сторону посетителей за своей спиной, — начнет раздражаться. К тому же, кошелек в авто может и не оказаться. Зачем терять время?

Шимус не нашел что ответить, серебряного отвел от него взгляд, принялся разглядывать витрину со сладостями.

Когда латте был готов, Шимус подхватил картонный стаканчик, смущенно поблагодарил серебряного и вышел из кофейни, чувствуя, как лицо заливала краска. За столиком на улице сидел паренек лет пятнадцати. Шимус увидел, что подросток находился в инвалидном кресле, покачал головой, пожалев юнца, поспешил к своей машине. Чёртов кошелек.

— Почему так долго? — спросил Алан, когда Дамиан поставил перед ним стаканчик с кофе.

Подросток листал страницы сайта. Искал коллекционные фигурки персонажей из нового японского анимационного сериала.

— Очередь, юный господин. Я надеюсь, что вы заказываете нужные для учебы книги или хотя бы...

— Не твое дело, что я там заказываю, — пробормотал Алан и просиял: нашлось именно то, что он хотел.

Подросток потянулся, взял было стаканчик, однако зашипел, отдернул руку, сердито посмотрел на Дамиана.

— В парк? — невозмутимо спросил слуга, проигнорировав то, как Алан сверлил его глазами.

Можно подумать он виноват в том, что кофе слишком горячий.

— Память заполнилась и теперь у тебя удаляются важные файлы? — Алан вновь уткнулся в смартфон. — Я же говорил, что хочу выбрать ноутбук, плюс ты обещал помочь сделать фотографии.

— Свои обещания вы, конечно, не помните?

Дамиан одной рукой толкал кресло впереди себя, в другой руке держал обжигающий стаканчик.

— Например? — недовольно протянул Алан, жестом потребовал кофе.

— Вы обещали посмотреть образцы приглашений и выбрать подходящие. Нет, все еще горячий, я скажу, когда будет в самый раз. За несколько секунд ничего не изменилось, кроме количества денег на вашем счету.

— Хватит нудить, — уже пара артбуков в корзине. — Тебе тоже перепадает, плюс это не твоя забота совершенно.

— Я ваш опекун, это как раз-таки моя забота, — отчеканил Дамиан. — Я имею доступ ко всему, включая счета. Но, заметьте, всего лишь взываю к благоразумию, хотя мог бы принять радикальные меры. В отличие от меня, для вашего процветающего существования требуются деньги, но такими темпами уже к совершеннолетию вам придется думать о том, где подзаработать, при том не имея возможности ходить.

Алан закатил глаза.

— У меня есть резервные счета, к которым откроется доступ, когда исполнится двадцать один. Мама очень меня любила, даже тебя откуда-то взяла. И все для того, чтобы жизнь не была слишком жестока.

Когда с артбуками было покончено, Алан убрал смартфон в нагрудный карман куртки, накиннул на голову капюшон.

— К тому же, ты можешь помочь мне с ногами.

Дамиан вздернул правую бровь и уголки его губ поползли вверх.

— Нет, не могу.

Алан поднял на него взгляд.

— Как это?

Лицо слуги стало невероятно довольным.

— Видите ли, мой договор с Евой истекает лишь после вашей смерти. И, чисто технически, моей хозяйкой до сих пор является она.

— О, так можно немного сжульничать, — Алан оглядывался по сторонам.

Магазин цифровой техники был где-то тут. Онлайн заказывать не хотелось. Да и лишний повод подышать свежим воздухом. В последнее время получалось так, что Дамиану не нужно было уговаривать подопечного выбраться из квартиры. Поначалу выходило так, что слуга чуть ли не силком сажал Алана в кресло и вывозил на прогулки. Теперь подросток сам ежедневно требовал этого.

К тому же, Дамиан добавил в прогулки приятные элементы, например, вкусный кофе, свежая выпечка. Они нередко стали бывать в музеях и в различных исторических местах города. А после того, как Алан приобрел смартфон с хорошей камерой, ему очень понравилось делать фотографии этих мест и выкладывать их в популярную социальную сеть. У Алана появились подписчики, вернее, подписчицы, хотя появились они, скорее всего, благодаря фотографиям Дамиана, которого подросток снимал за повседневными занятиями. Впрочем, надо отдать ему должное — Алан ожидал, что Дамиан окажется крайне фотогеничным. Так и получилось.

— Как же? — спросил Дамиан, приметив яркую вывеску магазина и покати кресло напрямую к ней.

— Ты можешь меня убить, потом воскресить и...

— Вы уверены, что я верну к жизни именно вас? — оскалился слуга.

Алан как-то резко помрачнел.

— В смысле?

— Пока тело пустует без вас, кто-нибудь может воспользоваться возможностью питаться человечинной с помощью ваших зубов.

Алан в ужасе вытаращил глаза.

— Прибыли, — слуга остановился у вывески.

Подросток хотел было заикнуться, что с удовольствием послушал бы про поедание человечины и пустующие тела, однако Дамиан вручил подостывший кофе и вкатил кресло в магазин. Алан сделал глоток и поморщился.

— Зачем так много сиропа? Почему ты не проследил, чтобы налили как обычно?

— Не пейте, на обратном пути куплю вам новый.

— Не хочу потом, хочу сейчас пить кофе с нормальным количеством сиропа, — проворчал Алан, презрительно разглядывая стаканчик с логотипом кофейни.

— Если вы сегодня выберете приглашения, то схожу за новым кофе сию же минуту.

Алан задумался.

— Идет.

По пути домой Алан был невероятно доволен покупками и фотографиями с прогулки. Дамиан присутствовал на некоторых из них. Алан думал, что это достаточно хитрый ход привлечь еще больше новых подписчиков. Раз им так нравился слуга, а самому Алану нравилось снимать фасады исторических зданий, то почему бы не совместить?

Когда они уже находились рядом с подъездом, то Дамиан замешкался: нужно достать ключи, пакетов слишком много.

— Позвольте я вам помогу, — послышался вкрадчивый голос и перед ними предстал невысокий юноша с черными, как смоль, волосами, затянутыми в тугой хвост на затылке.

Глаза Дамиана полыхнули красным, руки начали зудеть. Алан непонимающе воззрился на подошедшего, оглядел с ног до головы. Явно не сосед. Их соседи, за исключением Терлецки, которая несколько не в себе, не носили рваных джинсов, стоптанных кроссовок и потертых курток на несколько размеров больше, чем нужно.

— Благодарю, но не стоит, — глаза Дамиана вернулись к привычному оттенку, губы дрогнули в достаточно искренней улыбке.

Однако подошедший и не думал так просто сдаваться. Он мягко оттеснил Дамиана, взялся за кресло, заодно выхватил у слуги пару пакетов.

— Открывайте, с креслом помогу.

Алан почувствовал свежий запах ягод и попытался повернуться.

— Шею свернете, господин, — процедил сквозь улыбку Дамиан. — А хоронить вас не на что, вы все спустили на игрушки.

Слуга извлек ключи, дверь распахнулась. Юноша ловко втолкнул кресло в подъезд, Дамиан же не сводил с него взгляда. Алан все пытался извернуться, чтобы как следует рассмотреть незнакомца. Дамиан вызвал лифт.

— Подождите меня возле квартиры.

— Вот еще, ключи давай сюда.

Слуга вручил их.

— А чего со мной не поднимешься? — поинтересовался Алан, вкатываясь в прибывший лифт.

— Хочу поблагодарить нашего помощника, — Дамиан внимательно всматривался в карие глаза юноши, который в свою очередь виновато улыбался подростку, мол, извините, что помог вам, так неловко.

Недоумевающий Алан нажал на нужную кнопку и едва исчез за дверью лифта, как Дамиан вплотную подошел к юноше. Учитывая разницу в росте, он смотрел на него сверху вниз.

— Не сочти за бестактность, но когда мы виделись в последний раз, твои глаза представляли из себя два черных пятна на полу. Позволь узнать, где ты раздобыл новые?

Вместо ответа, юноша лишь крепко обнял Дамиана.

— Рад видеть тебя, дружище.

Дамиан отстранился.

— За чем пожаловал, Олави?

— За тобой.

Слуга внимательно вглядывался в глаза, которые Олави присвоил себе.

— Мутноваты что-то. С ограниченным сроком годности?

Олави лишь улыбался.

— Таково все человеческое.

Дамиан издал смешок. Сверху донесся недовольный крик Алана:

— Тащи сюда свою задницу! Сколько можно трепаться?!

— Кто это, Дамиан? — спросил Олави, подняв голову кверху, глядя на то, как лестница скручивалась в причудливую воронку. — Твой домашний питомец?

— Оглох?! — снова раздался вопль. — У меня не получается открыть дверь, замок заело!

— Или это ты здесь зверушка на побегушках? — Олави смотрел на Дамиана с нежностью, и она сильно контрастировала с тем, что он говорил.

— Давай договоримся, — Дамиан щелкнул Олави по носу. — Ни о каком возвращении речи и быть не может. Сюда ты больше не приходишь, то есть даже не просто не приходишь, а не околачиваешься где-то поблизости, не караулишь меня где-нибудь в магазине и уж точно не суешься в квартиру. Мы, конечно, раньше были хорошими друзьями. Но это не мешает вырвать твою глотку, если ты затеял то, что мне очень не понравится.

Стальные глаза подернула алая пелена, однако улыбка на губах Олави не пропала.

— И никуда не пойду, тем более с тобой, — Дамиан нажал кнопку вызова лифта.

— Не удивлен, — Олави тихо засмеялся. — Приятно знать, что ты не особенно изменился. Хоть кто-то.

Дверь лифта отъехала в сторону, слуга вошел в него. Прежде чем нажать кнопку, он стянул с правой руки перчатку, продемонстрировав темную кисть руки с бурыми отметинами и черно-фиолетовыми ногтями. Олави все еще улыбался, но внутри него что-то надломилось.

Дамиан смотрел на него исподлобья.

— Явишься еще раз, и вместе с чужими глазами я вытащу твой позвоночник через рот.

— Какой же ты долгий, сколько можно возиться? — надоедал Алан, пока Дамиан возился с замком.

Действительно, заело. Однако спустя минуту дверь распахнулась.

— Хотите есть? — спросил Дамиан, подумывая, что, возможно, придется поменять замки.

— Сам-то как думаешь? — Алан стягивал куртку, рассматривая себя в зеркале.

Дамиан поджал губы, положил пакеты на пол, закрыл дверь.

— А давай закажем чего-нибудь на дом? — внезапно предложил Алан, нагибаясь и расшнуровывая ботинки.

Дамиан присел возле него на корточки, снял обувь, стащил яркие носки.

— Чего именно хотите?

— Все что угодно, кроме твоей стряпни.

Алан лучше бы умер, чем признался бы Дамиану, что слуга стал намного лучше готовить. Дамиан распрямился, снял пальто, повесил его и куртку господина на вешалку, разулся.

— Определитесь с выбором, я пока разложу покупки.

Он кивнул на пакеты.

Алан покати́л в свою спальню, ухватив коробку с новым ноутбуком. Дамиан проследовал сначала на кухню, поскольку они купили еще и продукты на несколько дней вперед. Открыв холодильник, слуга окинул взглядом стеклянные полки, закатал рукава черной водолазки. Пока раскладывал продукты, Дамиан то и дело поглядывал на свои руки. Они никогда не казались ему неприятными или какими-то неправильными, даже несмотря на их откровенное уродство. Слуга понимал, что сейчас он их разглядывал не из-за внезапно нахлынувших воспоминаний, а из-за визита приятеля, который явно рассчитывал на более теплую встречу. Также Дамиан знал, что тот Олави, представший перед ним, не имел никакого отношения к тому, которого он знал раньше. Прежний не стал бы забирать чужие глаза, потеряв свои собственные.

— Тебе что-нибудь заказать? — услышал Дамиан крик Алана из другого конца квартиры.

Слуга едва заметно улыбнулся. Подросток прекрасно знал, что Дамиан почти не ощущал вкуса человеческой еды, но словно не терял надежды найти то блюдо, которое заставит Дамиана почувствовать хоть что-нибудь.

— Если желаете, — крикнул в ответ.

Снова поглядел на руки, захлопнул холодильник с некоторой злостью, затем направился в свою комнату, достал образцы приглашений и принес их Алану.

— Это они? — несколько разочарованно протянул подросток, оторвавшись от экрана смартфона.

Он как раз оплачивал доставку.

— Вам нужно определиться с точным количеством гостей, утвердить меню...

Алан жестом попросил его замолчать.

— Все не то, — цокнул языком Алан, бегло оглядев предложенные образцы.

— Посмотрите внимательно, пожалуйста, — Дамиан откровенно любовался карточками.

Такие изысканные и лаконичные приглашения еще поискать.

— Мне ничего не нравится, — пожал плечами Алан, вернувшись к смартфону.

— Тогда скажите что вы хотите увидеть и я сегодня же заеду в типографию, — Дамиан посмотрел на циферблат наручных часов, их заставлял носить подросток.

Алан считал, что слуга не понимает человеческую концепцию времени.

— Выкинь, не надо куда ехать.

— Так не пойдет, — Дамиан усмехнулся. — Сначала вы поручаете мне заняться организацией празднования вашего дня рождения, а теперь практически говорите, что вся проделанная работа ничего не стоит?

Его лицо помрачнело, но слуга улыбался.

— Если у меня в запасе целая вечность, и вы думаете, что имеете право бездумно ею распоряжаться, то напомним: способности быстро бегать у вас так и не появилось.

Алан начинал раздражаться. Откуда в этом создании такое огромное количество правильности?

— Отменяй все к чертям собачьим, ты мне надоел.

Дамиан скрипнул зубами.

— Хватит так злобно тарашиться, у меня иммунитет выработался к твоим взглядам, — Алан хмыкнул. — Кстати, сегодня привезут новую.

Он махнул рукой в сторону коллекционных фигурок, замерших на полках. Некоторых из них Дамиан уже начинал запоминать по именам. Именам, все верно.

— Хотите, чтобы я расплатился с курьером? — Дамиан равнодушно смотрел на пластиковых персонажей.

— Да, ну, и как обычно.

Дамиан кивнул. Он осматривал фигурки на предмет сколов и трещин при курьере, которого слуга насильно затаскивал в гостиную. Бледные, насмерть перепуганные ребята в курьер-

ской форме, сидели на диване, пока слуга тщательно изучал товар. Конечно, Дамиан угощал курьеров чаем, однако от этого им не становилось комфортнее. Еще нужно было проверить качественно ли покрашена фигурка, не забыли ли вместе с ней положить подставку. У некоторых фигурок в комплекте имелись сменные детали, которые позволяли изменять образ персонажа, например, можно было увидеть героя в шляпе, заменив ему голову. За их целостностью тоже нужно проследить.

Слуга взял приглашения, собрался покинуть комнату Алана, но тот его остановил.

— Ладно, я выберу подходящее. Оставь их.

— Как великодушно, — вздохнул Дамиан.

Подросток буркнул что-то не слишком разборчивое.

— Что, простите? — переспросил слуга, направляясь к балкону, чтобы открыть дверь и проветрить спальню.

— Ничего.

Дамиан пожал плечами и покинул подростка, оставив его наедине с приглашениями. Слуга ушел, а пряный аромат корицы и апельсинов остался.

Алан взял в руки приглашения.

Он немного корил себя за то, что иногда был слишком резок в высказываниях, все надеялся научиться сначала думать, а потом говорить. Приглашения и впрямь хороши, но Алан не мог признаться в этом слуге, иначе получалось, что он признавал его правоту и считался с его мнением.

Алан все чаще ловил себя на мысли, что Дамиан становился для него не просто какой-нибудь прислугой, а тем, к чьим советам можно и нужно прислушиваться. Желание Дамиана довести все до совершенства, в общем-то, никому не вредило.

Подросток видел, что Дамиан бережно относился ко всему, он обходителен и с самим господином, пусть и периодически выходил из себя, что тоже получалось без искреннего желания сделать больно.

Глубоко внутри Алан надеялся на то, что подросток для Дамиана не просто беспомощный кусок мяса в инвалидном кресле.

Смартфон завибрировал. Олави достал его из кармана.

Юноша сидел на скамье недалеко от дома, где жил Дамиан.

Сообщение от Шимуса.

«Надеюсь, что с тобой всё хорошо. Возвращайся скорее с новыми глазами.»

Олави откинулся на спинку скамьи, запрокинул голову назад. По небу медленно проплывали серые облака. С одной стороны Олави был крайне доволен собой, ему удалось отыскать Дамиана. С другой стороны возникла новая проблема, о которой он даже не подозревал раньше. Старый приятель не хотел возвращаться.

Олави думал, что вернись он в прошлое, то предпочел бы тоже остаться без рук. Однако слепым оказалось жить куда проблематичней. Да, его настоящие время от времени заменялись глазами тех, кто в той или иной степени имел точки соприкосновения с мирами, невидимыми среднестатистическому обывателю. А без этого разглядеть в толпе кого-то вроде самого Олави очень сложно. Чувствовать мало, вокруг слишком много балансирующих на гранях. К тому же, Дамиан, живя среди людей, научился подстраиваться под человеческую энергетику. Будь настоящие глаза при Олави, юноша разглядел бы истинный облик приятеля. И самый главный минус — срок использования у позаимствованных «окуляров» ничтожно мал. Редко попадались такие, которые служили дольше месяца. Если заимствовались совсем слабые, то Олави начинал слепнуть через неделю и нужно было искать замену.

Возвращаться без Дамиана нельзя. Необходимо что-то придумать такое, чтобы Дамиан сам умолял вернуться. Олави снова усмехнулся. Нет, Дамиан не станет умолять. Ни при каких условиях.

Юноша часто-часто заморгал от внезапно появившегося дискомфорта. Будто под веки насыпали нагретого песка. Плохо дело. Если глаза и недели не протянули, то донор был совсем никакой.

Олави вновь перечитал сообщение Шимуса. Буквы расплывались и даже при должной фокусировке не хотели выстраиваться ровным рядом. Юноша прикрыл веки, помассировал пальцами. Вроде стало немного лучше. Прежние глаза прослужили две недели, прежде чем он снова ослеп.

Юноша вздохнул. Новые глаза придется искать самостоятельно и в сжатые сроки, доверять старухе Краснолис больше не хотелось. Олави вспомнил про подростка в инвалидном кресле, который был вместе с Дамианом.

Кажется, Олави знал, как помочь приятелю решиться пойти с ним. Нужно только разорвать договор.

2

— Шимус, к тебе кто-то пришел, — вкрадчиво сказала Лайла, заглянув в закуток, где он обычно работал. — Говорит, что ты его хороший друг и хочет увидеться с тобой немедленно.

Парень поднял глаза на явно смущенную блондинку. Ее щеки заливал румянец, а руки, прижимавшие к груди стопку эскизов, дрожали.

— Как зовут? — Шимус нахмурился.

— Не представился. Он ждет в комнате с заказами, если что.

— Спасибо.

Девушка кивнула, поспешила к своему столу. Шимус задумчиво посмотрел ей вслед, глядя на то, как она плавно покачивала бедрами. Он отложил в сторону карандаш, бросил беспокойный взгляд на дворик за окном.

Шимус специально расположил свой стол так, чтобы в любое время года можно было любоваться деревьями и цветами, которые нередко высаживал сам. Считал, что это неплохо отвлекало, если в голове роилось чересчур много мыслей. Запах земли, свежий воздух, голоса птиц, для которых на деревьях приделали кормушки. Под деревьями — небольшие скамейки, где собиралась вся крохотная семья маленькой мастерской по изготовлению обуви и кожаных изделий. Мастерская, перешедшая от отца, по меркам города была совсем крохотной, однако Шимус невероятно гордился тем, что к нему выстраивалась огромная очередь на несколько месяцев вперед за изящными сумками, вместительными и удобными рюкзаками, ботинками невероятной красоты.

Он двинулся в комнату с заказами. Каково же было изумление Шимуса, когда он увидел Олави, с любопытством разглядывавшего чудесные ботинки из кожи морского ската. Серо-серебристые, на миниатюрную ступню.

Когда Олави поднес руку, чтобы потрогать ботинки, Шимус его окликнул:

— Пожалуйста, не надо.

Олави обернулся.

— Привет, дружище.

Шимус подошел вплотную, рассматривая его глаза.

— Мне думалось, что операция и процесс восстановления — дело не быстрое. Стой... Почему они карие?

Он смотрел на белое лицо Олави, которое при освещении в комнате казалось синюшным.

— Как так вышло? — Шимусу стало очень некомфортно стоять так близко к Олави. Его захлестнула волна непонятной тревоги, которой не бывало раньше в присутствии приятеля. Тревога усиливалась еще тем, что Олави уехал вчера утром, оставив после своего ухода лишь сухую записку.

— Чудеса современной медицины, — Олави склонил голову набок. Шимус сделал несколько шагов назад.

— Какие бы чудеса медицина не демонстрировала, я еще ни разу не слышал о случаях изменения цвета после операции по восстановлению зрения.

Сердце бешено стучало. Внезапно Олави уже не казался ему хрупким юношей, который нуждался в помощи и оттого Шимусу делалось еще страшнее. Внутри все сжалось. Он напрягся. Голос в голове умолял убежать, а ноги застыли, не желая двигаться.

— Все прошло не так хорошо, как хотелось бы, — Олави снова подступил к нему. Шимус разглядел желтоватые склеры глаз.

— И потому я пришел к тебе. Ты — мой единственный друг, на которого я могу положиться.

У Шимуса защемило сердце. Олави сказал это с такой болью, что его душа наполнилась желанием помочь во что бы то ни стало.

— Но не думай, что я прошу безвозмездной помощи.

Шимус непонимающе смотрел на него.

— Взамен я обещаю, что мертвецов ты больше никогда не увидишь.

Олави поднес обе руки к своему лицу и мгновение спустя карие глаза оказались в ладонях. Шимусу захотелось заорать, но крик застрял в горле. Он развернулся и быстрым шагом направился к двери, дернул за ручку. Заперто. Шимуса прошиб холодный пот. Он совершенно точно не запирает ее. Да и как? Ключами обычно заведовала Лайла.

Тонкие руки, с непонятно откуда взявшейся в них силой, развернули Шимуса от двери. Удивительно, но то, как Олави забрал его глаза, он почти не почувствовал. Боль пришла потом, когда пришло и осознание. Свет померк, по щекам потекло что-то горячее. Он невольно осел на пол, тяжело задышал.

— Что же это... — просипел Шимус, а потом закричал.

Олави удовлетворенно выдохнул.

— Прекрасные глаза, — прошептал он, осматриваясь по сторонам.

Вытер руки о куртку, склонился над Шимусом. Можно, конечно, забрать и жизнь, однако это ни к чему.

Олави заставил несчастного подняться на ноги, осторожно придерживая под руку, сделал шаг назад. Комната, еще недавно, чистая и светлая, наполненная коробками и свертками, перекинулась мрачной, обшарпанной каморкой. Тень, до этого что-то мирно жующая в углу, издала недовольный визг при виде Олави и скрылась из виду, просочившись сквозь стену, оставив после себя части своего пиршества — какие-то ошметки в неприятной жиже.

Услышав визг, Шимус дернулся.

— Нечасто в полусвете люди остаются, — пробормотал Олави. — Ну, ничего, раз тебе нечем видеть, то и бояться ничего не придется. На слух все тут не такие жуткие, как на вид.

Олави усадил воющего Шимуса обратно на пол.

— Никуда не уходи.

В полусвете Олави выглядел гораздо выше. Кожа его стала перламутровым мрамором, а волосы, удлинившиеся до самой земли, смотрелись черным густым дымом, тягучим, словно патока. Ему даже было немного жаль, что Шимус не имел возможности увидеть его настоящим. Шаг вперед и комната вернулась к прежнему виду.

Только Шимуса в ней уже не было.

— Его зовут Алан, а не Адам, — Дамиан нависал над стремительно уменьшающимся в размерах менеджером.

Перед слугой лежала стопка приглашений, отпечатанных на плотной бумаге бежевого цвета. Все в этих карточках было замечательно, за исключением того, что имя виновника торжества указано совершенно иное. Фотография оплошности уже сделана и Дамиан убирал смартфон в карман.

— Право слово, существуют блокноты, письменные принадлежности. Если не в блокноте, то почему нельзя было записать необходимое у себя на лбу? — Дамиан злился, но старался сохранять спокойный тон, пусть это и становилось сложнее.

До празднования оставалось всего ничего, и чем меньше времени оставалось до важного события, тем больше укреплялось странное предчувствие приближающегося провала. Менеджер моргал, вжимая голову в плечи, будто ожидая удара.

— Прошу вас...

Его смартфон ожил и пополз по столу от вибрации. Дамиан плотоядно оскалился.

— Это ваш?

— Мой, — кивнул менеджер. Р

Рыхлотелый мужичок, втиснувшийся в костюм явно меньше по размеру.

— Зачем он вам, если даже заметками не пользуетесь?

— Как же, пользуюсь.

Дамиан взял одно приглашение и поднес к лицу менеджера.

— Не пользуетесь.

Слуга скрипнул зубами, постучал пальцами по столу. Менеджер смиренно молчал, поджав губы и вперив глаза в столешницу. Гнев понемногу отступал, Дамиан прекрасно понимал, что злиться на тугоумое существо слишком расточительно.

— И? — Дамиан поглядывал на часы за спиной менеджера, затем бросил взгляд на свои.

Ему нужно забрать подарок для Алана.

— Мы все исправим сегодня, уверяем вас! — проблеял менеджер.

Ему почему-то показалось, что в той злой улыбке промелькнули острые клыки.

— Конечно, исправите, — проклокотал Дамиан. — Другого я и не жду. И не сегодня, сегодня — понятие весьма растяжимое. Сейчас, сию же минуту начнете.

Менеджер кивал после каждого слова, пытаясь выдавить из себя понимающую улыбку.

— Почему вы еще здесь, если вы меня слышите?

Мужчина подпрыгнул на месте и, рассыпаясь в извинениях, засеменил куда-то по длинному коридору. Дамиан сцепил зубы, направился к выходу. Алан ожидал его в машине.

— Ну? — спросил подросток, когда слуга сел на место водителя.

Дамиан открыл нужную фотографию в галерее и без слов показал ее Алану, повернувшись назад. Юный господин издал смешок.

— Что будем делать?

— Вечером заберу исправленные.

Алан приподнял брови.

— Ого, неужели ты настолько хорошо умеешь убеждать? Почему-то со мной такое редко работает. Или они трусы и просто испугались твоей перекошенной от злости рожи?

— Я показал ваше фото, — Дамиан повернул ключ в замке зажигания. — Проблема решилась сама собой.

— Рот закрой, — пробубнил Алан, отворачиваясь к окну и пристегивая ремень безопасности.

Через некоторое время автомобиль остановился перед мастерской, где его дожидался готовый подарок. Слуга подумал, что исходя из традиций человеческого мира, господину было бы приятно получить что-то и от него, пусть Алан может и не подать виду.

— А тут чего? — Алан удивленно смотрел на здание мастерской с неброской вывеской.

— Пожалуйста, подождите меня немного. Нужно кое-что забрать, — Дамиан отстегнул ремень, заглушил мотор.

Алан хитро сощурился.

— Что забрать?

Дамиан вышел из машины, оставив вопрос без ответа.

В мастерской его встретила заплаканная Лайла, девушка, с которой он обсуждал детали заказа. Он помнил ее аккуратную прическу, с какой она предстала перед ним в прошлый раз. Сейчас же на голове творился беспорядок, как, вероятно, и внутри головы.

— Здравствуйте, — глухо произнесла Лайла, издав всхлип.

— Добрый день, — ласково сказал Дамиан. — Мне пришло сообщение, что заказ готов.

Лайла закивала, судорожно вздохнув. Она терла нос, запускала руки в волосы. Слуга старался улыбаться как можно добродушнее, но после визита в типографию он настраивался на худшее. Девушка куда-то ушла, предложив ему присесть на кресло возле одного из столов

напротив окна в ухоженный дворик. Через несколько минут Лайла принесла Дамиану черный бумажный пакет. Слуга достал из него темно-синюю коробку с логотипом мастерской.

— О, вы учли мои пожелания, — он был приятно удивлен.

— Да, мы обычно пакуем в коричневые, — всхлипнула Лайла.

Дамиан открыл коробку, развернул шуршащую бумагу того же глубокого синего оттенка.

— Знаю, потому и попросил избавить меня от кошмарного цвета.

Лайла ничего не ответила, лишь украдкой вытерла выступившие слезы рукавом. Она разглядывала Дамиана, пока тот был всецело занят ботинками.

— Что ж, вполне неплохо, — он завернул их, накрыл крышкой, полез в карман за кошельком — оплачена только половина стоимости.

Приняв деньги, девушка сначала долго всматривалась в купюры.

— Все в порядке? — поинтересовался Дамиан.

Лайла кивнула.

Получив сдачу и чек, слуга вышел из мастерской. На его удачу, Алан не смотрел в окно автомобиля, он был всецело поглощен чем-то на экране планшета. Дамиан быстрым шагом дошел до багажника, куда и спрятал подарок. Едва он открыл дверь машины, как Алан, не поднимая глаз протянул:

— Я знаю, что ты приготовил для меня подарок.

Дамиан даже бровью не повел.

— С чего вы взяли?

Подросток пододвинулся поближе к водительскому креслу.

— Кого угодно можешь обманывать, но меня тебе не провести, — глаза Алана горели, а сам он светился от радости.

Дамиан повернулся к нему. По бесстрастному лицу сложно было понять прав ли Алан. Конечно, он прав, но нельзя портить сюрприз.

— Вас, как раз-таки, обмануть совсем несложно, — Дамиан усмехнулся. — Вы думали, что мы весь день будем заниматься приготовлениями к празднику. Но вместо этого мы отправляемся в книжный, чтобы купить дополнительную литературу для ваших занятий по истории.

Алан сморщился.

— Да брось, что за ерунда! Зачем ты прицепился ко мне с учебой, неужели тебе самому вот это все не лень делать?

— Господин, вы забываете с кем разговариваете о лени, — Дамиан откинул волосы со лба. — В моей природе она просто не заложена.

— Круто, тогда ты идеален, — Алан нервно щелкнул пальцами. — Ты говорил, что я пренебрегаю твоим временем. Разве это не то же самое? Неужели вдалбливание информации, которая не очень-то пригодится мне в будущем, учитывая мое физическое состояние, финансовые возможности и само желание на все забыть, ты не расцениваешь как пустую трату наиболее ценного ресурса, даже для тебя?

Дамиан повернул ключ в замке зажигания.

— Хорошая попытка, но нет.

Алан ругнулся, бросив планшет на сиденье.

Когда со всеми делами было покончено, когда книги по истории куплены и приглашения теперь лежали на письменном столе Дамиана, когда прошел поздний ужин и Алан отправился в свою комнату, чтобы помимо книжек для учебы раскидать по кровати новые выпуски комиксов, вытряхнуть из пакетов разные приятные мелочи, захваченные по пути на кассу в книжном, слуга убирал посуду на кухне. Страхивая с тарелки крошки печенья, Дамиан вдруг вспомнил каким живым огнем загорелись глаза подростка при разговоре о спрятанном подарке. Внутри Дамиана поселилось странное ощущение. Он помотал головой, прогоняя мысли, что ему будет

приятно вручать коробку с ботинками. Да, вероятно, Алан может расценить такой подарок как издевательство, но зная о его любви к красивой обуви, даже за неимением возможности в ней погулять, Дамиан склонялся к мысли, что подарок весьма и весьма понравится.

Слуга протер стол, выключил воду. Потушив свет на кухне и миновав спальню Алана, Дамиан направился в свою комнату. Мягко прикрыл дверь, включил настольную лампу. Взгляд скользнул по аккуратно сложенным приглашениям, по шуршащему пакету, в котором лежали его кисти и акварель. Алан не умолкая болтал за завтраками про рисование, Дамиан и не удержался. Не все же время заниматься одной лишь уборкой.

Надо отдать должное Алану. Чем больше времени они проводили вместе, тем сильнее менялся Дамиан. Раньше он мог отпустить какую-то колкость в сторону Алана и ничего не почувствовать, теперь размышлял не был ли он слишком груб. Стоя под обжигающе горячим душем, почти кипятком льющимся по телу, Дамиан прикрывал глаза, представляя что случится, если он последует за Олави и вернется туда.

Хексы прибывали на кораблях, которые медленно заходили в гавань. Хексы сходили с кораблей, кланялись шпилям турмалиновых башен.

— Дувеса, — молвили прибывшие с благоговением, и глаза их вспыхивали желтым.

По вечно темно-синим небесам катились черные, золотые, серебряные и белые луны. Когда одна из них гасла и обрушивалась в море, то на ее месте появлялась новая. Та, что падала в море, использовалась жителями Дувесы для ювелирных изделий. Нередко в море падали и звезды. Найти звезду у хекс считалось признаком успеха во всех начинаниях, потому они бродили по побережью, в надежде отыскать звезды, которые затем использовали для создания амулетов и зелий, верили, что станут удачливее. Говорили, что хексы променяли всю свою удачу, чтобы варить самые страшные яды, потому тщетно пытались поймать везение за хвост.

На каменных лестницах, уходящих в глубокие воды, собирался морской народ. Они славили луны в своих песнях, воздевали руки к лунам, утаскивали гостей Дувесы в пучину и перегрызали им глотки острыми зубами, похожими на длинные иглы. Впрочем, и сам морской народец рисковал стать добычей и оказаться на столе в качестве лакомства, а чешуей со своих хвостов украсить серьги и медальоны.

Разговаривать с приезжими Дамиан не любил, ему казалось, что они насквозь пропахли крепким табаком, которым забивали длинные трубки. Пропахли травами и маслами, которыми натирали тела. Приезжие кутались в теплые балахоны, слонялись по узким улочкам, мощеным черным кварцем. В Дувесе было достаточно холодно, потому без теплых вещей находиться там невозможно. Вопреки всем историям про хекс, они были как красивые, так и безобразны, однако, чем уродливее хекса, тем сильнее будут ее зелья и проклятия. Хексы сами-то не сильно желали общаться с такими, как Дамиан — Неспящими, коренным населением Дувесы. Зато им вполне хорошо беседовалось с себе подобными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.